B153
245

Н. Т. ЛИХНИЦКИЙ

B153
2-15

КЛАССОВАЯ БОРЬБА И КУЛАЧЕСТВО НА КУБАНИ

1931

Н. Т. ЛИХНИЦКИЙ

В153 245 X

321.91(2)
Л65

КЛАССОВАЯ БОРЬБА
И КУЛАЧЕСТВО НА КУБАНИ

Проверено 1937 г.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ"
Ростов н-Д. 1931

Экз.

КУТ ГПИ Ф.Б-КА ИМ. СТАЛИНА
ПОГАШЕНО

№ 1030
XII—30

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
5Г6059VV

Статформат А5 148x210
Гостипография им. Коминтерна Севкавкрайполиграфоб'единения в Ростове на Дон
Крайлит А24/848. Заказ № 123. Тираж 400

ОТ АВТОРА.

Большевистская оценка социально-экономической и политической обстановки, в которой проводится ликвидация кулака, как класса, в условиях проведения сплошной коллективизации Кубани, должна учитывать исторические корни своеобразных черт этой обстановки. Краткий анализ исторических особенностей развития Кубани периода революции, гражданской войны и нэпа должен помочь этому учету, без которого не может успешно преломляться генеральная линия партии в местных условиях.

Данный очерк и является попыткой анализа исторических корней своеобразия обстановки современной (январь-апрель 1930 г.) кубанской станицы. Очерк не претендует на охват всех сторон исторического процесса на Кубани за революционное время. В поле внимания включено только развитие станицы, под углом зрения роли и удельного веса в этом развитии кубанского кулачества, в связи с казачьим вопросом.

Этот аспект имеет определенный актуально-политический смысл в связи с решительным поворотом в нашей политике по отношению к кулачеству с конца 1929 года.

В первоначальном плане предполагались, кроме публикуемых глав, еще две: 1) об опоре и союзнике пролетариата в станице и 2) пролетариат, партия и советы на Кубани. Специальное рассмотрение, в историческом разрезе, этих вопросов должно бы было более или менее подробно осветить проблему внутренних сил революции на Кубани и пролетарского руководства ими в процессе революции и советского строительства (1918—1929 г.г.).

План этот исходил из мысли, что если проблема кулачества—проблема местной контр-революции и анти-пролетарских социальных сил в станице—будет рассмотрена вне связи с революционной базой, то может получиться односторонняя, следовательно, неверная картина, не об'ясняющая причин огромных успехов коллективизации именно на Кубани.

Условия работы не позволили выдержать этот план, хотя с принципиальной стороны он несомненно имеет все аргументы за

себя. Пришлось эту чрезвычайно важную проблему рассмотреть в сокращенном (в смысле материала и анализа и особенно по вопросу о партии) и разбросанном виде в публикуемых главах в связи с классовой борьбой с кулачеством. От этого полнота работы, даже с точки зрения общей характеристики, конечно пострадала.

Будем надеяться, что к специальному дополнительному рассмотрению вопроса внутренних сил революции удастся вернуться. Здесь особенно важна проблема руководства революцией Кубанской большевистской организацией, поскольку изучение опыта руководства в таком специфическом районе, как Кубань, имеет большое партийно-политическое значение.

Стоит ли особо отмечать, что очерк является только попыткой дать общую характеристику и общую схему процесса. Он отнюдь не может рассматриваться работой, претендующей на более или менее исчерпывающее освещение всех сторон и деталей классовой борьбы на Кубани за 1917—1929 г.г.

Должен отметить неизменную отзывчивость работников Куб. арх. бюро т.т. Миттенберга и Сень. Когда приходилось обращаться к ним с просьбой предоставления нужных документов и материалов, хранящихся в Краснодарском архиве, то автор всегда встречал самое товарищеское отношение и содействие.

Сокращение: КОАБ—Кубанское Окружное Архивное Бюро.

Краснодар, 15 мая 1930 г.

P. S. Просьба к читателю и критикам учесть то обстоятельство, что работа писалась в разгар большевистского сева весны 1930 г.—до XVI партс'езда.

Ростов н-Д.,
ноябрь 1930 г.

ГЛАВА I.

КЛАССОВЫЕ И СОСЛОВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ДО РЕВОЛЮЦИИ.

Известно, что бывшие казачьи области современного Северо-Кавказского края сыграли особую роль в истории гражданской войны. Их называли Русской Вандеей, и эта кличка довольно крепко вошла в историческую литературу. Действительно, белогвардейщина нашла здесь богатую почву. Стоить лишь указать, что отсутствие на Кубани более или менее крупных пролетарско-индустриальных районов сочеталось с мощным развитием аграрного капитализма и сословно-феодальным пережитком в виде казачьей войсковой земельной собственности. Но было бы неверно за волной поместно-казачьей контр-революции не видеть здесь могучего революционного потока 1917-18 г. г., выросшего на местном крестьянско-казачьем корне. Переплет классовых и сословных противоречий на Кубани создал очень сложную обстановку. Тем не менее будет ошибкой, благодаря наличию сословных противоречий между казачеством и иногородними, превращать первых в сплошную контр-революционную и, наоборот, вторых в революционную массу. Местная казачья контр-революция никогда не была руководящей силой в потоке белого движения. Первую скрипку играла российская помещичье-генеральская буржуазная контр-революция, развернувшаяся на Северном Кавказе в так называемую деникинщину. Она взяла на буксир местную контр-революцию, получив решающую поддержку от зап.-евр. империализма, сначала немецкого, а потом англо-французского.

Наше утверждение о роли первой скрипки и особом месте казачьей контр-революции, вообще, и кубанской, в особенности, в антисоветском лагере во время гражданской войны может быть легко подтверждено, во-первых, выводами из исторического анализа социально-экономического и политического развития казачества в системе самодержавной России и, во-вторых, фактами из истории борьбы контр-революции с советской властью на Северном Кавказе.

Какую историческую роль сыграло казачество в процессе образования и укрепления Российской империи? Роль орудия помещичье-торговой великорусской колониальной политики, суть которой сводилась к завоеванию и порабощению огнем и мечом народов, живших на южных и восточных окраинах, к присоединению к России огромных степных земельных пространств для расхищения их помещиками и к захвату торговых путей, которые бы передали в руки русского капитала монопольное право торговли с восточными рынками. Для того, чтобы казачество могло успешно выполнять задачи пушечного мяса в руках самодержавия, оно было поставлено в особые условия военно-сословной группы, которые обеспечивались специальным фондом казачьих войсковых земель и рядом правовых привилегий, отгораживавших казачество от остального крестьянского населения и противопоставлявших его угнетенным народам.

Специально культивировалась специфическая казачья замкнутость, кастовость и „воинская доблесть". Именно эти традиции казачества, как орудия колониальной политики российского „военно-феодального империализма", вожди помещичьей контрреволюции стремились использовать, чтобы повести его за собой, на них они играли, поднимая казачество против советов, „за русскую землю". Эта игра на исторических мотивах „верности заветам своих предков" чрезвычайно ярко бросается в глаза в следующем обращении адмирала Колчака к казачеству: „Выдвигая кордоны и заставы, присоединяя целые области, совершая победоносное шествие российской государственности, обагряя кровью своей вновь завоеванные пределы, устремляясь по степям Европейской России на юг к южным морям, Черному и Каспийскому, пробиваясь по непроходимым дебрям Урала, Сибири, Кавказа и знойным степям Туркестана, казаки содействовали расширению пределов отечества до его естественных границ—Балтийского и Черного морей и берегов Тихого и Ледовитого океанов. На путях исторического развития нашего государства казаки всегда бесстрашно принимали удары многочисленных врагов творя великое дело собирания и сбережения земли русской".

Именно отсюда выводилась необходимость борьбы казачества за воссоздание „единой великой России" против большевиков, разрушителей русского государственного дела. При этом восхвалялся особый дух подлинной демократии, который выработало в себе казачество, „оно сумело сочетать во внутреннем устройстве своего быта и войсковой жизни начала самоуправления с идеей действительного служения государственности и общему благу народа"[1].

[1] КОАБ. Папка белогвардейских листовок, воззваний и пр. „Грамота адмирала Колчака казакам".

Вот программа российских белогвардейцев, в которой почетная роль казачества, как авангарда борьбы с большевиками, непосредственно выводилась из его „вековой службы" царизму. Здесь ясно видна тенденция зацепить за собой казаков, опираясь именно на традиции службы на страже колониальной системы России.

Эта линия несколько иначе обосновывалась контр-революционными казачьими верхами — дворянско-офицерской знатью, делавшими гораздо большее ударение именно на особенности казачьей демократии. Ими обосновывали такую исторически-сложившуюся самостоятельность в развитии казачества, которая делает его чуждым идеям классовой борьбы, а следовательно и принципам советской власти.

Вот цитата из одного документа—резолюции совета Союза казачьих войск, принятой 7 декабря 1917 г. этим общероссийским центром казачьей контр-революции, созданным вскоре после Февральской революции: „Казачество издавна представляет демократическую земельную общину, где проведено полное народовластие. Казачество не делится на классы угнетателей и угнетенных. В казачестве вся земля с ее недрами принадлежит всему войску, как целому"[1].

Этой теорией единства бесклассового казачества, как монолитного социального целого, стремились противопоставить его рабочим и крестьянам и выделить в особую единицу, совершенно незаинтересованную в борьбе за октябрьские баррикады. Совершенно ясно, что подобная игра на бесклассовости должна была облегчить дворянско-генеральской офицерской своре втянуть казачество в контр-революционную борьбу против советов, в тесном союзе с российской белогвардейщиной, хотя в указанной резолюции и отмечалось, что „казачество ничего для себя не ищет и ничего себе не требует вне пределов своих областей".

Последний мотив—только интересы родного края,—как мы увидим, чрезвычайно характерен для всей последующей казачьей контр-революции. Он несомненно вытекал из особенностей казачьего развития, хотя в данной резолюции дворянство и стремилось этим моментом прикрыть свои истинные замыслы, выдвигая его из тактических соображений. Казачье дворянство в конце 1917 года хотело, обманув большевиков, получить передышку для организации своих сил и создания опорной базы для оформления российской контр-революции на окраинах. Но, повторяем, мотив „о родном крае" несомненно не случаен. Он был умным маневром, учитывавшим особенности казачьего развития.

Обратимся же к социально-экономической характеристике интересующего нас кубанского казачества накануне революции

---

[1] И. Ульянов. „Казаки и советская республика". Гиз—1929 г., стр. 43.

и посмотрим: 1) соответствовало ли реальной действительности, что казачество не делится на классы угнетателей и угнетенных, и 2) какие причины обусловили именно такой подход контр-революции к использованию казачества.

Если даже взять историю казачества до эпохи внедрения капитализма на Кубани (примерно до 70-х г.г. XIX в.), то и для того времени утверждение, что казачество не имело внутри себя классовых различий, является грубейшей фальсификацией истории. Казачество всегда имело глубочайшее противоречие с помещичьим землевладением, являвшимся экономической основой полукрепостнического самодержавного строя вплоть до революции 1917 года. „Злая шутка истории" сделала казачество в прошлом опорой захватнической помещичьей России, которой оно по социально-экономическому положению было глубоко враждебно, ибо представляло собой мелкое сельское хозяйство, борьба которого с крупным помещичьим землевладением составляет один из стержней аграрного развития России. Борьба рядового казачества с панством („старшиной") проходит красной нитью через всю историю кубанского казачества.

Еще на заре его пребывания на берегах Кубани, в конце XVIII века, эта борьба принимала яркие формы, ибо старшина уже тогда представляла из себя совершенно оформленную эксплоататорскую социальную группу. В записке атамана Котляревского от ноября 1797 года мы читаем следующее: „Предшественники Кошовой, Чапега и судья Головатый, войско Черноморское, с самого начала поселения его на всемилостивейше пожалованных ему землях при реке Кубани угнетали нижеозначенными последствиями.

Первое — не сделавши там местоположения плана один раз навсегда затрудняли войско переселением его с места на место с 1793 по 1797 год.

Второе — разделили войсковую землю, в противность войсковому обряду, себе и старшинам по знатному количеству, а на сорок куреней по несоразмерной части казакам с обидою; так же и самый лучший лес забрали за себя, казакам же и на нужное строение при отпуске леса делали великия затруднения и отпускали недостаточно.

Третье — казаков употребляли в партикулярные работы сами и другим старшинам не возбраняли в таковые их употреблять.

Четвертое — горячего и виноградного вина продажу отдали на откуп коллежскому ассесору Яншину до 1801 года продавать ведро по пяти рублей и

Пятое — на продовольствие состояние на пограничной страже 4.000 казаков не сделали и малейшей помощи, а довольствовались казаки с оскудевших своих домов собственным хлебом в такое время, когда четверть ржаной муки дошла было до

двенадцати рублей. Оными то угнетениями доведено войско до крайнего изнеможения и бессилия"[1].

Этот документ как раз относится к моменту волнений среди черноморских казаков против своей старшины, начавшихся с бунта 2-х полков, прибывших с персидского похода, во время которого начальство жестоко грабило казаков.

Борьба казачества с панством была описана еще до революции идеологом поместно-кулацкой контр-революции известным Щербиной. Этот историк констатировал: „На первых страницах истории... войска, с точки зрения чисто экономической, нельзя не отметить классовой розни... Все были казаки, но между панами, или „старшинами", и рядовыми казаками, или народом, лежала уже глубокая пропасть... Уже в Запорожской сечи служебные отношения „старшины" выделяли ее в особый класс, когда же в Черноморском войске „старшинам" были пожалованы военные чины... тогда это обособление перешло в образование особого сословия в войске, которое сами казаки стали называть не старшиной, а панством" [2]. Панство захватывало лучшие участки земли и лес по частям, в результате чего на Кубани развернулась длительная борьба между хуторами и куренями. „Неурядицам, жалобам и искам самым нелепым нет числа. Казаки „оборали" пана, а пан „порубал" казачьи плуги и вытоптал посев казачий. Урядник посеял жито, а сотник по его житу взял да посеял пшеницу и т. п." [3].

Правительство было конечно на стороне помещика. Оно еще в 1842 и 1845 г. г. решило следующим образом ввести в норму земельные отношения между знатью и рядовыми: были введены наделы—рядовому казаку 30 дес., обер-офицеру—200 д., штаб-офицеру—400 д. и генералу—1.500 д. В 1870 г. пожизненное владение этими наделами было заменено потомственным. Из казачьих земель образовалось два типа частно-земельной собственности: офицерские участки и жалованные участки, розданные за службу тем военным чинам, которые участвовали в кавказской войне. По подсчету Щербины эти жалованные участки составляли 200.000 дес., а всего с офицерскими — около 1.000.000 дес.; „так как они нарезаны были из лучших угодий и в самых лучших местах, то по своей ценности они составляют не менее 40% ценности, принадлежащей теперь казачеству земли" [4].

Таким образом, кубанское казачество внутри себя имело класс настоящих помещиков, с которым у него столько же было

[1] „Сб. материалов по истории Кубанск. каз. войска", т. IV, 1795—1799 г. г. Собр. и изд. И. И. Дмитренко. СПБ. 1898 г., стр. 440-441.

[2] „Кубанский сборник", т. I, стр. 576.

[3] Ф. Щербина — „Земельная община на Кубани", стр. 40. См. в сб. Дмитренко, т. IV, „Записку об отмежевании 1794-1795 г. г. под хутора земли", стр. 106—109.

[4] КОАО—брошюра-листовка Ф. Щербины — „Как и кто у кубанских казаков их земли урезывал и отбирал", стр. 8.

общих интересов, сколько у великорусских мужиков с барином черноземной полосы. Этот момент никак нельзя игнорировать при анализе позиции казачьих масс в годы революции—без него нельзя понять остроты тех противоречий между местной контр-революцией и деникинщиной, которые имели место во время гражданской войны и сыграли свою роль.

Но борьба между казачьим мелким хозяйством и крупным помещичьим не является основным моментом, который бы вскрывал перед нами основную базу, на которой развертывались события революционного периода на Кубани. Этой основой бесспорно являлись те социальные противоречия, которые оформились здесь в результате внедрения капитализма в сельское хозяйство с последней четверти XIX века и переплелись с сословными противоречиями, постепенно выветривавшимися. Частновладельческие, офицерские и особенно жалованные дворянско-чиновнические участки в очень большой свой части уплыли из рук этого отряда разлагавшегося российского дворянства в руки нарождавшегося здесь слоя сельско-хозяйственной буржуазии и кулачества—так называемых знаменитых тавричан. „Жалованные земли не пошли на пользу их первым владельцам. Многие из них продали их баснословно дешево, все почти не вели хозяйство на них, а были и такие, которые совсем забыли о том, что на Кубани были у них жалованные земли“ [1].

Щербина приводит в цитируемой нами листовке, обращенной к казачеству, следующий факт, выуженный им в результате экономического обследования станиц по заданиям наказного атамана Н. И. Кармалина. По тогдашнему законоположению станицы, которые имели ниже установленной нормы земельные наделы (согласно так называемой таксации, по которой разные станицы имели разную норму), должны были получить дополнительные участки [2]. Ряд станиц эти участки сдал в аренду на 12 лет богачу тавричанину по 50 к. за десятину, в то время как в этих местах „подесятинная сдача стояла уже на уровне 3—5 руб., т. е. в 6 и 10 раз выше“. По выяснении оказалось, что эта выгодная сделка произошла так: „В станицу приезжал богач тавричанин с зятем офицером. (Видите, какая была сословная рознь между офицером казаком и иногородним богачом!—*Н. Л.*). Сами они и их подручные раздавали станичным горлодерам по 5-ти красных, по 100 руб. и больше, угощали их водкою и вином, чтобы они подготовили и убедили станичный сход (т. е. казачью бедноту и середняков.—*Н. Л.*) получить по такой категории деньги, по которой у них в юрте нехватит на-

[1] Там же, стр. 8.

[2] Таксации устанавливались в соответствии с качеством почвы в данном районе, при чем казачье чиновничество при установлении этих таксаций много злоупотребляло, занимаясь взяточничеством.

дела, а придется нарезать дополнительный надел в 150 верстах от станицы на Средне-Челбасской степи. Этот дополнительный участок общество обязательно должно сдать в аренду тавричанину на 12 лет по 50 к. за дес. И если бы общество не согласилось на эту сделку, то ему нарезана была бы земля по уменьшенной категории, и станица не только не получила бы дополнительного участка, но могло случиться, что в ее юрте получились бы излишки, которые и поступили бы в надел другим станицам". На этой сделке станичники теряли до 400.000 рублей действительной аренды. По подсчетам Щербины, по разным станицам казачество теряло на подобной долгосрочной аренде свыше 3-х миллионов руб.[1]. Эти деньги шли в карман казачьей бюрократии, кулацкой верхушке станицы („горлодерам") и сельско-хозяйственной буржуазии из тавричан.

Данный факт использован Щербиной с целью противопоставления всего казачества с.-х. буржуазии из иногородних (тавричане) и бюрократической системе самодержавия, для чего он ловко вставляет сообщение о поездке Кармалина в Петербург с докладом; последний хотел добиться там такого изменения системы таксации, которое не допускало бы указанных способов эксплоатации. Кармалин обратно вернулся уже не наказным атаманом. Он был смещен. Но для нас должно быть совершенно ясно, что дело здесь заключалось не только в эксплоатации масс казачества иногородней буржуазией и чиновничеством, но и в противоречиях внутри его на основе капиталистической диференциации, которая, вопреки мнению Щербины, разложила казачью земельную общину и изнутри.

Как раз от приведенного случая долгосрочной аренды на кабальных условиях удобнее всего перейти к освещению сути того явления, на которое наши историки казачества до последнего времени обращали наибольшее внимание. Это знаменитые сословные противоречия.

Общеизвестно бесправное положение иногородних и их экономическая зависимость от казачьих обществ. А это пришлое крестьянское население составляло больше половины сельских жителей Кубани (по разным данным от 53 до 64%). Иногородние, в массе своей, хозяйствовали на арендованной земле и имели, по данным на 1914 год, только 27% посевной площади по области. Вот цифры об аренде у казаков и у иногородних за 1917 год (без Краснодарского отдела)[2].

Казачьих хозяйств только на своей земле	111.387
Иногородних	2.993
Казачьих только на арендованной земле	2 323
Иногородних	56.437

[1] Там же, стр. 3.

[2] И. Гольдентул. „Земельные отношения на Кубани" Буревестник, 1924 г., стр. 24.

Мы не будем приводить данные о разнице в количестве скота, хлеба и сельскохозяйственных орудий. Эти цифры широко распространены. Они только подтверждают тяжелое экономическое положение иногородних.

Огромное историческое значение притока иногородних на Кубань заключалось в том, что их наплыв с 70-х гг. XIX в. чрезвычайно ускорил процесс экономического развития края и внедрения в него аграрного капитализма. За 20 лет (с 1873 г. по 1893 г.) посевная площадь увеличилась втрое (здесь сыграла свою роль аренда) и земледелие из подсобного стало основным занятием. Быстро стал расти вывоз хлеба, на котором окрепли азовские порты—Ейск и Темрюк, и ввоз сельско-хозяйственных орудий. Словом, превращение Кубани в „хлебный Донбасс" находится в теснейшей зависимости от деятельности и иногороднего населения, двигавшего вперед товаризацию хозяйства. Развитие железных дорог, и вывоза с.-х. продуктов в Россию и за границу повысило ценность плодородной земли. Когда-то пустовавшие в районе Владикавказской ж. д. земли стали теперь высокодоходными, развернулся процесс накопления, и иногородний стал даже для казачества выгодным арендатором и батраком.

Но будет неверным, если мы ограничимся в изображении положения и роли иногородних только подчеркиванием их тяжелой экономической зависимости от казачества и влияния на капитализацию кубанского хозяйства вообще. Тип тавричанина-арендатора, хлеботорговца и посредника вышел из рядов иногородних. Последние вовсе не представляли собою социально-однородной массы. В их рядах происходил процесс капиталистической диференциации, ставивший разные слои в неодинаковое положение к казачеству и вносивший социальные противоречия внутри лагеря иногородних.

Рост кулака—земельного собственника—был несомненным фактом. Деятельность Крестьянского поземельного банка является одним из показателей развития этого слоя мелкой сельскохозяйственной буржуазии. Призванный к роли акушера в деле рождения „крепкого мужичка", этот банк обычно скупал имения хозяйственно-разложившегося дворянства и обычно продавал их или товариществам, образованным из зажиточных крестьян, или отдельным хозяйствам, т. е. кулакам. Именно последние являлись наиболее крупным покупщиком: на каждого отдельного домохозяина приходилось до 20 дес., в товариществах же на отдельного члена приходилось около 15 дес. Меньше всех покупали сельские общества, в которых на одного члена приходилось меньше десятины из купленной земли.

Посмотрим и другие показатели диференциации среди иногородних. Прежде всего имелись следующие подразделения: 1) коренные крестьяне (многие из них „вечняки"), хозяйственно-

крепкие, составлявшие 22,1%; 2) оседлые, имевшие меньше земли и занимавшиеся и промыслами,—46,1%, и 3) так называемые квартиранты, не имевшие оседлости, батрачившие и у казаков и у зажиточных иногородних,—31,8%. Соотношение этих групп приведено по данным 1916 года. Оно, не давая исчерпывающей картины экономической мощи коренников, все же достаточно выразительно для того, чтобы иллюстрировать тезис о несоответствии реальной действительности взгляда на иногородних, как на сплошной абсолютно единый анти-казацкий фронт.

Весь вред подобной точки зрения станет для нас ясен, когда мы попытаемся установить влияние капитализации Кубани на казачье хозяйство, в связи его с иногородним. Коротко результаты этого процесса могут быть формулированы так: казачьи хозяйства разлагались, выветривались сословно-экономические преимущества, происходило то, что казачьи политики до революции называли „оскудением казачества". Этот процесс неуклонно развивался, несмотря на то, что и царское правительство и местные бюрократы очень много говорили о мероприятиях по прекращению разложения „самобытного хозяйственного строя" казачества, ибо они понимали, что это разложение подрывало основу, на которой держалось последнее, как военно-полицейское сословие. Создавалось много специальных комиссий, проводились экономические обследования станиц, и полученные данные только подтверждали действительное наличие глубокого разложения казачества. Былая „самобытность" бесповоротно отходила в область прошлого; жел. дороги, высокие арендные цены, торговые пункты, являвшиеся показателями товарно-денежных отношений, стимулировали расслоение казачества, превращали для пролетаризировавшихся масс в фикцию казачьи привилегии, развертывали классовые противоречия внутри его. К сожалению до сего времени еще не изучен со всей тщательностью этот процесс расслоения казачества, особенно бурно развивавшийся после 1905 г., вследствие чего приходится пользоваться не всесторонне разработанными статистическими данными. Между тем без знания итогов его нельзя правильно, по-ленински понять движущие силы революции на Кубани. Поэтому-то больше всего обычно напирают на сословные противоречия, забывая, что они одни не могут об'яснить действительного поведения казачества в революции.

Но и имеющихся неполных данных вполне достаточно, чтобы утверждать, что расслоение казаков, бурно начавшееся еще в конце XIX века, зашло очень глубоко. На 3-й Кубокрпартконференции, в отчете окружкома по вопросу о расслоении кубанской станицы приводилась следующая выдержка из неопубликованной историко-экономической работы И. Кулиша, характеризующая разложение казачества Баталпашинского отдела еще

в 90-х г.г.: „Зажиточная группа, составляющая 1/8 часть всех хозяйств, сосредоточивает в своих руках 44% всего посева, или в 2 1/4 раза больше, чем 3 низшие бедняцкие группы, составляющие вместе 41,8% всех хозяйств и имеющие 19,35% общего посева". Эти цифры свидетельствуют об огромном экономическом росте казацкого кулачества и о пролетаризации значительной массы, которая не могла уже существовать без закабаления у кулака. Имеется два ряда цифр, характеризующих степень расслоения казаков накануне революции. Данные о распределении обрабатываемой земли между отдельными группами хозяйств по всей области к 1917 г. показывают следующую картину: кулацкая группа, имевшая от 16,4 до 54,6 — 65 гектаров, составляла 10—15%, середняцкая от 5 до 16,4 гектара—60—65%, маломощные, имевшие от 2 до 5 гектаров, 8—15% и беднота, почти не имевшая посева, 5—10%. Эта картина, конечно, является далеко неполной и неточной, ибо она дает только приблизительные количественные соотношения групп, не вскрывая действительной соц.-экономической мощи 10—15% кулачества по другим признакам, как количество скота, удельный вес посевной площади кулачества и т. д., не говоря уже о том, что она никак не отражает социально классовой связи. Но все же 10—15% кулаков— внушительная социальная сила. А ведь экономическая мощь ее определялась уже не сословными привилегиями, а в первую очередь товарностью хозяйства, словом, степенью классового расслоения. Мы можем еще привести таблицу о неравномерности землепользования среди казачества, составленную на основе статистической разработки сельско-хозяйственной переписи на Кубани 1917 г., дающую более точную и диференцированную картину (но тоже только по земплощади). Вот она:

Категории хозяйств	% хозяйств	% населения в них	% земли у них	Среднее количество пашни на 1 душу
С 1-м паем	50,0	36,9	26,6	1,7 д.
С 2-мя паями	28,5	30,2	31,4	2,4 д.
С 3-мя паями	14,1	19,5	23,4	2,8 д.
С 4-мя паями	5,5	9,5	12,7	3,1 д.
С 5-ю паями	1,5	3,0	4,5	3,4 д.
С 6-ю паями	0,4	0,9	1,4	3,4 д.
	100,0	100,0	100,0	2,3 д.

Оказывается, 3-хпайные хозяйства с 19,5% населения в 14,1% хозяйств владели почти одинаковым количеством земли, что и 50% казачьих хозяйств с 37% населения. Пяти и шестипайные хозяйства имели вдвое больше земли на душу, чем хозяйства однопайные. 21,5% многопайных хозяйств (с 3-х до 6

паев) с 33% населения владели 42% земли, а 50% хозяйств с 37% населения владели площадью земли в 1½ раза меньшей"[1].

Теперь вспомните утверждение: „казачество не делится на класс угнетателей и угнетенных. В казачестве вся земля с ее недрами принадлежит всему войску, как целому". На самом деле казачество раздиралось классовыми противоречиями, и в этом отношении оно не отличалось от мужицкой деревни центральной полосы, тоже попав под колесо „капиталистического прогресса". Разница в том, что кулачество на Кубани было несомненно мощнее, крепче по сравнению с центром России. Помещичье землевладение здесь быстрее разложилось, и это создало более благоприятные условия для роста кулацкого хозяйства. Кубанский кулак, в дополнение к обычным чертам этого типа нарождавшейся сельско-хозяйственной буржуазии, имел еще школу колонизаторской хищнической деятельности. Это делало его более „кровопийным, заядлым".

Теперь посмотрим, какая взаимозависимость имелась между этими классовыми и сословными антагонизмами на Кубани. Общеизвестно, что верхи кубанского казачества вовсе не наблюдали в позе молчания за процессом выветривания „доблестного духа" у рядовых масс. Они на это реагировали весьма определенно, развивая бешеную агитацию против иногородних, как источника всех зол. Это городовики душат казачество, пролетаризируя его, они повинны в разложении казачества, от них „нам стало тесно". И совершенно ясно, что казачья буржуазия и кулачество, эксплоатируя в одинаковой степени иногороднее батрачество и казачью бедноту, поддерживало в своих классовых интересах это гонение на иногородних. Противопоставление помогало прикрывать свою подлинно-эксплоататорскую сущность. В действительности дело, конечно, обстояло иначе, ибо сословное деление, сочетаясь с классовым, стало растворяться в нем, сословные противоречия начали перекрываться классовыми. Это явление было вполне закономерно, ибо „капитализм впервые порвал с сословностью в земледелии, превратив землю в товар" (Ленин).

По сути дела для казачьей сельско-хозяйственной буржуазии, и в конечном счете для кулака, система общинного станичного землевладения, как казачья привилегия, перед войною уже становилась поперек дороги на пути к укрупнению своей земельной собственности, ибо ставила тормозы к экспроприации земельных паев у бедноты путем покупки их за бесценок. Беднота же от этих привилегий в новых условиях ничего не выигрывала, ибо военная служба „с земли", которая не могла ею быть использована, только ускоряла процесс пролетаризации.

---

[1] „Год работы". Материалы к 4-й Куб. окр. конф. ВКП(б), Краснодар, 1927 г. стр. 19-20.

Но самодержавию и казачьей знати сословность „сторожа окраин", его военно-полицейские функции были крайне необходимы. Они-то до революции, главным образом, и разжигали сословную рознь, стремясь ею задержать распад казачества, цементировать его, как свою опору. Казачий же кулак, имея по отношению к сословным привилегиям несколько иное отношение, вытекавшее из его классового положения, выходил из этого противоречия тем, что, поддерживая сословную рознь, как союзник чиновников, он облегчал задачу эксплоатации казачьей бедноты и успешной конкуренции с кулаком иногородним.

Таким образом мы можем констатировать, что в основе сословной борьбы, в условиях развивавшегося аграрного капитализма на Кубани лежали уже в первую очередь классовые противоречия, вытекавшие из капиталистической диференциации станицы (и казачества и иногородних), при чем казачий кулак стремился использовать сословную борьбу и для того, чтобы под ее покровом успешнее конкурировать и со своим классовым собратом из иногородних. Последний, благодаря своему сословному положению, находился в менее благоприятных правовых условиях, но проявлял зато большую изворотливость и гибкость. Следует учесть значение хотя бы таких данных. Благодаря развитию капитализма, доходы от войсковых земель чрезвычайно увеличились еще в конце XIX века. Если в 1875 году общественный капитал достиг до 130.206 руб., то к 1/I-1899 г. он заключался уже в сумме 3.631.834 руб. Будет крайне наивно думать, что это накопление равномерно использовывалось всеми слоями казачества. Совершенно ясно, что именно казачья бюрократия, офицерство и верхушка кулачества пользовались львиной долей этого дохода, ибо станичная администрация, как правило, выделялась из экономически мощной группы, которая таким образом имела возможность эксплоатировать и по этой линии знаменитую казачью общину в своих классовых интересах.

Посмотрим данные, которые свидетельствуют, хотя и неполно, соотношение степени расслоения между казачьим и иногородним населением. Статистический ряд, с числом хозяйств с посевами по группам, показывает такую картину:

	Кол. хоз. в тысяч.	Или % к общ. кол-хоз-в в кажд. гр.
а) Число бедняцких хоз. с посевами до 2 дес. было:		
1) у коренных жителей	29	26
2) у иногородних	24	40
б) Хозяйств с посевами от 2-4 дес:		
1) у коренных жителей	27	25
2) у иногородних	13	21
в) Кулацких хозяйств от 19,1 до 22 десятин:		
1) у коренных жителей	18	16,5
2) у иногородних	3,7	7

Из этих цифр вытекает, что если взять маломощные хозяйства от 1 до 4-х дес. посева, то оказывается, что 51% таковых был среди казаков и 61%—среди иногородних[1].

В работе Гольдентула приведены интересные цифры, взятые из данных всероссийской переписи 1917 г., которые еще более ярко вскрывают соотношение казачьих и иногородних хозяйств по разным социальным группам. Они переведены Голубовым[2] на диаграмму. Получились очень интересные „ножницы" сословной борьбы. На концах этих ножниц имеется определенное сближение казачьих и иногородних групп. Так по обеспеченности посевной площади имелось:

	Без посева	С пос. 1-2 дес.	2-5 дес.	5-10 д.	10-19 д.	19-40 д.	40-50 д.	Свыше 50 д.
Казачьих хоз	28,5%	55%	70%	78,6%	81,5%	76,7%	60%	40%
Иногородних хоз. . .	71,5%	45%	30%	21,4%	18,5%	23,3%	40%	60%

По обеспеченности рабочим скотом:

	С 1 гол.	2 гол.	3 гол.	4 гол.	5-6 гол.	7—10 гол.	10—15 гол.	Более 15 г.
Казачьих хоз.	45%	69,5%	75%	84,5%	82%	77%	66%	45%
Иногородн. хоз. . . .	55%	30,5%	25%	15,5%	18%	23%	34%	50%

Из этих таблиц видно, как расходятся ножницы в середине и постепенно сходятся на флангах. При чем иногородние покрывают казаков как по количеству бедноты, так и по мощности наиболее крепкой капиталистической верхушки станицы, но оба фланга имелись как в той, так и в другой группе и близко сходились. Таблицы дают ясный ответ на вопрос о соотношении классовых и сословных противоречий. Первые так переплетались

[1] Сбор. постановл. расширенного пленума кубокружкома ВКП(б) от 20—22 февраля 1925 г. Кр-дар,—1925 г, стр. 37. В документе не указано к какому году относятся приведенные цифры. Очевидно, к 1917-му, поскольку все остальные статистические данные датировзны этим годом,

[2] Гольдентул стр. 21-22 и Голубов „Врангелевский десант на Кубани" ГИЗ 1923 г., стр. 17

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА 576059
К.У.Т.К.-КА
ПОГАШЕНО

со вторыми, что стирались грани на концах—беднота и кулачество. Классовая борьба имела под собой более реальную экономическую основу чем сословная. Если взять массы середнячества, то они по сути дела от „разгораживания“ сословно-казачьей земли и наделения иногородних экономически не страдали, что в будущем было доказано итогами — советского землеустройства на Кубани. По переписи 1917 г. 50% кубанских казачьих хозяйств имели на едока 1,7 д. пашни, 28,5% хоз-в—2,4 д., по землеустройству же 1925-26 г. средняя норма на едока по Кубокругу равна—2,3 д., т. е. 50% казачьих хоз-в от землеустройства выиграли.[1]

Но из таблиц вытекает и то, что казацкое кулачество и зажиточные еще имели основания цепляться за сословные привилегии, ибо они, повторяю, помогали им еще более вооруженными выступать как по линии эксплоатации бедноты и из своего „собрата“ казака, так и в конкурентной борьбе с зажиточным элементом из иногородних.

Таким образом, можно сделать следующий основной вывод из краткого анализа социально-экономического развития станицы до революции на Кубани. Казачья область явилась районом бурного роста аграрного капитализма, который, включив в орбиту товарно-денежных отношений хозяйства как казаков, так и иногородних, развернул здесь глубокий процесс классового расслоения внутри и тех и других. Бесправные массы иногородних, конечно, находились в худшем положении по сравнению с массами казачества, но последнее, разлагаясь, выделяло из себя солидный слой бедноты и кулачества. Это обстоятельство расказачивало военно-полицейское сословие и ставило его в ряды социальных групп на основе капиталистической диференциации в деревне. Кулачество и казачье и иногороднее больше общего имело между собой, чем с беднотой того и другого лагеря. Наиболее заинтересованными в поддержании сословной розни были кулацкие и зажиточные элементы из казаков, которые от нее еще продолжали выигрывать по причинам, отмеченным выше. Местное дворянство, конечно, принимало все меры к разжиганию сословных противоречий, ибо это обстоятельство играло огромное значение в поддерживании „духа казацкого“, т. е. военно-сословных традиций, которые уже стали анахронизмом и путами на ногах казачьих масс. Без этих пут дворянство не могло бы использовывать казаков, как опору помещичьего строя.

Нельзя сказать, чтобы местное дворянско-чиновное офицерство было совершенно „лойяльно“ к центральной самодержавной бюрократической машине. У него имелись децентралистские тенденции добиться больше свободы по управлению

[1] Матер. к 4-й окрпартконференции, стр. 20.

„своим" войском. Поменьше опеки из Москвы, но полное сохранение всех казачьих привилегий и в том числе офицерских и дворянских прав—вот его линия. Она означала, что местное дворянство было способно только на весьма лойяльную оппозицию центру, абсолютно не представлявшую из себя что-нибудь серьезное. Расхождение, к которому приложима поговорка—„свои люди сочтемся". Но дворянство на Кубани не имело даже того экономического и политического веса, который можно было наблюдать например на Дону. Всем ходом капиталистического развития оно оттиралось на задний план растущим кулачеством и сельско-хозяйственной буржуазией, которые заполнили своими представителями, во-первых, низовую казачью администрацию, во-вторых, кадры низшего офицерства и, в третьих, они успели к революции оформить свою местную интеллигенцию, наиболее образованным представителем которой был Щербина.

Кулак не может быть крепким союзником помещика. Он по отношению к дворянству имеет зуб, поскольку выступает носителем капиталистического развития против полуфеодальных пережитков. Он рос не только рядом, но и в большой степени переходя через труп местного дворянского землевладения. Поэтому, выступая, с одной стороны, заодно с помещиками в кампании по разжиганию сословной розни, он с другой, расходился с ними и несравненно решительнее был настроен по отношению к самодержавному строю. Кулак являлся резким противником помещичье-бюрократического строя, поджигателем сословной розни и беспощадным эксплоататором широких масс иногородних и маломощного казачества. Эта фигура и определила собою своеобразные черты будущей поместно-казачьей контр-революции, что сказалось и на политической географии Кубани в годы гражданской войны. Именно равнинные части черноморских отделов, являвшихся районами наибольшего развития кулачества (Ейский отдел имел около 35% хоз. от 15 до 30 дес. посева, около 7% хоз. от 30 до 50 дес. и около 3% свыше 50 дес. посева), меньшего сосредоточия иногородних—30—40%, были в то же время местом наиболее острых форм сословной вражды и центром общественно-политических противосоветских и антиденикинских течений на Кубани.

Из всего сказанного было бы явным упрощенством делать вывод, что сословные противоречия к революции совершенно выветрились на Кубани. Конечно их полное исчезновение возможно было только на основе уничтожения казачьих полуфеодальных войсковых земельных владений и прочих правовых привилегий. Эта задача внедрившимся сюда капитализмом до революции разрешена не была. Наоборот, как видим, станичная верхушка образовавшаяся в результате капиталистической диференциации казачества, как явление, связанное с разложением последнего,

стремилась, как это часто бывает в истории с носителями новых социальных отношений, использовать в своих классовых интересах сословные пережитки. Это то и создало здесь тот пресловутый, сложный переплет классовых и сословных противоречий, в котором некоторые, запутываясь, не могли увидеть основной красной нити—классовой сущности сословной борьбы. Эта сущность чем больше развертывалась революция, тем все рельефнее выступала на арене гражданской войны.

Если мы сбросим со счетов элементы сословных пережитков нам трудно будет понять всю совокупность тех противоречивых процессов, которые протекали на Кубани в период революции вплоть до последнего времени. Но нужно научиться переводить факты сословной розни на язык классовой борьбы. Анализ социально-экономического развития Кубани до революции дает ключ к этой „науке". Точно так же, как анти-ленински, будет игнорировать, недоучитывать значение борьбы всего крестьянства против помещиков в процессе Российской революции, т. е. перепрыгивать через буржуазно-демократический этап ее, так и недоучет сословного момента в процессе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую на Кубани методологически ведет к той же, по существу, ошибке.

Разложение казачества до революции зашло так далеко, что вовсе не пустой фразой и не только минутным настроением фронтовиков являлось следующее заявление представителей трудового казачества: „Не хотим больше нести проклятую справу. За что на нас вся тяжесть повинности. За что казак всю жизнь на службе. Не хотим, чтобы нас звали опричниками. Не хотим быть казаками. Желаем быть вольным народом"[1].

Подтверждением серьезности подобных настроений были не только факты участия казаков в Февральской революции, когда они на улицах Ленинграда вместе с рабочими „душили фараонов", но и, как мы увидим, поведение их в конце 1917-го и в начале 1918 года. Правда, против „вольного народа" ничего не имело и кулачество. Оно решительно выступит только против пролетарской революции, как „злейший враг социализма". Но и того явления, что все казачество было за „вольность" вполне достаточно, чтобы сделать вывод о классовой сущности сословной борьбы становившейся, в основном уже методом и формой защиты классовых интересов капиталистической верхушки станицы, на удочку которого попадались зараженные сословными предрассудками значительные слои трудового казачества вопреки своим основным классовым интересам.

Кроме имевшего сравнительно слабое социально-политическое значение казачьего дворянства, бурно растущего кулачества и сель-

[1] Из архива Казачьего отдела ВЦИК. Цит. по Ульянову „Каз. и Сов. Рес." стр. 22

ско-хозяйственной буржуазии, на Кубани имелось подавляющее количество станичного населения—массы иногороднего крестьянства и бедняцко-маломощное казачество,—которое было могучей революционной силой. Ему нужно было только дать крепкое пролетарское руководство, опирающееся на солидные индустриально-пролетарские центры. Этого, к сожалению, на Кубани нехватало, что и послужило одной из причин, облегчивших местным антиреволюционным силам перетягивать в определенные моменты на свою сторону массы трудового казачества, используя сословные пережитки и предрассудки.

ГЛАВА II.

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ

(1917—1920 г.г.).

1. Поражение местной контр-революции и власть советов в 1-й половине 1918 г.

„Я предполагал, что при помощи казачества мы спокойно создадим новые прочные войска, необходимые для восстановления в России порядка.. Я рассматривал Дон, как базу для действия против большевиков, зная, однако, что казаки сами не желали итти вперед для выполнения широкой государственной задачи... Но я верил в то, что собственное свое достояние и свою территорию казаки защищать будут и тем обеспечат безопасность формирования... Но я ошибся. Казачьи полки возвращаются с фронта в полном нравственном разложении. Идеи большевизма нашли приверженцев среди широкой массы казаков... Они не желают сражаться... Они глубоко убеждены, что большевизм направлен только против богатых классов... Мы могли бы уйти на Кубань. Но и кубанское войско выдерживает натиск большевизма, только при помощи добровольческих частей, т. к. кубанские казаки нравственно разложились. Простой взгляд на карту подскажет, что Кубань не может служить доходной базой для будущих действий“... Так писал организатор добровольческой армии русских помещиков и буржуазии генерал Алексеев 9-II (27-I)—1918 г. во французскую миссию из Ростова на Дону. Это было время решительного перелома в отношении казачьих масс к большевизму. Карта российской контр-революции тогда была бита. Донское казачество „нравственно разложилось“ и вместе с рабочими выгнало белых генералов со своей территории. 23 (10) февраля красными отрядами был занят Ростов и начался вынужденный Ледяной поход Корнилова под Краснодар, хотя „Кубань не может служить доходной базой“.

В приведенном письме сформулирован ряд совершенно правильных мыслей о белом движении и роли в нем казачества. Прежде всего нельзя не согласиться с тем, что российская

контр-революция действительно рассматривала казачество, как базу, которая должна была обеспечить развертывание основных кадров белогвардейщины. Далее правильно было указано, что казаки не годятся „для выполнения широких государственных задач"—это, как увидим, очень характерная черта поместной контр-революции. Наконец, совершенно справедливо отмечалось, что массы казаков „нравственно разложились", т. е. не только не хотели воевать с большевиками, но наоборот выступали, вместе с ними против белых генералов.

Для нас сейчас интересен в первую очередь второй момент, ибо от него удобнее всего перейти к характеристике социально-политической сущности казачьей контр-революции. Алексеев не ошибался, когда строил свои расчеты на то, что в казачьих областях он найдет солидную базу для оформления антисоветского движения, он только просчитался в степени мощности этой базы, ибо представлял себе, что казачество, в силу традиций былой службы царизму, все забронировано от большевистских идей. На деле получилось, что эта броня очень легко проницаема, а социальный характер антисоветского местного движения целиком не совпадал с характером российской контр-революции. Во всяком случае оно находилось гораздо на большем расстоянии от выполнения задач, которые ставили Алексеевы, чем даже это казалось тем из них, которые не рассчитывали на авангардное положение казачества в стане белых.

29 января виднейший представитель донской контр-революции атаман Каледин на заседании Войскового правительства заявил: „Дон должен сдаться". В этот же день он застрелился, оставив письмо генералу Алексееву, которое является чрезвычайно важным документом, характеризующим всю сумму настроений генеральских казачьих верхов в тот период борьбы с советами. „Мне дороги интересы казачества и я вас прошу щадить их и отказаться от мысли—разбить большевиков по всей России. Казачеству необходимы вольность и спокойствие, избавьте Тихий Дон от змей, но дальше не ведите на бойню моих милых казаков",[1]—писал накануне самоубийства Каледин. Эти строки бросают яркий свет на взаимоотношения казачьей контр-революции с Добровольческой армией. Алексеев не напрасно, с точки зрения классовых интересов врагов революции, называл Каледина „казачьей слякотью". Если даже этот представитель наиболее крепкого казачьего дворянства, наиболее связанного с российским генералитетом и троном заявлял, что нужно ограничиться только избавлением родного края „от змей" и дальше не итти, то областническая тенденция самостийности в других казачьих войсках должна была еще резче выявиться.

[1] „Пролет. рев. на Дону", сб. 4, 1924 г., стр. 230.

На состоявшейся в Краснодаре в сентябре 1917 г. конференции донского, кубанского и терского казачьих войск была принята резолюция, в которой бросалось обвинение Временному правительству в том, что оно стремится „к уничтожению казачьей самобытности и сведению роли казачества на степень простой вооруженной силы в руках государственной власти". По поводу провозглашения России республикой, конференция сочла нужным заявить: „Казачество, вынашивавшее мысль о Великой Неделимой Российской Федеративной Демократической Республике... ныне поставлено перед совершившимся фактом—перед провозглашением страны республикой, без упоминания что республика демократическая и федеративная". Как бы ни расценивать этот жест казачьих верхов в связи с их оппозицией к Керенскому, от которого они после неудачи корниловской авантюры боялись крена налево, упоминание о самобытности и федерации было вовсе не только маневром. Это—знамя белого казачьего движения, борьба под которым велась на протяжении всей гражданской войны и противопоставляла его всероссийской контр-революции. В одних областях федерализм проявлялся меньше, в других больше, но он являлся неотъемлемой чертой поместной контр-революции и без него нельзя понять ее роли. Эта закономерность совершенно естественна, ибо она вытекает из особенностей социальной базы контр-революции в казачьих областях.

Обратимся, однако, к Кубани. Здесь децентрализм и самостийность распустились наиболее пышным цветом и носили несколько иной характер чем, например, на Дону. Каледин с „его змеями"—наиболее правый дворянский самостийник. На Кубани дело было куда „левее" и крепче. „Наша родная Кубань... у царского правительства всегда стояла где-то на затычке... Как увивались перед кубанцами царские прислужники, чтобы добиться разрушения общины и заставить кубанцев выйти на хутора и отруба. Вы, кубанцы, не поддались на удочку и сохранили в неприкосновенности свой родной семейный строй. Казаки, вы, только вы одни из всех русских земледельцев можете гордо заявить, что земельные общины вы не тронули, сохранили в чистом первородном виде до сих пор... Земельный вопрос на Кубани вами самими будет разрешен гораздо лучше, чем по проектам петроградских землеустроителей, которые вероятно ни разу не видели Кубани и вряд ли держали в руках своих плуг. Забудьте все эти проекты и творите сами свое большое дело".[1] Это говорилось в 1917 г. в докладе Войсковой Раде. Кубанская самостийность рельефнее всего вскрывается на подходе к разрешению аграрного вопроса. Заявлялось, что „свой родной зе-

[1] КОАБ Папка белогв. лист. воз. и пр. „О земельных комитетах Кубанской области. Доклад Кубанской Войсковой Раде", стр. 15.

мельный строй", пресловутую общину кубанские казаки сохранили вплоть до революции „в первородном виде" и поэтому для них никакие проекты центра не подходят—„творите сами свое большое дело". Приведенная цитата вскрывает социальное лицо руководителей Войсковой Рады, являвшихся вождями кубанской контр-революции. Упоминание о „затычке" при самодержавии, резкий тон против указаний центра, против „петроградских землеустроителей, которые вероятно ни разу не видели Кубани и не держали в руках плуга", ясно свидетельствуют, на каком классовом языке говорили идейные вожди. Это язык кулачества—самого экономически мощного социального слоя кубанской станицы. Пусть нас не смущают разговоры о сохранении казацкой общины в неприкосновенности. Мы знаем, что это утверждение было для XX в. мифом.[1] По сути дела идея сохранения общины была псевдонимом сохранения в неприкосновенности всей казачьей войсковой земли „как исторического достояния". Под этим псевдонимом кулачество боролось против перераспределения земли для наделения иногородних и одновременно стремилось добить своего врага помещика, ибо выступало за возвращение войску „всех частновладельческих земель, выделенных из территории Кубанского казачьего войска путем высочайшего пожалования, наград и проч..., а также земли казенной, монастырской, причтовой и церковной".

Еще на 1-й Войсковой Раде (апрель 1917 г.) задали тон разговоры о том, что „ни одна пядь земли, политая вашей кровью, не должна быть вами уступлена", что „вы должны помнить, что вы казаки" и затем они продолжались вплоть до весны 1918 г. и были агитационным аргументом в руках казачьих верхов и кулачества, подкреплявшим их классовые позиции и разжигавшим остатки сословных отношений.

При изучении хода событий на Кубани в 1917 г. очень выпукло бросается в глаза активная роль кулачества в разжигании сословной борьбы под прикрытием защиты исконных прав казачества вообще. Деятельным союзником его, сначала игравшим даже первую скрипку (но не долго), являлось местное дворянство. Уже в июле произошел разрыв между верховодами казачества и иногородних путем выхода казачьих представителей из областного исполнительного комитета, выбранного в апреле на Бессословном областном с'езде. Интересен повод для разрыва. В исполкоме обсуждался вопрос о введении на Кубани земства; по проекту все вопросы общественного хозяйства переходили к

[1] Небезызвестный кубанский казак Юшко заявлял в 1917 г.: „история развития на Кубани земельных отношений есть не что иное, как история умирания крупного коллективного собственника помещика (войска) и замена его собственником личным и мелким коллективным (казачьей общиной), в свою очередь стремящимся к распаду на мелких земельных собственников".

земству, избираемому всеобщим голосованием, у войсковых атаманов и станичных правлений оставались только военные функции. Казацкие депутаты на заседании заявляли: „Основные тезисы реформы нужно рассматривать как полное уничтожение казачества, как сословия, как народно-хозяйственной организации... Под соусом земства нам предлагают уничтожение казачества“ [1] и т. д. Как-будто бы в действительности казачество к этому времени существовало „как народно-хозяйственная организация“. 17 июля комиссар Временного правительства кубанский помещик Бардиж издал приказ: „Так называемый областной исполнительный комитет отныне не существует“. Власть была передана Войсковому правительству, что санкционировалось и Временным правительством. Таким образом, этот „переворот“ проделывался под флагом ограждения казачьих привилегий от покушений иногородних.

Гораздо явственнее руководящая роль кулачества выступает в фактах разжигания сословной борьбы в станицах. Созданные решениями апрельского областного с'езда станичные и гражданские комитеты встретили сильнейшую оппозицию станичных заправил, которые натравливали на них казачьи сборы. После раскола в областном центре кулачество перешло в наступление за ликвидацию этих органов. Оно достигало своей цели. Очень интересны постановления, которые выносились кулацко-зажиточной верхушкой по этому вопросу. Так, в станице Шапсугской, Таманского отдела, 29/VII сбор вынес решение: „Шапсугский гражданский исполнительный комитет с сего числа упразднить, так как таковой для станицы является нежелательным и содержать таковой мы не желаем. Станичный атаман Стеценко“.

Обстановка этого сбора, освещенная в донесении гражданского комитета облисполкому, вырисовывает роль кулачества: „16 июля с. г. Шапсугский станичный атаман Герасим Стеценко собрал станичный сбор в числе 25 чел. и под председательством лично себя постановил приговор: упразднить Шапсугский гражданский исполнительный комитет, так как таковой для станицы является нежелательным... отобрал все книги и дела, а также пожертвованные на митингах разными лицами деньги“ [2]. Ко-

---

[1] Протоколы областного исполнительного комитета. Цитиров. по Ладохе, стр. 45. К сожалению, это дело с протоколами отсутствует в фонде обл. гражд. исполкома, хранящемся в КОАБ.

[2] КОАБ—Фонд Кубграждоблисполкома. Связка 5. Дело № 60, об упразднении комитетов станичной администрацией. В этом же деле имеются аналогичные постановления: а) сбора в количестве 27 чел. ст. Надежной от 30-VII со следующей мотивировкой: „принимая во внимание, что надобность в гражданском комитете теперь уже миновала, мы постановили: гражданский комитет ст. Надежной с сего числа считать закрытым“; б) сбора ст. Вознесенской, Лаб. отд., от 30-VII—представителей казаков отозвать из гражданского комитета,—„т. к. состояние их в названном комитете... совершенно излишне, в виду непринесения названным коми-

нечно, эти 25 чел., подменившие собою массы казачества, не могли состоять из представителей бедноты. Станичные атаманы, как правило, выходили из зажиточной верхушки и они знали, кого им нужно было собирать в подобных случаях. Штришок с отобранием денег также очень колоритен. Особенно, если вспомнить знаменитых дореволюционных „горлодеров", о взятках которых упоминал Щербина в своей брошюре.

Месяцем раньше, 25-го июня, казачий сбор ст. Архангельской, обсуждая вопрос о „нашем самоуправлении", записал в приговоре: „существующий в ст-це исполнительный комитет, являющийся хотя и органом, установленным Временным правительством, но так или иначе выдвинут чисто революционным течением"...—а поэтому—„существующий в нашей ст-це гражданский комитет упразднить, как вносящий раздор в местное население и не приносящий никакой пользы делу. Если в комитете будет необходимость, то мы его соорганизуем из двух членов, но с тем, чтобы председателем непременно был станичный атаман". 27 июня Ново-Лабинский гражданский исполнительный комитет отправил комиссару Временного правительства по Кубанской области отношение с жалобой на поведение станичного атамана и просьбой „оградить... от всяких вредных побуждений"; в документе сообщается, что исполнительный комитет „по каким-то несогласиям стан. атамана и его близких людей, был 10 мая прекращен, но жители ст. Н.-Лабинской, идя навстречу Временному правительству и его комиссару, на собравшемся митинге 21 июня с., г. вновь организовали его", но станичный атаман отказался посещать его и „быть в составе непременного члена".

В это же время исполнительный комитет той же станицы в донесении областному исполкому следующим образом мотивировал причины подобного отношения: „Ново-Лабинскому исполнительному комитету невозможно действовать в виду того, что в наш состав вошли члены бедного сословия, которых презирают как богатые коренные жители, так и стан. администрация и стан. атаман". 1 августа исполнительный комитет ст. Калужской сообщал в область, что к нему поступило заявление от жителей, в котором жаловались на лишение прав голоса иногородних (хотя они и имеют свою собственность в станице) при выборах депутатов „на с'езд для избрания в Учредительное собрание представителей от Кубани" на общем сходе станицы от 30 июля [1].

тетом для всего казачьего населения станицы никакой пользы... Атаман ст-цы Лапшин". Количество присутствовавших на сборе в приговоре не указано. То же и по ряду других станиц. При чем облисполком в ответ на эти приговоры и донесения неизменно отвечал: „гражданские исполкомы должны существовать", но станичные атаманы его, конечно, не слушали.

[1] Там же.

Таким образом, от власти на периферии были оттерты в ряде мест даже представители зажиточных иногородних и „вся полнота" ее находилась в руках казачьего кулачества. Не случайно после Корниловского мятежа, именно Краснодар был местом, где собралась конференция казачьих войск, официально выбросившая знамя федерации. Именно в этот период начали оформляться самостийность и федерализм казачьей контр-революции. Быстрее всего этот процесс развертывался на Кубани, где Войсковая Рада стала организованным центром движения и ее вожди все чаще и резче начали подчеркивать самостоятельность развития Кубани, неприменимость для нее земельных программ всех существующих партий.

Состоявшаяся в первой половине октября Войсковая Рада проходила уже под лозунгом оздоровления России с окраин— „власть сначала должна быть создана в провинции... а уж отсюда она направится к центру и там образуется". В этом лозунге еще звучит забота о центре, что, во-первых, свидетельствует о большом удельном весе в этот период верхушки казачьего дворянства, связанного с российским помещиком общими классовыми интересами и, во-вторых, отражает предоктябрьскую обстановку в стране, когда Керенский не был уже фактической властью, а новая только рождалась. Победа большевиков еще не была реальной действительностью. Но Рада „на своей территории" сконструировала новую власть, лишив принятием „временных основных положений о высших органах власти в Кубанском крае" половину неправомочного, т. е. иногороднего населения гражданских прав. Высшая власть—войсковой атаман и Законодательная Рада были выделены из состава Краевой. В исполнительном органе—Войсковом правительстве—из 10-ти членов предоставлялось коренному населению из иногородних—3 места. Иногороднее кулачество, как видим, не было обойдено вопреки „сословным противоречиям".

Еще до Октябрьского переворота на Кубани образовалась казацко-кулацко-офицерская власть, стремившаяся укрепить свое классовое господство на игре с сословными противоречиями, которой она противопоставляла казачество иногородним. В областном центре у власти находился блок дворянства с кулачеством. На Октябрьский переворот войсковой атаман и правительство ответило телеграммой: „Впредь до восстановления власти Временного правительства и порядка в России принять на себя осуществление государственной власти в Кубанской области". Образовалась республика „Кубанский край". Несмотря на то, что внешним толчком для оформления кубанской контр-революции в самостоятельное государственное образование был Октябрьский переворот, но этот акт (об'явление самостоятельности) должен рассматриваться нами не только, как попытка уйти от боль-

шевиков под прикрытие „своей государственности", но и как естественное следствие особенностей Кубанской контр-революции, итог ее развития за февральско-октябрьский период 1917 г.

Наполеон, во втором десятилетии XIX в. предсказывал: „через десять лет Европа будет республиканской или казацкой". Он исходил из представления о казачестве, как „дикой" азиатской опоре Российского самодержавия. Через 100 лет казачество уже вступило в революцию сильно „расказаченным", как сословное образование. Капитализм, разложив его, сделал верхушку казачества по существу больше „республиканской, чем казацкой". Несомненно, более буржуазной по своей социальной сущности была кубанская контр-революция, по сравнению с российскими помещиками и даже с Доном. Только эта буржуазность была кулацкая, областническая, „самостийная". Не даром же казачество росло на колониальной окраине и ее буржуазно-кулацкий слой поднялся на дрожжах аграрного капитализма, хотя и развивавшегося в условиях сословно-кастовых полуфеодальных привилегий казачества, но зато неимевшего здесь рядом с собой такого мощного полукрепостника барина, как это было под боком у российского мужика.

В этом-то и заключалась об'ективная основа „кубанского республиканизма". Все эти мелкобуржуазные социалистические цвета и радуги, в которые были окрашены самостийники в конечном счете вытекали отсюда же. Правильно было сказано об Украине во времена Гетмана: „Днем с огнем трудно сыскать такую украинскую, кулацкую, шовинистическую партию, чтобы она не была социалистической". Подобно этому можно сказать и о Кубани периода революции: „Не легко было найти идеолога кубанского кулака, который не считал бы себя демократом, федералистом и даже социалистом[1]". Как раз Рада и Войсковое правительство и являлись организацией буржуазно-кулацких слоев казачества и интеллигенции, тесно связанной с ними. Наиболее ярко по нашему мнению ее республиканизм был сформулирован в феврале 1918 г., как раз накануне ухода из Краснодара, в резолюции о Кубанском казачестве, принятой 1-й Черноморской Радой, состоявшейся в ст. Брюховецкой. Самостийные вожди знали, кто был их социальной опорой, когда в грозный для себя час бросились собирать с'езд именно в центре Черноморских отделов. Брюховецкая Рада декларировала: „1) кубанское казачество должно существовать; 2) на казачество Черноморская Рада смотрит не как на сословие или военную касту, а как на общину, исторически сложившуюся, представляющую своеобразный и самобытный, земельный, экономический и культурно-бытовый уклад и имеющую наравне с другими национальностями право на

[1] Гольдентул, стр. 51.

самоопределение; 3) смотря так на казачество Черноморская Рада признает Кубанский край новым государственным образованием Российской республики"[1]. Постановлением о земле черноморцы расшифровали классово-сословную кулацкую суть своей „национальности", снова подтвердив, что казачьи земли „не подлежат оспариванию ни с исторической, ни с юридической точки зрения" и ими казачество не должно делиться ни с кем, даже и из тех, которые были „выделены из казачьих земель в частную собственность" Конечно, эта декларация отражала интересы не „казачьего сословия", а „общины", т. е. псевдонима казацкого буржуазно-кулацкого слоя. Сословие притягивалось для той бедноты и середнячества, которые, не понимая своих классовых интересов, должны были таскать каштаны из огня для своих эксплоататоров за „казачью удаль и одежду" и за сословные пережитки.

Бесспорно, что „национальность и государственность" были чужды значительным слоям казачества, что и показали последующие события. Политика Рады на подобную самостийность, противоречила и руководящей силе в белом движении-помещику и интересам широких слоев казачества и была обречена на неудачу. Кулак хотя и является врагом пролетарской революции, но не ему дано историей быть первой скрипкой в контр-революционном лагере. Дирижером и главным организатором был не особенно близкий друг кулака—помещик и крупная „октябристская" буржуазия. Отсюда—противоречивость в положении и линии борьбы с советами кубанской контр-революции, без понимания которой нельзя дать правильный анализ ее роли в гражданской войне, нельзя вскрыть подлинное место кулака в революции и его последующую судьбу.

Остановимся немного на его классовом собрате—верхушке иногороднего крестьянства. Несомненно, что в 1917 г. между этими частями единой социальной группы полного единства не было. Казачий кулак стремился использовать свое лучшее положение, чтобы и этого своего конкурента поставить в худшие условия с собой. У последнего не было в руках такого козыря как „вековое историческое достояние" и он поэтому, отбрасывая все эти побрякушки, говорил яснее и понятнее и для неискушенного в политике, невооруженного глаза. В уставе своей классовой организации „Кубанского союза хлеборобов" он прямо заявлял в п. 5-м: „Земля должна быть передана трудящимся, хлеборобам в полную их наследственную собственность, так как это является исконной мечтой всех безземельных и малоземельных земледельцев и так как только пользование землей на правах неотъемлемой собственности может обеспечить как повышение

[1] КОАБ. Папка белогв. лист., воз. и проч. „Постановление 1-й Черноморской Рады, состоявшейся 15-16 февраля 1918 г. в ст. Брюховецкой".

урожая и вообще сельско-хозяйственной культуры, так и общее благосостояние хлеборобов"[1]. А так как по мнению кулака из этого союза „только люди земли могут защищать в учредительном собрании нужды хлеборобов", то он ставил своей задачей „отстаивание интересов хлеборобов как экономических, так и политических" при выборах в учредительное собрание.

Не видит ли читатель в этой программе не столь отдаленного предка тех кулацких требований о создании особых „крестьянских союзов", с которыми мы встречались в годы нэпа в деревне вообще и на Кубани в особенности? В голосе Кубанского союза хлеборобов слышится преемник знаменитого крепкого мужичка-мироеда, которого когда-то с запозданием стал обхаживать Столыпин. Вот программа иногороднего кулачества. Но в обстановке наступления казачьей контр-революции, под флагом разжигания сословной розни иногородний кулак не мог быть целиком на поводу у заправил Рады и он пытался сыграть роль оппозиции, которая ведет за собой все иногородние массы. Очень показательна для характеристики сути этой оппозиции работа двух с'ездов иногородних, как раз в конце 1917 г. уже после Октябрьских событий. Первый ноябрьский с'езд протестовал против узурпации власти Радой в особой резолюции, где между прочим, правильно указывалось, что „самый способ избрания Рады отнюдь не гарантировал совершенного демократического представительства даже казачества". Но дальше осуждения решений Рады об отделении Кубани от России с'езд не пошел. Больше этого,—главным вопросом, которым он больше всего был занят—это разработка мероприятий, которые бы привели к „мирной жизни с казачеством", т. е. с его верхушкой. С'езд даже создал особую комиссию и делегировал трех представителей в состав краевого правительства. Но Рада занимала тогда еще непримиримую позицию и полное соглашение не состоялось. Зато на с'езде для кулацких заправил получился совершенно неожиданный сюрприз при голосовании резолюции об отношении к Октябрьскому перевороту. Из 2-х резолюций вдруг большинством прошла левая, в которой признавалась власть Советов народных комиссаров. Участники с'езда из левой части заявляли потом, что и для них такой успех явился неожиданностью. В конце концов на другой день кулацким вождям из кадетов удалось провести свою резолюцию. Этот момент бросает очень яркий свет на могучую стихийную основу, которую имели силы революции в кубанской станице.

Что касается второго декабрьского с'езда, происходившего одновременно с заседаниями Краевой Рады в обстановке начала бурного „нравственного разложения Кубанского казачества", то

[1] Там же. „Устав Кубанского союза хлеборобов".

он сбросил с иногороднего кулачества следы недавней оппозиционности, тем более, что Рада пошла на уступки, перед лицом усиливавшихся волн большевизма на Кубани. Было устроено об'единенное заседание Рады и с'езда, но из него получилось... два заседания. Большинство иногородних, часть казаков фронтовиков стали на непримиримую позицию и образовали отдельный с'езд. Но кулачество не раскололось. В грозный момент эксплоататоры из казаков и иногородних об'единились, но без трудовых масс, которые ушли от них. Этот „альянс" закончился образованием Законодательной Рады и правительства с равным представительством от казаков и иногородних (по 46 чел. в Раде и по 5 в правительстве). 21 января данный „парламент" провозгласил Кубань республикой, имеющей связь с Россией на федеративных началах и принял ряд демократических преобразований. Но декларация осталась на бумаге. В развернувшейся в январе-феврале борьбе казачьи самостийники снова упирали на стародавние заветы и в Брюховецкой вынесли наиболее яркую казацко-кулацкую резолюцию, непримиримую к иногородним как раз по земельному вопросу. Иногороднее кулачество „играло роль ширмы", да и могло ли оно играть другую роль, если реальных сил у самостийников было больше и белые отряды создавались ими. К тому же в момент открытой схватки федералисты теснее смыкались с российской белогвардейщиной, и их главным героем в эти месяцы стал Покровский, один из агентов Добровольии в Краснодаре. Первая скрипка и в этот момент давала себя знать. Но описанное нами соглашение является выразительнейшим актом, вскрывающим именно классовую основу кубанской контр-революции. На решительном повороте сословные различия между кулачеством были перекрыты единым классовым интересом и он, обнаженный у обеих сторон, предстал во всей своей наготе.

Конец 1917 и начало 1918 года были переломным периодом в развитии революции на Кубани. История с голосованием резолюции об отношении к Октябрьскому перевороту на ноябрьском с'езде иногородних уже сигнализировала нарастание революционного взрыва в области.

Бесспорно огромную роль в деле революционизирования станиц сыграло, прибывавшее как раз в эти месяцы, фронтовое казачество. Оно выступило застрельщиком в борьбе за отрыв казачьей бедноты и середнячества от Рады. Правильно указывают, что именно фронтовая обстановка особенно легко освобождала казаков от давящих пут сословных предрассудков и сближала их с солдатами-крестьянами. Обычно особо подчеркивают влияние неудачной войны на фронтовиков, в том смысле, что она озлобила их против тех, кто не хотел прекращать войну. А, так как именно большевики ставили решительно вопрос о мире,

то эта антифронтовая революционность и пошла по линии усиления большевистского влияния на настроение казаков. Этого момента сбрасывать, конечно, нельзя. Но нам кажется, что „расказачивание" фронтовиков нужно связать, главным образом, со следующим явлением. Огромное значение в консервировании сословных предрассудков у казачества (именно в большей степени предрассудков, так как социально-экономический базис под военно-сословной организацией казачества уже почти развалился накануне войны) играло культивирование замкнутости и кастовости у них и в станицах и на действительной службе, где все эти правовые привилегии, не играя для бедноты реального значения, все же давили их психологию, перерождение которой отставало от перерождения социально-экономических условий под влиянием капитализма. Чтобы достигнуть быстрого сдвига и приведения в соответствие с их классовым положением „морального" момента, нужна была встряска и лучше всего на стороне, вне родной станицы. Нужно было вырвать их из этой обстановки „станичных традиций" и лжедемократичности в виде сборов и проч., чтобы произошел сдвиг. И вот война-то и сыграла эту роль. Казак на стороне, вдали от влияния местных политиков, в обстановке фронтовой жизни, легче сознавал свое классовое положение и общий интерес с крестьянином, бедняком и середняком. Поэтому поведение фронтовиков по возвращении в станицы нельзя об'яснять только результатом временного „угара", навеянного революционной обстановкой городов и армии. Эта обстановка потому смогла провести глубокую борозду в умах казачества, что уже до войны в их „сословной" психологии имелись значительные трещины. Станичная обстановка мешала этим трещинам быстро превращаться в „глубокие ямы". Война же и революция разворотила предрассудки. Так же нельзя рассматривать революционность фронтовиков, как результат деклассирования их—отрыва от производственной базы, ибо эта революционность вовсе не была беспочвенно анархистской, а имела определенный социальный смысл—классовые интересы бедняцко-середняцкого крестьянства. Поэтому-то казачество, вернувшись домой, так решительно, а в ряде мест прямо героически, вступило в борьбу со „стариками", пошло на разрыв с ними с оружием в руках.

Но при всем этом нельзя так чрезмерно переоценивать роль фронтовиков казаков и солдат, как это у нас иногда делают. До них станицы шли за казачьими верхами и все было спокойно, а вот они приехали и все сразу перевернули. Такая постановка сбрасывает со счетов нарастание революционных настроений в области на протяжении всего 1917 г. Как-будто бы казачья контр-революция не делала шагов, которые бы вскрывали ее подлинное лицо. Как-будто бы огромные массы иногородних и

казачья беднота не представляли собой об'ективной основы стихийной революционности без фронтовиков. Как будто бы местные городские центры и пролетарские организации совершенно не чувствовались в области и т. д. К сожалению, этот процесс революционизирования станицы до декабря нашими историками совершенно не изучен. Станичные архивы 1917 г. совершенно еще не тронуты. А они бы бесспорно вскрыли картину подготовки перелома начала 1918 г., как более или менее длительного процесса, подтачивавшего здание Войсковой Рады. Ведь факты разгона гражданских комитетов сборами в 25 чел. не случайны, система выборов в Войсковую Раду, обеспечивавшая участие только кулацко-зажиточных верхов, кое-что значила, наконец, поведение масс в станицах на протяжении всего 1917 года, открытые схватки с казачьим кулачеством не могли не оставлять следа и т. д. Между прочим, даже поведение иногородних и нарастание революционных настроений внутри их нами плохо изучены.

В действительности дело несомненно происходило так, что фронтовики возвращались уже на достаточно подготовленную почву. Поэтому-то они так быстро, вместе с солдатами-отпускниками и приехавшими в область целыми войсковыми частями, как 39-я дивизия (в районе Тихорецкой), развернули борьбу. Выделившаяся из декабрьской Рады и иногороднего с'езда левая была не только исходным моментом нового этапа борьбы за власть, но и итоговым фактом происшедшей к этому времени перегруппировки сил в станицах и в городе. Она выделила совет народных депутатов, которому было поручено собрать на 20 января I с'езд советов Кубани и вынесла резолюцию о власти, в которой отмечалось: „Советы должны быть избраны на основе всеобщего, равного и тайного голосования". Уже одна формулировка свидетельствует о действительно „народном" характере первого этапа открытой борьбы за захват власти на Кубани. Это была еще не социалистическая, а демократическая революция под руководством пролетариата.

Декабрь, январь и февраль были месяцами буйного разлива стихийных советских настроений в кубанской станице, началом вооруженной организации сил революции и лихорадочными попытками мобилизации сил белогвардейщиной и Радой, чувствовавших, что почва уплывает из-под их ног. Очень характерно, что в этой обстановке казачьи самостийники все чаще вспоминают об иногородних и обращаются и к ним. Кроме отмеченного выше об'единения сверху, в качестве иллюстрации агитации снизу, следует привести одно из многих тогдашних постановлений, которые проводили „демократы". С'езд представителей станиц Таманского отдела в ст. Полтавской в своем постановлении, между прочим, написал: „Большевизм в первую голову губит

казачество, но и вместе с казачеством погибнет и достояние всех тех иногородних, у которых что-либо имеется; та социализация, которую большевики проводят немедленно и которая в первую голову должна смести казачество, такая немедленная социализация вслед за казачеством сметет и достояние тех иногородних, у которых что-либо имеется, а раз так, то казачество надеется на то, что вместе с ними пойдут и все те иногородние, которые что-либо имеют, а если же и не имеют, то они все же думают жить честным трудом, жить тем, что они сами нажили своим трудом, а не тем жить, что им достанется при такой социализации, которую проводят на практике большевики"[1]. Вспомнили и об иногородних. И как раз на с'езде, которым заправляли представители самостийной Рады.

А в станицах борьба развертывалась, выносились бесчисленные резолюции, несколько образчиков которых мы здесь приведем. В ст. Славянской: „Немедленно устранить от власти всех членов правительства, имевших земли, в первую очередь Бардижа. Земельных собственников не выставлять ни в какие учреждения, не посылать ни на какие с'езды" (здесь чувствуется еще главным образом только антипомещичий подход); в ст. Холмской: „Собрание фронтовиков в ст-це постановило, послать делегацию в Новороссийск в совет рабочих и солдатских депутатов за получением огнестрельного оружия для ст-цы для борьбы с кадетской партией"; в ст. Натухайской: „Общее собрание фронтовых казаков, солдат и всех иногородних постановило об'единиться для совместной защиты Совета народных комиссаров и просит товарищей других станиц присоединиться"[2]. Между станицами сновали ходоки и делегации. Октябрьская революция зашагала по кубанской степи и по кубанским лесам и горам.

В краснодарском архиве имеется очень интересное и ценное дело, содержащее в себе описания событий, происходивших по отдельным станицам „за время большевистского ига"—с конца 1917 и по август 1918 года. Эти очерки составлялись в июле 1919 г. особыми комиссиями при станичных атаманах или же войсковыми писарями и являются очень ценными документами, конечно, требующими критического подхода к себе, ибо они писались с определенной целью обоснования особо выдающейся роли казачества, как прирожденного врага большевизма. Очерки должны были подкрепить „историческими заслугами" претензии Рады на самостоятельность по отношению к Деникину. Но при всем этом данные документы дают материал, подтверждающий

[1] КОАБ. Разрозненный фонд. Дело с очерками истории событий в станицах Кубани за декабрь 1917 г.—июль 1918 г. „История борьбы с большевизмом в ст. Полтавской". Приложение. Постановление с'езда.

[2] Взяты из подготовляемой к печати научным сотрудником С.-К. истпарта Т. Кононенко „Хроники революции на Северном Кавказе".

нашу оценку „нравственного разложения казачества“ и замечательно ярко демонстрируют организационно-руководящую роль в станичной контр-революции кулацкой верхушки в лице атаманов, низшего офицерства, учителей и проч. В очерках, между прочим, имеется указание и на причастность к организации контр-революционных групп или сочувствующих представителей иногороднего кулачества начиная с февраля 1918 г. Так, в очерке по ст. Ново-Николаевской мы читаем: „За все время большевистского течения в станице, иногородний Иосиф Юрченко бессменно состоял в Совдепе, служил три раза комиссаром и вообще старался пробраться на должность, чтобы мешать выполнению декретов; он большевиков ненавидел, как-будто чего-то ожидал; он всегда старался не допустить особенно в комиссары тех лиц, которые сильно были заражены большевизмом“ [1].

В этих очерках встречаются места, дающие прекрасную зарисовку той политической обстановки в станицах, в которой принимались приведенные выше резолюции о необходимости борьбы за советскую власть. Описание по ст. Гривенской не лишено и художественной обработки. Оно начинается фразой—„томительно тянутся невеселые февральские дни 1918 года“, как бы вводя этим читателя в суть той „тяжелой“ полосы для славного казачества, которую последнее, по мнению кулацкой контр-революции, пережило в первые месяцы 1918 г., поддавшись большевистской заразе. „Слышатся далекие стоны боевых орудий. Эго геройски сражается казачество ст. Полтавской с ордой разнузданных красных пролетариатов—большевиков... В Гривенской неспокойно... Станичный атаман, как-то халатно, растерянно ведет себя; на вопросы казаков, как им быть, он, махнувши рукой, советует им разбираться самим с создающимся положением... Гривенцы мечутся: не знают за какой список голосовать, а раз'яснить хорошо некому... Фронтовики как-то странно и непонятно ведут себя. Начали проникать в станицу подозрительные „курносые“ и другие уполномоченные большевистской партии. Гривенцы аплодируют их сладким речам... Ожидается приезд делегатов в Войсковую Раду, созванную войсковым атаманом в ст. Брюховецкой... В станичном правлении митинг, на трибуне уполномоченные от Рады, призывающие казаков на защиту своей Кубани от большевистской орды. Народ провожает со свистом и гиканьем. Появляется на трибуне какой-то делегат от Темрюкского комиссариата; из его медовых уст сыплятся нецензурные выражения по адресу „кадета“ войскового атамана Филимонова... Его сменяет старый казак ст. Петровской, оповещающий гривенцев, что его станица имеет уже комиссара, что

[1] КОАБ. Дело с очерками . . . . „Краткий очерк по ст. Ново-Николаевской с 26 февраля по 26 июля 1918 г., т. е. за время владычества большевиков в станице“.

должна сделать и Гривенская. Гривенцы аплодируют... На трибуне урядник Бучинский; он призывает казаков, как можно скорее двинуться с оружием против большевиков—получает за это свист митингующих... Народ явно склоняется на сторону последних трех ораторов и согласен в большинстве принять советскую власть. Большинство казаков и почти все иногородние говорят за нее"...[1] Написавший очерк батальонный писарь Степан Алексеевич Дерека, ненавидевший большевиков, не мог, конечно, преуменьшить силу влияния большевистских настроений, разлившихся в тот период среди казачества. Воспроизведенная им картина довольно рельефно дает нам возможность ощутить силу того революционного под'ема, на волне которого казачество поднялось против „своего правительства" и сбрасывало его агентов в станицах. Выпишем еще небольшую цитату из описания по ст. Ново-Джерелиевской: „Наслушавшись всяких бредней большевистских демагогов, соблазнившись выставленным ими для рекламы девизом свободы, равенства и братства и отчасти проникшись их учением, фронтовики явились самым действительным рассадником большевизма в нашей станице и с каждым днем верили все больше и больше, ибо они были свои люди, говорили на простом понятном языке... Являвшиеся в станицу правительственные агенты не могли повлиять на настроения казачества... Лучшей характеристикой настроения казаков может служить созванная во второй половине февраля 1918 г. в ст. Брюховецкой Черноморская Рада, обнаружившая неспособность казачества открыто и серьезно выступить в защиту своего правительства. В станицах, в том числе и нашей, это было еще очевиднее... Старики, видя, что их дети заблудились, начали просить станичного атамана о том, чтобы он чаще собирал по воскресным дням чисто казачьи сборы... Со своей стороны местный учительский союз организовал... воскресные собеседования по текущим вопросам, но по указанным выше причинам ни казачьи собрания, ни общенародные чтения своей цели не достигали. Все фронтовики казаки и иногородние об'единились и остались глухи к обращенным к ним призывам"[2]. В этом отрывке отмечена борьба стариков с фронтовиками, в которой последние, проявив огромное упорство, вышли победителями.

Насколько серьезно было развито большевистское настроение среди казаков, можно судить по тому, что собравшийся 2-го февраля с'езд станиц Таманского отдела в цитадели Рады ст. Полтавской, счел нужным в своем постановлении записать особый раздел „Отношение к большевикам-казакам": „решили принять все меры к тому, чтобы всем казакам и казачкам, на-

[1] Там же. „Станица Гривенская во время большевизма".

[2] Там же. „Исторические очерки событий борьбы с большевиками казаков ст. Ново-Джерелиевской, Таманского отд., Кубанской области".

зывающим себя большевиками, раз'яснить программу большевиков; раз'яснить, что большевизм грозит казачеству: 1) немедленным разделом кубанской земли между всем населением кубанской земли, 2) немедленным присвоением всего общественного достояния каждой станицы всему населению станиц, 3) грозит немедленной готовностью каждого казака переселиться по жребию туда, где есть свободная земля; если же при таких сведениях все-таки казаки и казачки будут называть себя большевиками, то такого упорного казака или казачку станичное общество имеет право лишить казачьего звания и выселить из Кубанской области, так как большевизма он должен держаться не на словах, а на деле" [1]. Как видим меры предлагались очень серьезные: ставилась альтернатива или звание казака и пребывание на кубанской земле или большевик и изгнание из области. Мы не будем больше приводить еще много интересных мест из этих документов. Они заслуживают специального анализа в особой статье, ибо, к сожалению, как раз по этому периоду нашего материала по станицам мало осталось. Для целей настоящей работы приведенного вполне достаточно, чтобы иллюстрировать картину того революционного под'ема, который пережила Кубань в начале 1918 года, картину ожесточенной борьбы внутри казачества по вопросам об отношении к советской власти. Этот под'ем доказывает, что кубанский казак вовсе не имел сплошь антисоветское прошлое. Если представители самостийной контр-революции старались и стараются изобразить начало 1918 г. как какой-то „больной угар", чисто внешнюю, поверхностную волну, ничем не связанную с „казачьей жизнью", и старались воспитать кубанцев в духе раскаяния за эти страницы местной истории, то мы должны на них воспитывать бедняцко-середняцкое казачество, создавать среди него революционные традиции, добиваться осознания того, что казак—бедняк и середняк—тоже боролся за советы в 1918 году.

Во многих местах области уже в декабре организуются военно-революционные комитеты. В начале декабря власть перешла в руки совета в Новороссийске, в январе—в Армавире, Тихорецкой, Кавказской, Майкопе. I областной с'езд советов собрался не в Краснодаре, а в Гулькевичах, откуда он переехал в Армавир в начале февраля. В это же время войска Покровского и Рады отбросили под Энемом наступавших на Краснодар красногвардейцев от Новороссийска. Со второй половины февраля на Краснодар повели наступление с четырех сторон: от Энема, от Тимашевки, от Тихорецкой и от Кавказской. В красных частях было уже много казаков, в двигавшемся от Тихо-

---

1 Там же. „История борьбы с большевизмом в ст. Полтавской". Приложение. Постановления с'езда

рецкой отряде Сорокина (до 4.000 бойцов) красные казаки были почти преобладающим элементом. Белые части в столкновениях терпели поражения и отступали. Было ясно, что дни Рады сочтены. Большинство трудового населения области явно было не на ее стороне. В результате—Краснодар оставляется казачьей контр-революцией без боя. Вожди с отрядом в 3 тыс. человек ушли на юг, в горы.

Советская власть была установлена на Кубани не так мирно, как, например, в Ставрополье или крестьянских губерниях центральной России. Здесь контр-революция успела организоваться еще до Октябрьского переворота, ибо она имела мощную социальную базу из кулачества, офицерства и дворянства. Советы могли победить на Кубани только перейдя в контр-наступление и разгромив вооруженного противника. Но это первое поражение местной белогвардейщины досталось большевизму несомненно легче, чем на Дону, хотя там, центры области—Новочеркасск и Ростов—были заняты раньше (13 и 23 февраля). Это об'ясняется, главным образом, тем, что Дон являлся в то время местом главной концентрации всероссийской белогвардейщины. Добровольческая армия формировалась именно там. На Кубани же был только небольшой филиал—отряд Покровского. Что же касается масс казачества, то об их состоянии в это время генерал Алексеев писал правильно: „Идеи большевизма нашли приверженцев среди широкой массы казачества". Правильно, ибо казачество в этот период вместе с рабочими, солдатами и иногородними выступило против контр-революции или же (известная часть середняков) была нейтрализована. Так шло дело и на Кубани. Нельзя забывать, что советская власть в казачьих областях вовсе не была принесена извне на штыках красногвардейцев и солдат. Эти штыки сомкнулись в начале 1918 г. в одну колонну с бедняцко-середняцким казачеством и иногородними и этот союз обеспечил победу, ибо он был классовым союзом сил, основные интересы которых на стороне революции[1]. Союз победил на Кубани, разбив здесь первую попытку кулацкой Вандеи.

Об это стальное единство разбился и первый вооруженный, удар по Кубани всероссийской помещичье-буржуазной белогвардейщины. Мы имеем в виду знаменитый Ледяной поход Корнилова, начавшийся от Ростова в феврале. 3½ тысячи доброволь-

[1] Ф. Щербина привел следующий мартиролог кубанских станиц, переходивших на сторону большевизма: 1917 г.: август—3, сентябрь—2, октябрь—5, ноябрь—5, декабрь—10; 1918 г.: январь—20, февраль—16, март—24, апрель—1, май—1; всего 87 станиц. В 50 ст-цах было подсчитано „770 видных советских деятелей и комиссаров, членов советов и агитаторов". Из этого числа на интеллигентов падало 69, остальные 711 „люди совершенно необразованные". В это количество входило 34% казаков и 66% иногородних. Цит. по Деникину „Очерки русской смуты", т. II „Борьба ген. Корнилова". Paris, стр. 176—177.

цев под командой ген. Корнилова представляли крепко сколоченный отряд, прекрасный кадр для развертывания целой армии. И при всем этом, когда корниловцы после соединения с Кубанским отрядом Покровского вступили 10 апреля в бой за Краснодар, у них насчитывалось всего 9.000 бойцов (включая и мобилизованных по пути кубанских казаков). Цифра небольшая, имея в виду, что бой за Краснодар рассматривался ими, как „последняя попытка" получить базу. Так мало пристало к белогвардейцам по той причине, что Ледяной поход проходил в обстановке огромного перевеса в соотношении классовых сил на стороне красных. На Кубани они встретили далеко не радушный прием. „Открылась партизанская война, и по Добровольческой армии велась стрельба из перелесков, камышей, кустов, домов, садов, амбаров. Обстреливали из пулеметов и орудий. Село, через которое пришлось переходить, было покинуто населением"...[1] Только в некоторых кубанских станицах удалось мобилизовать немного казаков. Но и они дрались неохотно. 4 дня (10—13 апреля) шел ожесточеннейший поединок под Краснодаром. Корниловцы были разбиты и, совершенно деморализованные, отступили. Им не помогло „безумство храбрых", ибо весь краснодарский пролетариат, дравшийся геройски, вопреки плохому военному руководству, получал поддержку из области и белый отряд попал в изолированное положение. Ему грозило окружение под стенами центра Кубани. Отступили, потеряв авторитетнейшего белого вождя. Разбитая российская контр-революция получила такую рану, от которой она бы не оправилась, если бы не подоспел на помощь западно-европейский империализм в лице германского нашествия на Дон и Кубань. Один из организаторов Доброволии генерал Эрдели записал в своем дневнике: „Уходили от Екатеринодара уже с подорванными сердцами и душой. Многие казаки разбежались, начались разговоры о том, чтобы всем разбежаться, сдаться и т. п."[2]. Первая попытка белых генералов сделать Кубань своей базой была бита, ибо преобладающая масса, не говоря уже об иногородних, стояла за советы или же была нейтрализована.

Кулачество слабо поддерживало корниловцев, так как, во-первых, в это время оно было изолировано в станицах от бедняцко-середняцких масс и, во-вторых, оно не является крепким союзником помещиков. Само по себе кулачество „героически" никогда не выступает. В этом смысле это один из самых трусливых классовых врагов в истории. Преобладающее количество кулачья выжидало, не поддержав активно даже свою политическую верхушку из Рады, истекавшую кровью вместе с корниловцами.

[1] В. Волин. „Дон и Добровольческая армия" Р. Д. 1919 г., стр. 65.

[2] Сев.-Кав. Истпарт. Секр. Ф. уч. кар. № 800/с. Дневник ген. Эрдели. Копия с рукописи, стр. 12.

Не даром, когда в марте Рада без боя уходила из Краснодара в горы, один из ее членов казаков на совещании перед оставлением города заявил: „Раз казаки признали советскую власть, то тем самым они сняли с нас ответственность, а потому нужно подчиниться советской власти", хотя сам он и ушел в горы. Рада же тогда выпустила воззвание „К гражданам Кубани", в котором писала: „Мы избраны вами. Мы имели право требовать от вас реальной помощи, ибо вы же нам поручили защищать край от вторжения насильников. Нам больно говорить об этом, но это так: вы не могли защитить своих избранников. Мы знаем, что вы, казаки, лишившись свободы, земли и своего добра, вы впоследствии поймете свои ошибки и будете оплакивать их" [1].

Как раз в дни боев под Краснодаром, в городе собрался II областной с'езд советов, своим составом (591 чел.) отражавший соотношение сил на Кубани. Среди членов с'езда было „40—50 представителей воинских частей, а остальные—делегаты станиц и хуторов. Среди них нет, или вернее мало, интеллигенции. Подавляющее большинство—простые хлеборобы, с загорелыми лицами и мозолистыми руками" 2... Так описывала состав с'езда советская газета.

Весна 1918 года была периодом „общенародной советской власти", когда и здесь, под руководством пролетариата, образовался демократический, крестьянский фронт против помещиков, имевший, конечно, ряд местных особенностей.

Крестьянская война имела могучие резервы не только среди иногородних, но и казачества, что лишний раз подтверждает, что сословная рознь между ними не была основным противоречием в революции на Кубани. В этот период рознь как бы отошла на задний план перед лицом помещичьей контр-революции и кулак был не в силах раздуть ее при тогдашнем соотношении классовых сил. Советская власть еще не приступила к развертыванию классовой борьбы в станице и буржуазному кулачеству трудно было перетянуть на свою сторону казака-середняка путем противопоставления его иногородним. Если взять соседнее крестьянство Ставропольской губернии, то там в начале 1918 года кулачество, не имевшее в своих руках козыря сословных противоречий, сначала даже активно выступало за „советскую народную власть", но когда и там с конца весны началось углубление революции в деревне (продовольственный и земельный вопрос), кулачество переходит в антисоветский лагерь, колебнув за собой часть середняков. В результате Ставрополье раньше Кубани, без боя, сдало Деникину свой губернский центр.

[1] КОАБ. Чрезвычайная Рада Кубанского края, созыва 28 октября 1918 г. Стен. отчет, ч. 2, докл. д. Рябцева, стр. 166-167.

[2] „Известия" Кубобласткома № 14 от 2 апреля 1918 г.

Два момента создали благоприятные условия для возрождения разбитого Корниловского отряда. В начале мая советский Дон пал под натиском германского империализма, занявшего Ростов. Немцы спасли остатки добровольцев, помогли им передохнуть и переформироваться. В мае образовался немецкий Батайский фронт, который привлек на себя все основные вооруженные силы красной Кубани. Поэтому своевременно не добили „упавшего", кем были корниловцы после Краснодара. Хотя здесь сыграла роль и царившая тогда партизанщина, которая, по своему обычаю, не стремилась окончательно добить разбитого врага, а успокаивалась на лаврах после его крупного поражения, забывая, что недобитый враг снова может окрепнуть. Поэтому добровольцев после разгрома Корнилова советская Кубань оставила в покое, как бы забыла про них, вспомнив о своей ошибке позже, когда уже грянул гром в июле 1918 года.

Но германский империализм был главным решающим фактором, который изменил соотношение сил на Северном Кавказе и в частности, на Кубани с конца весны 1918 г. Он угрожал ей не только с Севера, но и с моря—у Новороссийска и со стороны Тамани, высадив там десант. В обстановке угрозы иностранного нашествия происходит возрождение поместно-кулацкой контрреволюции. С этой внешней обстановкой совпал переход советской Кубани в новую фазу расщепления крестьянского фронта и углубления революции. Вокруг земельного вопроса развернулся процесс активной борьбы кулачества против советов. Если брать причины начала под'ема второй волны поместной контр-революции, коренившиеся во внутреннем положении области, то их нужно искать именно в переходе революции в высшую фазу своего развития. Область в апреле оформилась в советское образование, получившее название Кубано-Черноморской Советской Республики. Позже, в июле, она переросла в Северо-Кавказскую Советскую Республику, об'единившую Кубань, Ставрополье и Терек.

С мая стала проводиться политика по реализации декрета о социализации земли. Это означало не только уравнение в земельных правах казачества и иногородних, но и экономическое ущемление кулачества. Последнее переходит в контр-наступление и на сцене снова появляется панацея сословной розни. Казачьи массы запугиваются „царством иногородних". В этой обстановке неизжитые элементы сословных противоречий начинают снова перехлестывать классовые противоречия и затушевывать разворачивавшуюся классовую борьбу на новой основе. Приходится констатировать, что сословный момент в мае—июле 1918 г. сыграл свою роль в деле успешного возрождения кулацкой борьбы против советов. Кулачество ловко его использовало в своих классовых целях, поймав на сословной розни большие слои

казака-середняка. Богатое крестьянство из иногородних поддерживало, в то время, казацкую контр-революцию, что ярко вскрывает классовую основу последней. В станицах проведение социализации земли было или сорвано или совсем не проводилось, встретив сильнейшее сопротивление. „На местах, однако, законодательные мероприятия областного центра проводились слабо, а иногда совсем не проводились. Самочинные захваты земель, разграбление инвентаря, многочисленные земельные ссоры, были обычным делом. Кубань переживала ту полосу земельных неурядиц, какую в свое время пережила Россия, но только в более обостренном, вследствие специфических местных условий, виде. Однако, в этом первоначальном беспорядке начали намечаться формы новых земельных отношений. Дальнейшей их кристаллизации положила конец нахлынувшая волна контр-революции. Земельная реформа ударила не только по крупным земельным собственникам, но и по кулацкой части казачества и иногороднего населения. Отчасти, благодаря изворотливости и силе, кулацкие слои в станице смогли сохранить старые земельные порядки, но для них было ясно, что дальнейшее укрепление советской власти нанесет непоправимые удары их экономической мощи". Это—характеристика первого марксистского историка гражданской войны на Кубани [1]. „Изворотливость и сила" кулачества—это, главным образом, умение его использовать сословный момент. По области в июне прокатывается волна кулацких восстаний, особенно по Ейскому отделу и на Таманском полуострове, где ряд станиц с засилием кулачества, образовали, при поддержке немецкого десанта, Таманский фронт.

К сожалению, приходится отмечать, что кулацкой игре на сословных пережитках сильно помогали ошибки ряда местных партийных и советских организаций. Многие „Кубанские республиканцы" (так многознаменательно называл себя ряд местных советских деятелей и даже партийцев того времени, как бы подчеркивая этим мелкобуржуазное демократическое влияние, которое было сильно и накладывало свой отпечаток на деятельность местных большевиков) рассматривали казачество сплошной сословной группой и на этом основании делали политические ошибки, относясь к нему, как чуть ли не сплошной антисоветской массе, исключительно зараженной борьбой за свои общеказачьи общие интересы и привилегии. Отсюда вырастало политически вредное антиленинское настроение, которое можно характеризовать крайне недоверчивым, если не враждебным отношением и к бедняцко-середняцким казачьим массам. Это выявляло и неспособность их давать отпор тем чрезмерным проявлениям сословной недоброжелательности со стороны ино-

[1] Ладоха. „Очерк. гражд. борьбы на Кубани", стр. 96.

городних, в определенной части, тоже зараженных этими предрассудками, которые туманили их головы и затушевывали часто классовое чутье. Как на яркую иллюстрацию этой цепи ошибок можно сослаться на факты отказа в приеме приходивших добровольно записываться в Красную армию бедняков и середняков казаков, в то время, как об'являлась мобилизация иногородних. Описание подобной „демонстрации" находим в воспоминании одного баталпашинского работника: „Мы об'явили мобилизацию за 5 лет иногородним; в отношении казаков в приказе написали: „Казаки же могут являться добровольно, только те из них, кто хочет защищать советскую власть". Стали являться довольно большими партиями казаки... Мы боялись этих приходивших к нам казаков, брали их на фронт небольшими частицами, старались распылить среди крестьянских иногородних масс... Позже, когда казаков стало итти гораздо больше, мы не успевали распылять их небольшими частицами, и у нас в лагерных помещениях были постоянные резервы казаков без огнестрельного оружия от 400—500 чел. и выше. Как нам быть с казаками? В нашей собственной среде не было единодушного мнения". Далее мемуарист сообщает, что прибывший в Невинномысскую самовольно с фронта отряд постановил на митинге распустить казаков по домам. И когда на собрании, последним было об'явлено об этом, то один выступавший казак заявил: „Куда же нам итти? Итти в ряды белых? Мы не можем. Красные нас прогнали, они силой толкают нас навстречу белым, они своими руками создают себе врагов... У нас положение безвыходное, несмотря на это, врагами советской власти не станем"[1]. Классовым врагом эти казаки по отношению к советской власти, конечно, не стали, но многие из них скоро боролись уже в рядах белых против красных. Совершенно ясно, что подобные действия только помогали контр-революционеру и кулаку, бросали в его об'ятия казачество, разжигали сословную неприязнь, на чем местная контр-революция ловко играла.

Но решающую роль в переходе больших масс казачества на сторону кулацкой контр-революции сыграл в тот период Деникин. Именно его ударом колеблющийся середняк был сбит в ряды восставшего кулачества. Деникин, при помощи немцев, двинулся в июле из Сальских степей на Кубань и в августе, захватив Краснодар, взял под свое руководство кубанскую контр-революцию. Мы утверждаем, что без Деникина и немецкого империализма местное офицерство и кулачье не смогли бы сбросить летом 1918 г. советскую власть, ибо огромное большинство иногородних и казачья беднота поддерживали советы, опреде-

[1] Цит. по И. Борисенко „Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г.", ч. I Р. Д. 1930 г., стр. 188-189.

ленная часть середняцкого казачества, особенно в Закубаньи только колебалась. Кулацкие восстания, на переходе от первой фазы революции во вторую, в деревне были неизбежны и наличие их вовсе не является особенностью кубанской обстановки. Здесь только они приняли бы более мощный характер, так как, казацкое кулачество имело дополнительный сословный козырь в своих руках. Но даже и оно, владея таким инструментом и имея кадры офицерства, не в силах было само добиться победы. Нужно помнить, что и в Таманской и в Сорокинской армиях и в отряде Жлобы, формировавшихся на Кубани мы имели и казаков, которые затем пошли до конца с нами вплоть до знаменитых Астраханских степей. Приходится согласиться со следующим выводом Деникина по этому вопросу: „... Взятие Екатеринодара Добровольческой армией не разрешало еще окончательно ни в стратегическом, ни в политическом отношении ее задачи на Кубани. Борьба с большевиками оказалась попрежнему непосильной кубанскому казачеству“ [1], т. е. кулаку и офицеру. Она оказалась „непосильной“ потому, что бедняцкое казачество в своей массе не было за белых, а середняки хотя и пошли тогда в своем большинстве за ними, но они, конечно, не могут рассматриваться опорой контр-революции. Об иногородних говорить не приходится: составляя больше 50% населения области, они находились (минус кулацкая верхушка) явно на стороне красных. Социальная база революции даже при учете сословных противоречий на Кубани и временного отхода казака-середняка в своем большинстве на сторону кулака, отхода не без колебаний, была все же мощнее, чем у контр-революции. Советская власть в 1918 г. потерпела поражение, вследствие получения кулачеством и деникинщиной решающей поддержки от западно-европейского империализма. Поэтому мы никак не можем согласиться с некоторыми, высказывающими ту точку зрения, что революция на Кубани не имела внутренних сил, которые обеспечили бы ей победу. Чаще всего эту мысль высказывают некоторые участники местной борьбы в 1918 г. Например, В. Ф. Черный, сделал следующие обобщения: 1) „Я утверждаю, что внутренние силы явились предпосылкой революции, что они заключаются в борьбе рабочего класса“; 2) „Почему случилось так, что победа не наступила раньше? (до 1920 г.—*Н. Л.*). Да потому, что соотношение сил было неблагоприятным, потому что внутренние силы и шансы для победной революции на Кубани были недостаточны, наконец, потому, что Кубань ходом революции оказалась превращенной в узел общероссийских противоречий“; 3) „В том-то и состояла заслуга большевиков, что они, несмотря на это временное соотношение сил, не в пользу советской революции (до 1920 г.

[1] „Очерки русской смуты“, т. III. Бер., стр. 212.

Л. Н.), шли на революцию, стояли во главе масс, использовали стихийный под'ем, чтобы выйти на поддержку всей российской революции в центре, во всей стране"[1]. Здесь все спутано и перевернуто вверх ногами вследствие того, что местный участник революции 1918 г. совершенно неверно поставил проблему соотношения внутренних и внешних сил в развитии революции на Кубани. По его выводам получается: так как внутренних сил для победоносной „советской революции" на Кубани нехватало, то местные большевики пошли на руководство ею, стали во главе ее, главным образом, для „поддержки" центра. Черный не понимает главного, что определило исход борьбы в 1918 г.: местная контр-революция получила тогда неизмеримо большую поддержку от внешней контр-революции (Деникинщина и зап.-европ. империализм), чем „кубанские большевики" от внешних сил революции. Именно такое соотношение привело к поражению. Повторяем, поместно-кулацкая казацкая контр-революция одна не в силах была справиться с задачей, ибо ее лагерь был менее мощным даже и при переходе революции летом 1918 г. в новую высшую фазу и при под'еме волны кулацких восстаний в Ейском и Таманском отд.[2] Часто опасно бывает писать историю непосредственным участникам событий: у них вместо истории могут получиться мемуары, пропитанные настроениями, которые ведь не всегда вытекали из правильной оценки действительного положения вещей. Особенно в дни поражений, да еще на Кубани, где кое-кто из большевиков в 1918 г. сам соскальзывал на рельсы недоучета классового момента и неверной оценки сути и действительного содержания сословных противоречий. К сожалению, с этим, между прочим, часто приходится сталкиваться именно в беседах с коммунистами, работавшими на Кубани в 1918 году.[3]

---

[1] КОАБ. Дело № 111. Стенограмма заключительного слова по докладу В. Черного „Советская власть на Кубани и образование Сев.-Кав. Советской Республики". Л. Л. 19-20-22.

[2] Подробно вопрос о причинах гибели советской республики на Сев. Кав. 1918 г. освещен в гл. „Северо-Кавказская Советская республика", написанной мною совместно с И. Борисенко (в труде последнего „Советские Республики на Сев. Кав. в 1918 г.", ч. II, 1930 г.). Между прочим, стенограмма доклада В. Черного ценна тем, что последний впервые попытался поставить проблему (но он ее решил неверно) внутренних и внешних сил на Кубани. Его интересный доклад (и прения по докладу) дает много нового материала, почерпнутого из личных воспоминаний. Но это же обстоятельство требует особо критического подхода к докладу, как ко всяким мемуарам. Точнее доклад—полумемуарное произведение.

[3] Между прочим, большинство воспоминаний местных работников неизменно грешат именно недоучетом классового момента. Образовалась традиция начинать воспоминания с такого анализа предпосылок революции на Кубани, в котором сословный момент заполняет все. Примером может служить следующее место у т. Монахова: „На мой взгляд непосредственно революционной обстановки на Кубани, учитывая соотношение классовых сил и наличие экономических кубанских условий, не было. На Кубани рабочие прослойки были чрезвычайно ничтожны. Что касается массы кубанского населения, то тут основное деление шло по линии

Итак, Кубань была „очищена" от красных союзом трех сил—поместной контр-революции, деникинщины и зап.-европ. империализма. При чем удельный вес составных частей этого блока, в деле достижения победы, идет в обратном порядке. Без немцев не окреп бы Деникин, без него не смогла бы нанести решающий удар кулацкая контр-революция. Собственно эта формулировка не точна. Решающий удар нанесла не она, а Деникин с ее помощью. Конечно, основную живую силу в то время (но не кадры) в блоке составляла кубанская контр-революция, но не она была гегемоном. И не могла быть, если учесть нашу характеристику социальной базы местной контр-революции—классовую природу кулака. Он боролся с большевиками в союзе со своим „другом по неволе" помещиком. Конечно, из двух зол (большевики или Деникин) он выбрал второе, но от этого „второе" не становилось его классовым союзником до конца. Противоречия между ними не испарялись. Они неизбежно должны были вскрыться при переходе к проведению „положительной" программы и перенесению борьбы с большевиками за пределы „родного края". Только при данном подходе к анализу роли Кубани в дальнейшем развертывании гражданской войны, мы можем понять всю противоречивость и своеобразие ее. Необходимо растаться с концепцией некоторых, до сих пор рассматривающих Кубань основной и самой прочной базой российской белогвардейщины в годы гражданской войны. Кубань очень прочной опорой ее не была, что доказывает тот анализ событий 1918 г., который мы развернули выше, социальная природа поместной кубанской контр-революции и факты последующей истории 1919 и 1920 годов.

2. Господство деникинщины и Кубанская самостийная контр-революция.

Через несколько недель после оставления большевиками Краснодара с ведома Кубанского правительства в местных газетах самостийников (13-31 сентября) появился приговор ст. Старо-Нижестеблиевской следующего содержания: „Мы казакі... по своему слабоумію или недохвату в науці, нытак давно изминылы с булы своій ридній Кубани, дали волю и власть проклятому москалю... Проклятый москаль волею власть казачу штыком собі в рукы захватыв, задавыв нас як мух...", но „наши батькы, паны, як люды ученуи, недопустылы заблудывшихся нас до

сословной, а не классовой... На Кубани существовал своеобразный бытовой военно-каза ий уклад, здесь мы наблюдаем традиционный казачий демократизм" и т. д. КОАБ. Фонд воспоминаний. Дело № 114 л. 18. Подобный анализ встречается в мемуарах и более крупных кубанских работников 1918 г.

погыбыли, сталы на опанцаткы, перед тію чернотою сибирякамы и катаржанами и вывелы нас з москальской неволы... И спасыбы. Вам нашы спасытели Кубанцы паны, гиниралы и весь начальствующий состав, в особенности рыдному батьку, полковныку Фылымонову, батьку Бычу и всій Раді... вылыке спасыбы... за Вашу щирость, за спасеніе нас и наших имуществ"[1]. Момент москальства подчеркивался не случайно и не только из-за специфического украино-казацкого шовинизма вообще. Он несомненно метил не только „в прошлых, но и в настоящих москалей"— добровольцев и был очевидно специально подогрет некоторыми деятелями Рады, ибо между нею и Доброволией расхождения, проявлявшиеся даже в Сальских степях (когда обе стороны находились вне Кубани), теперь должны были вылиться в более отчетливые формы. В приговоре специально подчеркивалась исключительная роль в освобождении от красных Рады и ее вождей, о Деникине же не упоминалось ни слова. Лозунг Единой Неделимой России был совершенно неприемлем для федералистов. Демократы из Рады рассматривали его, как возвращение к старому режиму. И они повели кампанию, скрытую и открытую, против добровольцев. Кубань „не помирится на самоуправлении, ни даже на автономии, а будет отстаивать суверенные права... Казачество хочет быть полноправным хозяином во всех областях гражданской и экономической жизни. Ему нужны свои порты и дороги, независимость при определении к другим соседним областям или государствам и полная частная и общественная инициатива и самостоятельность во всех вопросах экономической жизни,"—возвещалось в сентябре в газете Правительства „Вольная Кубань"[2]. Это уже развернутая кулацкая политическая и экономическая программа, которая в корне противоречила политике Деникина по подавлению окраин и восстановлению великодержавного помещичьего централизма. Идея Рады—парламентский федерализм—не могла примириться с принципами военной диктатуры. Бесспорно свою роль сыграл и национальный момент, подогревавшийся украинско-казачьими шовинистами, с одной стороны, и великодержавностью добровольцев—с другой. В постановке его, обеими сторонами, очень ярко вскрывалась разная классовая сущность их.

Кубанское правительство не только разговаривало, а пыталось и реализовать свои лозунги. Так оно запретило въезд в край русских беженцев, в начале сентября закрыло границы области для вывоза почти всего сырья и продовольствия, подчинило себе железные дороги в пределах своей территории и т. д. Противоречия, сдерживавшиеся в 1918 г. и в начале

[1] Цит. по Деникину „Очерки Русской смуты", т. III, стр. 204.
[2] Там же, стр. 205.

1919 г. борьбой с красными на Сев.-Кавказе, все же прорывались и нарастала неизбежность столкновения. Работа ноябрьской Краевой Рады 1918 г. дает совершенно отчетливую картину расхождения двух линий и моральной подготовки к будущему столкновению, которую вели оба „союзника".

Деникин, явившись на торжественное заседание, произносит речь, содержащую определенную угрозу „сеющим рознь" между кубанскими казаками и добровольцами. Подчеркнув сначала, что Кубань получила освобождение „без цепей, без ярма, ценой лишь святой крови добровольцев, слетевшихся со всех концов России, и славных кубанских казаков", Деникин затем весьма недвусмысленно заявил: „... В последнее время идет широкая агитация, отчасти оплачиваемая иноземными деньгами, отчасти подогреваемая людьми, которые жадными руками тянутся к власти, не разбирая способов и средств, хотят поселить рознь в рядах армии и особенно между кубанскими казаками и добровольцами... Это те самые люди, которые смиренно кланялись большевикам, скрывались в подполье или прятались за добровольческие штыки... Мне хочется сказать этим господам... Не трогайте армию, не играйте с огнем". Закончил он упоминанием о верности союзникам и оглашением пунктов, на основе которых Доброволия собирается участвовать в мирных переговорах между зап.-евр. державами: „Единство представительства России... с исключением из его делегатов... тех территориальных образований, которые в своих основных принципах расходятся с целями Добровольческой армии, т. е. по вопросу о единой неделимой России"[1]. Эта декларация носила угрожающий характер по адресу самостийников, с ссылкой на союзников—своего подлинного хозяина.

Рада была, конечно, не удовлетворена этой речью. Руководящая часть ее перешла в контр-наступление и развернула весь букет своей аргументации за Вольную Кубань. Председатель правительства Л. Быч в докладе о политическом положении края бросил тоже весьма недвусмысленный комплимент по адресу Деникина: „Северяне и жители центральной России, продвигаясь на протяжении двух последних столетий на юг в поисках выхода к южному (Черному) морю и в поисках свободных благодатных земель, усвоили совершенно безотчетно, стихийно, представление о юге, как о своей вотчине". Но „непокорный юг" не желает быть на положении вотчины, он сам хочет устраивать свою жизнь, ибо обуреваем „жаждой быть полноправным гражданином". „К единству России—через союз, через федерацию, этот клич должен об'единить, казалось бы, как

[1] КОАБ. Пап. разрозн. белогвард. листовок и проч. „Речь Деникина, произнесенная на торжественном заседании Рады 1 ноября 1918 г".

федералистов, так и централистов"[1]. Казалось бы — а здесь толкуют о лозунге единой неделимой России. Таков смысл основного политического доклада. Сдержанная полемика с речью Деникина пронизывает его. В заключительном слове после горячих и более откровенных речей Быч формулировал уже определеннее: „В истории мы не знаем примера, чтобы развалившееся государство восстанавливалось, возрождалось в прежних границах, и формах... Если бы вздумали Римскую империю после ее падения восстановить в том виде, как она была раньше, то это была бы совершенно напрасная трата времени и энергии... Мы должны ясно и твердо сказать—даже изменив свою терминологию—„не восстановление, а создание государства Российского". Это будет новое государство в полном смысле этого слова... Сейчас без парламента, как органа народоправства, ни край, ни государство жить не могут"[2]. Эти идеи действительно „ясно и твердо" свидетельствовали о буржуазно-кулацкой идеологии, выросшей не на помещичье-самодержавном корню.

Один белогвардейский сатирик написал осенью 1918 г. стихотворение, в котором рисовал положение в стане белых и по адресу кубанцев отпустил: „И журчит Кубань водам Терека, я Республика, как Америка"[3].

Наиболее распоясалась кубанская демократия в речи П. Макаренко, представителя Ейского отдела, отпечатанной в стенографическом отчете с большими пропусками. Этот самостийник взял быка прямо за рога. „Когда господин небритый в прошлом году ездил к бывшему царю и предлагал отречься от престола, а потом этот же бритый приехал к нам сюда и стал поучать нас, как строить Россию—единую, неделимую и монархическую, так я скажу: „какое же он имел на это право?... Господа, не есть ли это болезненный нарост на организме нашей России?... Господа члены высокого собрания... Вы не желаете, чтобы снова построить тюрьму народу и называть ее красивым именем „единая, неделимая Россия"... Мы должны себе обеспечить такую позицию, которая в решительную бы минуту дала возможность правительству от имени Кубани сказать: „Я так не желаю"... Кубанский народ должен выполнить свою программу... Кому не угодно эти принципы осуществлять, то мы можем и сами как-нибудь бороться, с клюкой под забором будем итти и добиваться своего" (аплодисменты)"[4]. Макаренко был прав, когда в своей речи заявил, что это „ясно, просто и вразумительно". Он делал из всего сказанного практический вывод для осуще-

---

[1] КОАБ. Стен. отчет Рады, в. 2, стр. 290—293.
[2] Стен. отч., вып. 3, т. III, стр. 376—377, 374.
[3] Архив Русской революции, т. V, 1922 г., стр. 258.
[4] Стен. отч., вып. 3, стр. 362—363—365.

ствления программы минимум—„давать власть над войсками не выбранному лицу—ненормально. Так не годится".

Чем вам не парламентская речь с обращением „к высокому собранию" и пр. Только это все же был парламент... областного калибра и кулацко-станичного кругозора. Ему, конечно, было не под силу бороться с последышами дворянства и представителями крупной российской буржуазии, воспитанных на „имперском масштабе"[1].

Представитель Добровольческой армии генерал Лукомский после заключительного слова Быча заявил: т. к. основы государственного строительства по предложению докладчика расходятся с задачами Добрармии, то ее представители „от голосования... принуждены будут воздержаться". Резолюция Быча была Радой принята в основу, после чего Лукомский выступил по поручению Деникина... „Принятие резолюции относительно конструирования государственной власти чревато самыми серьезными последствиями... Главнокомандующий Добрармией отзывает нас из Краевой Рады, считая, что в дальнейшем он не может быть связан решениями Рады („Браво",—аплодисменты)"[2].

Произошел открытый разрыв. Уже тогда ген. Покровский и Шкуро начали подготавливать будущую расправу с вождями Рады. Первый бросил по адресу ее в ст. Кущевской —„Собралась кучка безумных людей и вздумала отобрать землю. Этого никогда не будет". Самостийники продолжали твердить по земельному вопросу свою программу 1917 г., по которой частновладельческая отчуждалась. Но Рада, в отношениях с Деникиным, начала отступать после того, как отзвучали речи в „парламенте". Известную роль в деле отсрочки сыграл приезд как раз в это время союзнической миссии. Хозяин был ближе к Деникину и

[1] Кубанский парламент имел и штатных „образованных людей", которые блюли интересы „общества культурного". Так, Ф. Щербина внес следующую декларацию, осуждавшую „некорректное" поведение в зданин „высокого собрания": „Принимая во внимание, что на пленарном заседании Кубанской Краевой Рады 1 декабря членом Рады, полковником Чекаловым.... с выкриками, без юридических обоснований, путем следствия и суда, под видом критики нанесено было тяжкое оскорбление пред. Кр. Пр. Бычу, а вместе с ним и всему Краевому правительству, необходимо, в ограждение положения и достоинства избранных Краевой Радой... и в интересах установления правил парламентской этики (!), не допускающей грубых и недостойных заседаний... подвергнуть полк. Чекалова исключению на 15 заседаний, но ввиду неблаговоспитанности, некультурности и явного непонимания совершенного им незакономерного деяния, надлежит исключить полковника Чекалова только на пять дней, выразив Бычу, как главе всего Краевого правительства, глубокое сожаление в допущенном тяжелом оскорблении. (Ств. отч., в. VII, стр. 962). Этот благовоспитанно-культурническо-наставленнический тон, потуги на „парламентскую этику", стремление делать „как в больших домах"—капля, в которой отразилась провинциальная, узко-местная суть кулацкой контр-революции. И „профессора"-то у нее были соответствующие!

[2] Там же стр. 412.

это сдерживало. А затем,—Кубань ведь еще не была вся очищена. 11 Советская армия, занимая юго-восточный угол области, проявляла тенденцию к наступлению.

Нужно также констатировать, что внутри казачьей контрреволюции не было полного единства. Генеральско-офицерско-дворянская верхушка и буржуазно-кулацко-офицерско-интеллигентская группа не были однородным и монолитным лагерем. Не совсем четко, но в общем политически верно Деникин так характеризует эти два крыла: „Действенная казачья интеллигенция делилась на социалистов и либералов; почти не были представлены консерваторы. Сообразно территориальному и генеалогическому происхождению существовало деление на Черноморцев и Линейцев, совпадавшее с большим отличием политических отличий обеих групп... Слово „Черноморец" стало синонимом украйнофила, социалиста, сепаратиста; „Линеец"—синоним либерала, русского централиста или автономиста"[1]. Еще в мае, в изгнании, среди самостийников шла борьба. Офицерство во главе с атаманом Филимоновым даже хотело расправиться самосудом с Радой. Но дело тогда до этого не дошло—вождям Добровольчии было политически невыгодно лишаться демократии. Осенью борьба этих течений продолжалась, но левое, кулацкое в Раде преобладало. Ее представители Быч, Рябовол и др.—были связаны с Черноморскими отделами, место которых в социальной географии Кубани нами отмечено выше.

На ноябрьских заседаниях эти два течения все-таки выявили свое лицо по вопросу об отношении к Добровольческой армии и при выборе атамана. Дело дошло даже до того, что секретарь Рады Новосельцев, редактор газеты „Слово кубанца" в связи с борьбой вокруг атаманского поста между двумя крыльями поместил передовую, в которой красовалось: „В Раде выплыл вопрос о двух ориентациях... Одна из них за единую и великую Россию, другая—за самостийную Украину. Первое политическое течение опирается на союзников... Другое течение, немецко-большевистское... Вот что таит в себе так наз. „самостийничество" нашего правительства, которого со слов некоторых членов Рады будто бы придерживается и председатель" [2]. Выступавший с протестом против этой статьи, один из лидеров „левых", Макаренко „готов был плакать от такого оскорбления". Но он случайно в пылу негодования обронил пророческую фразу: „Я, господа члены Рады, уже близок к концу". Офицерское крыло, несомненно, пустило статью с ведома добровольцев, которые уже тогда подготавливали общественное мнение к расправе с вождями „украинцев—федералистов". Для нас важно подчеркнуть,

[1] Очер. Русской смуты, т. 3, стр. 203.
[2] Стенотчет, вып. 7, стр. 1054.

что все же преобладающим политическим течением в Кубанской контр-революции до конца было последнее—это лишний раз подтверждает большую социальную силу местного кулачества по сравнению с дворянско-служилым элементом и большую связь низового офицерства с первым.

Раздираемые внутренними противоречиями казачьи самостийники хотя после Рады и сбавили тон, но было совершенно ясно, что борьба будет развертываться и дальше. В конце 1918 г. и в первой половине 1919 г. оба противника еще не чувствовали себя достаточно окрепшими, чтобы вступить в открытый бой. Деникин только выходил из границ Северного Кавказа на простор российских полей и ему было опасно сильно осложнять дело с кубанским казачеством.

Но подготовка велась. Деникинцам через атамана Филимонова и генеральско-казачьи верхи удалось составить правительство Сушкова—централиста, против которого черноморцы вели борьбу. Оппозиции удалось добиться отставки Сушкова и 5 мая было создано менее зависимое от Добрармии правительство Курчанского. Последнее взяло крен налево и его политика приблизила разрыв. Попытка разрешить земельный вопрос в духе решения Рады—с ущемлением крупного землевладения раздражала кубанское дворянство, стремление наложить свою руку на вывоз за пределы области товаров только обостряло отношения с российской белогвардейщиной.

К лету 1919 г. Деникин, одержав решительную победу на Сев. Кавказе, выкатывался за пределы Предкавказья. С другой стороны, непосредственная угроза большевизма отодвигалась от границ Кубани. Эти условия создавали об'ективную основу для перехода к более решительным действиям с обеих сторон.

Черноморцы были главными застрельщиками в деле создания „Южно-русского союза“ из казачьих областей, что дало бы им более твердую опору для осуществления своей сепаратистской политики в родном крае. В „Вольной Кубани“ от 30 августа (ст. ст.) появилась „программа и тактика Кубанской об'единенной группы федералистов—республиканцев“, в которой признавалось „безусловно необходимым вести энергичную борьбу со стремлением слуг царского режима помещиков и капиталистов установить диктаторскую власть в освобожденных от большевиков местностях России“ [1].

Правительсто Курчанского предпринимает шаги к реализации идеи союза, который решительно противоречил планам Деникина. В Ростове собралась южно-русская конференция казачества, на которой один из вождей кубанцев, Рябовол, выступал с зажигательными речами против Добрармии, вскрывая ее анти-федера-

[1] Ж. „Путь коммунизма“. Краснодар, январь 1922 г. № 1, стр. 147—149.

листскую политику. Было решено, что час расправы пришел и Рябовол на улице Ростова был убит агентом; подосланным контр-разведкой[1]. Деникин перешел от слов к делу. Он готовил разгром всей верхуши Рады, ища только повода к этому. Через Филимонова и правое крыло в правительстве удалось в сентябре добиться срыва попыток „создания особой Кубанской армии", к чему в ноябре призывал Макаренко. По словам Деникина, само правительство вынесло решение против, ибо—„армия окажется орудием в руках самостийников и крайних федералистов".

Осенняя сессия Краевой Рады, протестуя против убийства Рябовола, оставила пост председателя открытым, избрав заместителем „неистового" Макаренко, который на одном из собраний у дружественной Донской державы в Новочеркасске заявил: „на Кубани нет ни одного порядочного генерала". Поведение Рады дало повод Деникину поскорее перейти к разгрому. Покровский доказывал,—„что он знает хорошо кубанских казаков и убежден, что путем репрессивных мероприятий можно легко установить на Кубани полный порядок и спокойствие"[2]. Эти репрессии последовали.

Была отправлена Филимонову директива о предании военно-полевому суду четырех вождей черноморцев за то, что они добивались во Франции (куда ездила делегация от Рады) признания отделения Кубани от России и заключили с меджелисом горских республик, боровшимся с Деникиным, соглашение. Рада отказалась выполнить эту директиву, Филимонов в телеграмме тоже протестовал: „Мы относимся к этому акту с осуждением". Выполнение распоряжения поручается Покровскому, который проделал все быстро. Калабухов был повешен „за измену родине и казачеству", остальные высланы за границу.

Как полагается по штату всякому парламенту, Рада после этого повела себя капитулянтски—даже согласилась изменить конституцию, по которой теперь ликвидировалась законодательная Рада[3]. Филимонов за протесты был смещен. Оппозиция сверху была сломлена старыми испытанными методами российских помещиков. В руководстве белым движением „первая скрипка" показала свою гегемонию до конца.

Нельзя думать, что это борьба верхов не затрагивала низы. Она была органическим следствием именно разной социальной сущности двух потоков контр-революции. Борьба Рады отражала

[1] Подробно об этом см. Иван Калинин „Русская Вандея"; поведение Рады в связи с убийством Рябовола освещено в воспоминании Л. Федоренко „Организ. контр-рев. на Кубани и Куб. Краев. Рада" КОАБ. Фонд. восп. Дело № 16, л.л. 25, 26.

[2] „Архив русской революции". Т. V, стр. 325.

[3] См. об этом в воспоминании Л. Федоренко. КОАБ Ф. восп. Д, № 16 л. л. 30, 31.

настроение кулацко-зажиточного сектора кубанского казачества, который весьма остро реагировал на все перипетии борьбы, ибо кулачество вовсе не желало связывать свою судьбу с помещиками. Насколько сильны были на Кубани самостийные тенденции, демонстрирует то, что даже лойяльнейший атаман Филимонов выделял казачество, как особый народ. Он в телеграмме Деникину писал: „Приказ о предании... военно-полевому суду является нарушением прав Кубанской краевой власти и глубоко оскорбляет правосознание кубанского народа и не может не отразиться на настроении народа"...[1] Этот линеец пытался теоретически обосновать особую роль казачества в истории России, повторяя, на свой манер, кое-кого из присяжных историков: „Гений русского народа всегда тянулся на юг, а не на север, потому Петровская реформа историческая ошибка. Казаки чисто русские люди, наиболее сильные в физическом и моральном отношении, с наибольшей энергией и предприимчивостью". Это — авангард колониальных устремлений, а не „орудие", а поэтому он имеет право на особые привилегии. Этот представитель линейцев, „либералов", великоруссов дал следующий ответ Деникину: „Мы сами давно знаем себе цену. Нам надоело быть молодцами. Мы хотим быть гражданами"[2]. Деникин показал им, какими они станут гражданами в случае победы контр-революции.

Но вождь белогвардейщины сам вынужден был потом признать, что его борьба с Радой сыграла „роковую роль в истории южно-русского движения". Разгром Рады чрезвычайно ускорил развал кубанских частей, не желавших воевать на стороне. Еще до этого акта Щербина получал письма с фронта от казаков: „Теперь уже не поймешь, с кем и за что мы проливаем кровь, раньше мы хоть большевиков били, а теперь своих же братьев, хлеборобов. Обманули нас наши генералы"[3]. Нежелание воевать особенно сильно было как раз в кулацко-черноморских отделах, где происходит беспрерывная „буза". Туда посылались карательные экспедиции.

Противоречивое положение казацкого кулачества не могло вызвать бурных форм возмущения. Основной формой протеста был массовый рост дезертирства. Конечно, дезертирство свидетельствовало о сильнейших колебаниях тех середняков, которые пошли за контр-революцией, а теперь разочаровывались в ней. В рапорте командира Кубанской запасной конной сотни атаману Лабинского отдела от 19-го августа сообщалось: „Доношу, что после роспуска казаков Кубанского полкового округа на летние полевые работы до особого распоряжения, в связи с отсутствием рабочих рук на Кубани, и срочного вызова

[1] „Архив русской революции". Т. V, стр. 359.
[2] Там же стр. 323-324.
[3] Г. Покровский. Деникинщина, стр. 212.

их вновь, мне стало особенно заметно уклонение от службы и неявка многих казаков в запасную сотню, несмотря на принимаемые меры вызова через атаманов станиц под командой старшего, посылку летучих отрядов по станицам, поимку и арест уклоняющихся с отправлением их в отдел для предания военно-полевому суду)[1]. Писавший рапорт об'яснял это не только „скрытой хитрой агитацией" против офицеров, но и разлагающим влиянием отряда Шкуро, занимавшегося грабежами, благодаря чему, к Шкуро бежали казаки из остальных частей „для легкой наживы". Если мы сопоставим это свидетельство с положением в кубанских частях на фронте, то картина беспрерывно нараставшего развала их и роста соответствующих настроений в станицах будет ясна. Учащались случаи отказа кубанских частей от выполнения приказов; напр., на Украине 9 пластунский батальон (Таманский) отказался выполнить приказ, бросил фронт и самовольно двинулся на Кубань. „Его представители заявили, что до получения приказа от Рады, мы драться не будем. Переброшенный на Царицынский фронт батальон в пути дал 50% дезертиров"— сообщает Деникин. Очень показательны следующие цифры: в конце 1918 г., по данным Деникина, кубанцы составляли— 68,75% всех его сил, весной 1919 г.—около 40%, в конце лета 1919 г.—около 15% и в начале 1920 г. около 10%. Живший в станицах Черноморских отделов во время добровольческого господства В. Евреинов писал: „Год тому назад, во времена первого похода ген. Корнилова, та же стан. Брюховецкая выставила на фронт свыше 500 бойцов (немного преувеличивал, *Н. Л.*). Теперь в станицах вопрос о борьбе с большевиками был уже решен окончательно и бесповоротно, решен без митингов, без речей... В станицах бороться с большевиками не хотели"[2]. В конце 1919 г. дезертирство стало перерастать в массовое зеленое движение против белогвардейщины. Особенно бурно оно развернулось в Таманском отделе. Деникин вынужден был послать против него две Донские дивизии с аэропланами.

В результате, когда помещичье-буржуазная контр-революция была разбита и откатилась с полей Украины и Великороссии к Сев. Кавказу, Красная армия не встретила на Кубани сопротивления со стороны казачества. С белыми, из области, ушло, по данным нашей разведки, 5—6 тысяч человек. Кулачество от

---

[1] КОАБ. Папка документов из быв. Кубанского Войскового Музея. Копия рапорта командира Куб. Зап. Кон. сотни от 19 августа 1919 года № 1 атаману Лабинского отдела. В рапорте приведено много фактов, характеризующих узаконение системы грабежа в отряде Шкуро, чем бравый генерал привлекал в свой отряд соответствующий элемент. Тон всего рапорта по отношению к Шкуро свидетельствует о том, что Кубанское войсковое правительство усиленно готовилось тогда к борьбе с Деникиным и собирало материал против Шкуро, поддерживавшего главнокомандующего, а не Раду.

[2] Цит. по Д. Кину „Деникинщина", стр. 235.

помещиков качнулось влево и в ряде мест поддерживало лозунг, брошенный в это время подпольным С.-К. комитетом компартии: „Мир с большевиками, война с Деникиным". Офицер Савва Кротов, из Рады, вступил в связь с комитетом и приступил в ст. ст. Полтавской, Таманской, Славянской к формированию отрядов из дезертиров для борьбы с Деникиным. Он же накануне падения Краснодара убедил Раду приступить к заключению мира с большевиками. Она запоздала... Красные успели и без этого союзника занять столицу Кубани [1]. Но группа членов этого парламента перешла к красным. Нужно отметить, что настроение масс и в это время было левее вождей. В „Вольной Кубани" встречается такая корреспонденция из Тамани: „Не пострадавшее от большевиков, не узнав всей горечи его режима, население Таманского отдела смотрит на большевиков, как на заступников за родных. При чем в ходу... такие мотивы: „Они большевики) за народ, они панам ноги ломают, достояние их (народу раздают". Очагами большевизма и главными распространителями их заразы являются станицы Крымская, Славянская, Гладковская, Гостогаевская, в значительной степени Старо-Титовская и гор. Темрюк и Тамань... Оссбенно Тамань... Дезертирство процветает во-всю. С дезертирами не борются и не выдают. В юрте ст. Варенниковской дезертиры организовались чуть ли не в отряды и, руководимые заведомыми большевиками и бандитами, стали накапливаться".

Когда в январе 1920 г. Деникиным была об'явлена мобилизация, то на призыв штаба красно-зеленых отрядов в ст. Ставропольской явилось до 30 казаков. Кроме смешанного иногородне-казачьего красно-зеленого движения имелись и чисто казачьи зеленые, возглавлявшиеся членами Рады Пилюком и Савицким. В ноябре 1919 г. эти отряды выступали под лозунгом: „Долой Деникина, долой большевиков, да здравствует Кубанская казачья Рада". Но в декабре, в результате появления карательного отряда, повстанцы казаки еще полевели и заставили своих командиров снять погоны и по требовали, чтобы командование отказалось от борьбы с большевиками. Пилюк сдал в марте 1920 г. свой отряд в ст. Шабановской в количестве 300 сабель красно-зеленым и сам принял участие в борьбе против Деникина, но не до конца пошел в ногу с советами. Его фигура очень типична для поведения кулацкой самостийной верхушки, метавшейся между молотом и наковальней в 1920 г. и в итоге все-таки боровшейся до конца с советами [2].

---

[1] КОАБ. Фонд восп. Дело № 15. Восп. В. Черного, л. л. 129, 130, 89.

[2] КОАБ. Фонд восп. Дело № 15. Восп. В. Черного, л. л. 123—126. Здесь приведено интересное сообщение о связи С.-К комитета партии с ген. Болховитиновым, работавшим в Деникинском штабе. Об отряде Пилюка имеется справка у Федоренко. Дело № 16, л. 67.

Конечной попыткой привлечения на свою сторону казаков и стремления опереться на них, был Врангелевский десант, под командованием ген. Улагая, в ст. Приморско-Ахтарской в августе 1920 г. Последыш южной контр-революции строил успех этой авантюры исключительно в расчете на восстание казачьих станиц против советской власти. Он хотел вызвать повторение опыта лета 1918 г. Но колесо истории не возвращается назад.

Верхи станицы, „обученные" трагически закончившимся недавно союзом с помещиками, возвращаться к нему не имели никакого желания. С другой стороны, и сословный момент в то время уже не смог сыграть роли мобилизующего фактора в рядах середнячества. Улагай потерпел поражение прежде всего потому, что кубанский казак восстания не хотел. Это не отрицали потом руководители десанта. Больше того. Ряд старых деятелей Рады—Очередко, Пилюк, Савицкий и др. в этот момент вышли из подполья и предложили свою помощь советской власти против Улагая. Но расщепление кубанской контр-революции на две части знаменовалось и здесь: быв. атаман Филимонов активно содействовал десанту — он был намечен Врангелем помощником по гражданской части будущего губернатора ген. Улагая.

Приведем несколько фактов, характеризующих настроение казачества в станицах. „Самое скверное, по общему мнению, заключается „в подвохе" населения... Бесспорно, престиж наш надолго сведен почти к нулю"—писал в составленной по дневникам участников „Крымской эпопеи" Валентинов. „Население все попряталось. Только бабы выбегали из дворов за лошадьми... В Таманской жители очень были недовольны, что наши войска помешали... выдаче мануфактуры по 4 аршина на душу за 120 руб. Бабы не стеснялись, говорили: „Те хоть за плату мануфактуру доставили, а вы что привезли"?.. Даже фурманки вывозили к озерам и топили их в воде на время нашего пребывания. Скот и лошадей спасали от разграбления, угоняя их в плавни и камыши". Кубанский полковник Винников отмечал, что станицы с населением в 30.000 давали по 120—150 ч. (по мобилизации), и то лишь в период успеха в десантах. При отступлении уклонялись и эти—„так, в Стеблиевской из 48 мобилизованных при отступлении явился лишь один" [1].

У Раковского в книге „Конец белых" приводятся факты „решительного поведения" высадившихся помещиков. Ген. Черепов, собрав население одной станицы, довел до его сведения: „Ну, кончились все ваши круги и рады и выборные атаманы. Довольно уже накружились и нарадовались. Пора и твердую власть показать". В ст. Таманской военным комендантом был назначен полк. Крыжановский, земельный собственник Таманского

[1] Архив русской революции. Т. V, стр. 47—49.

отдела. Размахивая листком бумаги, на котором был напечатан закон Врангеля о земле, он начал кричать: „Вот здесь все написано; вот я вам покажу, где и чья земля"... Проходя мимо здания станичного правления, он встретил старика, „который не отдал ему чести, и приказал выпороть его".

В связи с десантом, вместо антисоветского повстанческого движения, развернулось, наоборот, „анти-врангелевское" движение. В станицах стали образовываться отряды самообороны из добровольцев. Ядром их явились бойцы Красной Таманской армии, к которым присоединялись участники зеленого движения. Были случаи вооруженного отпора со стороны этих отрядов белым. В ст. Петровской „самооборона" не впустила отряд врангелевцев в 300 чел. с пулеметом, отразив его попытки завладеть станицей. Штабом укрепленного Краснодарского района в течение недели было принято 6.000 добровольцев. И это были не только иногородние, но и казаки.

Для того, чтобы исчерпать характеристику участия кубанской контр-революции в гражданской войне, нам остается остановиться еще на зелено-бандитском движении „в камышах" (в 1920—22 г.г.), которое, питаясь кулачеством, является как бы завершающим звеном и последним всплеском самостийной казачьей контр-революции. „Мир с большевиками против Деникина"—вовсе не означал союза с ними и стирания сущности своей антисоветской физиономии даже со стороны тех представителей кулачества, которые в момент врангелевского десанта выступили открыто против него. Для кулацких масс в целом очень характерна в этот момент позиция нейтралитета, на которой они стремились удержать и середняцкое казачество, не говоря уже о зеленом движении. Прежде всего, о непосредственных причинах, породивших это бело-зеленое и повстанческое движение в 1920 г. Являясь приемником зеленых времени господства деникинщины, оно в то же время в 1920 г. стало расти уже на новой основе, связанной с приходом советской власти. Кубанский кулак тем и замечателен, что он одинаково упорно стремился отстаивать свою самостийность как от помещиков, так и от большевиков, хотя исторически, имея в виду и казачье-сословные традиции, он за время гражданской войны теснее связал свою судьбу с Деникиным. Охвостье последнего сказалось в том, что наиболее крупное повстанческое об'единение „Армия возрождения России" (3.025 шт. и 2.400 сабель), возникшее в середине лета 1920 г., руководилось белогвардейцем Фостиковым и группой деникинских офицеров. Очень показательна политическая программа „Армии возрождения". В ней имелись требования Учредительного собрания „из выборных от народа", передачи земли народу —„помещики не будут владеть землей", уничтожение сословий, установление народовластия на местах, путем созыва на-

родных собраний в каждой губернии „до освобождения всей России“ и т. д. Как видим, слово „народ“ фигурирует почти в каждом пункте. О чем свидетельствует выставление такой демократической программы охвостьем Деникина? О том, что этим маневром оно хотело привлечь на свою сторону казачество с его симпатиями к Раде, не изменяя этим, конечно, своей белогвардейской сущности. Тот факт, что они пошли на эту программу, показывает, что иначе нельзя было в условиях 1920 г. потянуть за собой даже кулацко-зажиточную часть станицы.

Военные операции повстанческой армии показали: если вожди занялись политической мимикрией, то массы повстанцев действительно думали, что они их ведут под знаменем, которое серьезно исповедуют. Голубов в своем исследовании о Врангелевском десанте правильно указывает, что Фостиков не спешил соединяться с Улагаем из Лабинского и Майкопского отделов, потому что боялся разложения армии от соприкосновения с Врангелевской белогвардейщиной, с ее генералами вроде Черепова. На деле оказалось, что эта армия и без крымцев не способна была серьезно драться с красными. В сентябре без сильных боев она отступила в Сочинский район и в своей большей части распылилась. Кадр же, через Грузию, перебрался в Крым.

Но более характерным для повстанческого движения этого периода является поведение небольших отрядов, оперировавших в районах высадки десанта, в приморской части Кубано-Черноморья. Как раз на эти недели падает пассивность в действиях отрядов, отсутствие, как правило, с их стороны поддержки Улагаю[1]. Кулак был враждебен Врангелю. Но он не хотел примиряться с красными.

На какой же основе выросло это повстанческое движение? На почве использования кулаком недовольства зажиточных слоев станицы и подозрительности середняков, боявшихся мести от красных. Наша экономическая политика до момента оформления нэпа несколько ущемляла определенную часть казачества, его недовольство ею (продовольственным и торговым моментом в особенности), помноженное на отмеченную подозрительность (а кое-где и действительные попытки расправы со стороны вернувшихся иногородних) и дали возможность кулачеству и офицерству организовывать банды в камышах. То явление, что дольше всего именно на Кубани поддерживалось зелено-бандитское движение в камышах, только показывает нам особенную мощь кубанского кулачества по сравнению с другими казачьими областями.

Таков путь Кубани в годы гражданской войны. Мы снова повторяем,—из него совсем не следует, что историческое значе-

[1] Голубов. „Врангелевский десант на Кубани“, стр. 138.

ние Кубани может быть сведено исключительно к роли основной базы белогвардейщины. Местная контр-революция, если даже взять правую часть—линейцев, не говоря уже о черноморцах, никогда целиком во всем не сливалась со всероссийской. Она в своем главном потоке пыталась итти особым самостийным путем. Этот путь—нечто среднее между деникинцами и большевиками—питался казачьими традициями, по существу уже потерявщими свое значение для бедняцко-середняцких масс и даже больше—являвшихся обузой и путами для них. Традиции особенно подогревались офицерством и интеллигенцией, ибо эти слои были организаторами и идейными выразителями кулачества. Последнее—казачье и иногороднее, было главной классовой основой и опорой антисоветского движения на Кубани. Местная дворянско-чиновная верхушка кое-что привносила свое, но и она здесь больше чем в каком-либо другом месте была политически связана с кулачеством и станичной буржуазией и поэтому не могла перекрасить „основное" в другой цвет ни на одном этапе борьбы. Моментом, облегчавшим этим социальным силам вести за собой массы казачества в определенные периоды. гражданской войны (но не во все время), была сословная рознь. Тот, кто не понимает классовой основы сословной агитации кулачества, тот рискует ничего не понять в ходе революции и гражданской войны на Кубани.

Сословные противоречия так сильно проявлялись в определенные моменты именно потому, что они служили внешним покровом классовой борьбы. Во все критические и решающие моменты борьбы (напр., лето 1918 г.) эта рознь специально подогревалась и на удочку ее попадалось середнячество, потом расплачивавшееся за это.

Но почему удавалось ловить на эту удочку широкие казачьи массы? Ведь одна бешеная агитация, если ее содержание не имеет каких-то об'ективных корней, не может давать такой эффект, который временами получался среди „самобытного казачества"? Конечно, нет. Такой корень был — это неизжитые до войны сословные пережитки и предрассудки, специально культивировавшиеся политикой самодержавия, для сохранения казачества, как военно-полицейской силы. Последнее еще опутывалось ими, когда вступило в революцию, хотя для бедняцко-середняцких масс сохранение сословных привилегий уже не вытекало из их основных классовых интересов, как социальных групп, расслоенной капитализмом, станицы. Для того, чтобы сословные пережитки и предрассудки были сброшены в мусорную яму истории, необходимо было казачеству пройти через полосу обнажившихся классовых противоречий и ожесточенной массовой классовой борьбы. Без этого, к сожалению, носителем этих предрассудков был казак середняк. Аграрный вопрос и угроза перераспределения земли

для надела ею иногородних, были тем жупелом, которым верхи запугивали рядовое казачество. Ведь подумайте, сейчас у иногородних земли нет, а если мы их станем наделять ею, то откуда возьмем ее? Из вашего казачьего войскового фонда. Следовательно, ваш фонд уменьшится, а значит и вам будет хуже. Так убеждала верхушка казачество при мобилизации на борьбу за исконные права. Только ли жупелом для середняков была угроза перераспределения земли и уничтожения войскового фонда?— спросят нас. Ведь от аренды этого фонда все казачество в лице общин получало большие суммы и таким образом имело реальные экономические выгоды от владения этих фондов. Мы думаем, что уже к войне 1914 г. большая часть казачьих масс, в результате расслоения, от этого фонда очень мало получала. Деньги от аренды, шедшие в станичные общества, в основном использовались, конечно, станичной верхушкой. Сдача в аренду войсковой земли была тем дополнительным экономическим преимуществом мощной группы из казаков, которое она использовала, как средство для укрепления своего классового положения и для своего экономического роста. И по этой линии привилегия, определявшаяся сословностью, попала уже на службу классовой группировке, созданной развитием капиталистических отношений. Правильность нашего рассуждения подтверждают цифры о расслоении казаков и иногородних, которые приводились в первой главе. Было бы очень интересно и важно исследовать по станицам движение сумм, получавшихся от сдачи в аренду войсковой земли между 1905 и 1917 г. и использование этих сумм— распределение их. Тогда бы наше утверждение об „особой причастности" кулачества к этому источнику дохода могло быть подтверждено прямым цифровым статистическим материалом.

Верхушка понимала, конечно, что этот пресловутый фонд вовсе не являлся достоянием на деле всех казаков. Войсковая собственность была очень удобной ширмой для прибирания к рукам посевной площади кулацко-зажиточным сектором. Именно отсюда вырос классово-сословный лозунг самостийников во время революции — сохранить неприкосновенность самобытной казачьей общины. Особенность в развитии казацкого кулачества до революции заключается и в том, что ему было выгоднее „расти и размножаться" не через крепкого мужичка, отрубщика, а через использование в своих классовых интересах казачьего земельного фонда, сберегаемого „самобытностью". Поэтому то оно использовывало сословную рознь и как „удочку", на которую ловились беднота и середняки и как метод для сохранения благоприятных условий по эксплоатации своих „собратьев" и их классовых товарищей из иногородних. Правильность этой мысли доказывается социально-политической географией Кубани во время революции. Сословные антагонизмы наиболее сильны были

в тех отделах (равнинная часть Черномории), где больше всего развито кулачество, хотя иногородних там было меньше, чем в Закубаньи.

Таким образом, сбрасывать значение сословного момента в деле уяснения хода развития революции и контр-революции на Кубани весьма опасно—без него не может быть понята до конца подлинно-центральная роль кулачества в местной контр-революции и особо активное участие в ней офицерско-интеллигентских слоев. Эта роль, при игнорировании сословного момента, может быть скрыта и затушевана под покровом сословных противоречий между казачеством и иногородними вообще. Получится, что главной фигурой, боровшейся за сословные привилегии явится казак середняк. Если мы в данном аспекте сравним кубанское кулачество со ставропольским, то скажем, что оно было здесь сильнее в смысле влияния на массы, с одной стороны, и консервативнее, несмотря на все побрякушки самостийного демократизма с точки зрения „капиталистического прогресса", с другой стороны. Именно потому, что оно цеплялось за сохранение сословных привилегий казачества и возможности по существу хищнической колониальной эксплоатации батрацко-бедняцко-середняцких масс из иногородних. Факт же, что больше всего о самобытности толковало кулачество.

У нас часто обходят значение национального момента на Кубани, а между тем и он являлся одной из причин действенности „демократической контр-революции", ее упорства в борьбе с Деникиным и одним из факторов, помогавшим кулачеству брать под свое влияние рядовое казачество. Украинско-запорожский шовинизм был дополнительным, но очень важным средством. Великодержавность и третирование не русского со стороны Доброволии вызывали, вполне естественно, более сильную реакцию на Кубани, чем, например, на Дону. Национальный момент был существенным камнем на чашке весов при „мобилизации" казачества против русских белогвардейцев. Мы здесь должны снова подчеркнуть роль Черномории, как очага самостийности (в ее станицах жили потомки запорожцев) для подтверждения своей мысли. Этот же национальный шовинизм помогал самостийникам и при возбуждении масс против „москалей-большевиков" и иногородних.

А между тем приходится констатировать, к сожалению, что большевики в процессе революции и гражданской войны на Кубани национальный вопрос как-то обходили; получалось, что как-будто бы они отдавали его на „откуп" Раде, которая и пользовалась этим. Данный „недосмотр" приносил большой минус советам и политический плюс для „демократов", идеологов кулачества.

Насколько наше утверждение серьезно, свидетельствуют такие факты. Когда в 1925 г. на Кубани впервые серьезно заговорили об украинизации, то в ст. Пашковской один хлебороб сказал производившим обследование товарищам: „Были люди, которые работали над украинизацией, но за это положили головы. Теперь вы опять хотите на это направить. Если бы это можно было делать, то центр бы об этом сказал. Если бы это предписали сверху—мы охотно бы пошли на украинизацию. Но мы знаем, что за украинизацию в свое время было расстреляно 15 чел.". Другой казак заявил: „что это удочка, ибо если мы начнем говорить об украинизации, то нас сейчас же обвинят в самостийности и начнут преследовать". Наконец, не менее характерный штрих: в хут. Казачье - Малеванном, Кореновского района тогда же хлеборобы вынесли постановление перевести работу сельсовета на украинский язык и даже переменили вывески. вместо „стансовет"— „станрада". Когда предрайисполкома Мирошниченко одобрил это, хлеборобы заявили, что они очень рады, ибо видят, что их действительно не притесняют[1].

Приведенное доказывает, что самостийники действительно наживали большой политический капитал на нацвопросе. Их традиции казаки не забыли и сочли своим долгом напомнить об этом, когда с запозданием мы заговорили об украинизации. А не пострадаем ли мы за это, как пострадали деятели Рады? Несомненно национальный вопрос был очень существенным орудием, укреплявшим влияние кулачества, особенно, если принять во внимание прохладное отношение к нему большевиков. Это же не единичный случай, а отражение определенного, уже начинавшего укореняться взгляда, когда даже в 1925 г. один партиец на вопрос—есть ли украинцы в районе, ответил: „украинцев нет, есть только хохлы".

Итак и помещик, и капиталист, и генерал не могут претендовать на роль основной фигуры Кубанской контр-революции. Ею был кулак, вышедший в большинстве из его рядов казачий офицер и тесно связанный с ним интеллигент, прикрывавший свою службу кулацким классовым интересам романтической дымкой древней казачьей вольности. Эта „триединая" социальная сила сбросить „у себя" советскую власть была не в силах без руководящего и непосредственного участия помещичье-буржуазной белогвардейщины, ибо резервы революции на Кубани являлись более мощными — подавляющее большинство иногородних (без кулаков) и казачья беднота, как союзники пролетариата. Середняк колебался и борьба за него составляла основное содержание развития внутристаничной классовой борьбы.

---

[1] Факты взяты из доклада по нацвопросу на Кубани на 2-й окружной партконференции 18—23 ноября 1925 г. Стен. отчет. Бюллетень № 2. Стр. 23.

В конце лета 1918 г., увлекаемый разожженной кулачеством сословной рознью, середняк пошел за антисоветскими силами. Злую шутку сыграла с ним контр-революция. Вовлеченный в своей большей части в гражданскую войну, он таскал орехи из огня не для себя. Приходится констатировать, что точно так же, как казачество проклинало потом самодержавие, стремившееся использовать его в качестве „опричников" против своего классового брата мужика, так оно должно было отбросить „всякую благодарность" и местной контр-революции, противопоставившей казака середняка рабочему классу и крестьянству. Середняк и часть бедноты воевали под ширмой борьбы за казачьи традиции за своих классовых врагов.

Наконец, еще одна особенность: Кубань меньше была потрепана гражданской войной по сравнению с другими областями и губерниями, несмотря на то, что почва Кубани в 1918—20 г.г. все время клокотала. Именно особая линия самостийной контр-революции, развернувшейся здесь сильнее чем в других казачьих войсках, дала возможность больше сохранить на Кубани и экономических ресурсов и социальной опоры ее. Показателем этого является хотя бы тот факт, что в эмиграцию кубанского казачества уехало гораздо меньше, чем донского. Этот момент несомненно нашел свое отражение в большем развитии здесь бандитского движения в 1920 г.,—сохранилось больше живой силы и экономической мощи. Он же должен быть нами учтен при анализе последующего развития классовой борьбы в кубанской ст-це вплоть до весны 1930 г.

ГЛАВА III.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
(1920 г.—осень 1924 г.).

1. Соотношение классовых сил в итоге гражданской войны и основные этапы борьбы с кулачеством.

Какой итоговый баланс своего участия в гражданской войне могло подвести кулачество, вступая в историю советской Кубани периода нэпа? Прежде всего, хотя оно и потерпело политическое поражение в борьбе со своим временным союзником—помещиком (разгром Рады Добрармией) и часть его в результате этого доходила даже в конце 1919 г. до принятия лозунга „Мир с большевиками, против Деникина", но именно этот момент сохранял кулачеству политический капитал в отношении своего влияния на определенные массы казачества. Убийство, казнь и высылка за границу вождей Рады, хотя последняя и не смогла дать решительного отпора этим репрессиям, а повела себя очень трусливо, как и полагается по штату „парламенту", все же проделывались под знаменем вытравливания в казачестве „вольностей" и нежелания воевать до конца за единую, неделимую, т. е. помещичье-крупно-буржуазную Россию. Этот момент, как никак, а делал политических вождей кулачества мучениками в борьбе „за казачьи интересы" и помогал, таким образом, продолжать прикрывать перед глазами масс классовый смысл того пристрастия к сословным привилегиям, которое так рьяно проявляло кулачество. Приведенный выше факт отказа Пластунского батальона выполнять приказ Деникина без санкции Рады подтверждает правильность нашей трактовки политического значения для кулачества его борьбы с Деникиным.

С другой стороны, то положение, что кулачеству удалось потянуть за собой массы середняка-казака в борьбе с большевиками во второй половине 1918 г. (хотя и благодаря стечению тех конкретных условий, анализ которых мы дали выше, а не превалированию сословных противоречий, как основного и решаю-

щего фактора) и противопоставить, таким образом первых городовикам на фронте кровавой борьбы (иногороднее кулачество из коренных во времена Деникина выступало союзником Рады и против добровольцев и против большевиков), несомненно задержало изживание сословных предрассудков и у казака середняка и у иногородних. Другими словами кулачеству и по этой линии удалось выйти из гражданской войны не разоблаченным до конца в глазах больших масс середнячества и даже казачьей бедноты. Его роль эксплоататора сословных предрассудков, в своих классовых целях, не была до конца вскрыта перед массами.

Борьба на фронте („проливали кровь") с большевиками не могла не провести борозды, отчуждавшей казаков от иногородних, все время боровшихся открыто или „сочувственно" за советы. Она, таким образом, способствовала известной консервации сословных антагонизмов, создавала лишние трудности для их изживания в последующей политике победителя—пролетариата.

Нельзя отрицать, что вследствие всего этого, массы казачества встретили приход советской власти в 1920 г. с большим опасением „расплаты" с ними со стороны иногородних за участие в белом движении и за те гонения, которые казачьи верхи и кулачество устраивали на иногородних в 1918-19 г.г. Проявлялась подозрительность с обеих сторон. Кое-кто из работников, осевших на Кубани, рассматривал казачество, как только что разбитого врага, который может в любую минуту подвести. Правда, политика советской власти на Кубани в 1920 г., учитывая все это, была осторожной, подчеркивавшей „равноправное вовлечение" казаков в советскую систему. Было об'явлено „прощение" контр-революционному прошлому казаков и взят решительный курс на борьбу с враждебными к ним выпадами в станицах. Сдавшиеся кубанские части распускались по домам. Стремились смягчить формы проведения продовольственной политики. Все это сыграло, конечно, свою роль при отношении населения, например, к десанту Улагая. Но быстро вытравить недоверие и подозрительность было не так-то легко.

Если взять экономическую базу кулачества, то, как указывалось, она была гораздо меньше расстроена в годы гражданской войны по сравнению с Доном. В центре кулак был очень сильно потрепан в комбедовский период, когда проводилась политика реквизиции; в годы военного коммунизма с его продразверсткой и проч. еще больше потрепали верхушку деревни. Здесь же раскулачивание совершенно не проводилось. В 1918 г. перед отходом красных с Кубани классовая борьба в станицах не успела перерасти в ту фазу, которую мы имели тогда в русских губерниях.

Конечно, война и революция отразились на состоянии хозяйства области. По сравнению с 1913 г. в 1916 г. имелось только

77,6% посевной площади, а в 1923 г.—62,0%. Но за 7 лет с 1916 по 1923 г. снижение было не так е уж большое, если принять во внимание то же сравнение с другими районами. Убыль рабочего и рогатого скота давала более резкое падение: в 1916 г. (по отношению к 1913 г.)—85,6% и 80,0% и в1924 г. - 59,0% и 64,0%. Более точную картину дает сравнение цифр за 1916, 17, 20 и 21 годы—накануне революции, перед гражданской войной и в конце ее. Вот они по отношению к 1916 г.[1]:

Годы	Общ пос. площадь	Лошади	Круп. рог. скот	Овцы	Свиньи
1917 г.	91,7	92,1	89,7	86,1	97,4
1920 г.	65,4	78,1	75,5	68,0	82,8
1921 г.	63,2	72,4	62,0	53,3	67,3

Убыль мертвого инвентаря составляет в процентном отношении к 1917 г.:

Годы	Орудие вспашки	Сеялки	Уборочные машины	Молотилки	Зерноочист. машин
1920 г.	86,2	86,9	80,1	77,2	84,5
1921 г.	83,4	84,3	73,6	72,5	76,6

В среднем общий процент падения уровня сельского хозяйства за время гражданской войны (1918-20 г.)—около 15%. Это, конечно, не идет в сравнение с разрушением во многих русских губерниях и гораздо меньше, чем на Дону. Совершенно ясно, что основная тяжесть снижения хозяйственного уровня пала на плечи бедноты и середняков и в частности бедноты, уходившей с Красной армией. Мы можем утверждать, что в целом кубанское кулачество вступило в период нэпа мало потрепанным, с сохранением у себя тех основных экономических ресурсов, которые имелись у него и при белых. Продразверстка кулака задела. Но она продолжалась здесь только один 1920 г. Таким образом, хотя кулачество и получило раны, в лице своей политической верхушки от Деникина потерпело решительное поражение в борьбе за изгнание большевиков из родного края, но отступило оно в порядке, с сохранением своей основной живой силы, под прикрытием разжигавшихся им сословных противоречий и, наконец, экономически мало потрепанным. Между казачеством и

[1] Взяты из резолюции о работе в деревне, принятой 8-й Кубчероблконференцией (апрель-май 1924 г.). Стенотчет, стр. 127.

иногородними гражданская война провела борозду, уничтожение которой являлось задачей более или менее длительного времени.

Перейдем к характеристике социально-экономического и политического развития центральной фигуры местной контр-революции за советский период в связи с развитием классовой борьбы в станице и основными моментами политики советов и партии на Кубани. Эту характеристику мы будем давать на фоне общей эволюции классовых отношений в станице, в связи с экономическим процессом восстановления хозяйства.

История борьбы с кулачеством при диктатуре пролетариата на Кубани может быть разбита на три этапа.

1921—осень 1924 г. Дальнейший упадок хозяйства области в целом и начало под'ема с 1923 г.; начало проведения землеустройства, как основного средства по „разгораживанию" земли от сословных перегородок и по экономическому ущемлению кулачества; проявлялся процесс нивелировки хозяйств в станице, но в конце этапа он стал перерезаться встречным процессом дифференциации на основе нэпа; развитие бело-бандитского движения, идущего на убыль с средины 1922 г.; проявления сословной розни на почве землеустройства; попытки кулачества перейти к тактике овладения советами (с 1923 г.).

Осень 1924 г.—конец 1927 г. Неуклонный—восстановительный под'ем в хозяйственном развитии Кубани, превратившейся в связи с районированием из области в округ (1924 г.); проявление тенденции к некоторой интенсификации сельского хозяйства, сочетавшейся с недородами, замедленным темпом приближения к довоенному уровню посевной площади зерновых культур; выявление с 1926 г. „падения урожайности полеводства" и снижения товарной части зернового баланса округа; разгар и завершение основного (межселенного и внутриселенного) землеустройства (95% всей земплощади) и разрешение наполовину (около 48%) „углубленного" землеустройства, т. е. перестройки форм землепользования—дробления крупных земельных общин на мелкие земельные группы с „частичным поселкованием"; развертывание процесса классового расслоения с его специфическими чертами, присущими советскому хозяйству восстановительного периода, по сравнению с другими районами большее усиление кулацко-зажиточной группы и большее применение ею новых форм эксплоатации; политика ограничения экономического роста кулачества (инвентарь, кредит, налоговая система и проч.) и борьба против нее последнего; выдвижение вслед за землеустройством проблемы инвентаризации бедняцко-маломощных хозяйств, как одной из центральных задач, имевшей огромное социально-политическое значение; к концу этапа намечается значительный сдвиг в развитии коллективизации; обострение сословной розни вокруг проведения землеустройства и яркое выявление классо-

вой сущности ее; оживление советов и попытки перехода кулачества в наступление „на советы" путем „завоевания" их; поражение кулачества в результате укрепления бедняцко-середняцкого блока; борьба за середняка, как основная проблема; политика учета и чуткого отношения к особенностям казачества в связи с оживлением советов, как одна из форм политической борьбы за отрыв середняка от кулачества; реализация этой линии „уступами" без систематической планомерной работы; перегибы „в казачьем вопросе" — об'ективная помощь кулачеству; основной политический итог—поражение кулака в обстановке обостренной классовой борьбы за укрепление бедняцко-середняцкого блока.

Конец 1927 г.—конец 1929 г. Задержка в темпе роста производительных сил в сельском хозяйстве, особенно в зерновом; борьба за поднятие урожайности на основе машинизации и технической реконструкции сельского хозяйства; переход к решительной социалистической реконструкции сельского хозяйства; социалистическое наступление на капиталистические элементы; массовое развертывание коллективизации, как фактора под'ема производительных сил в новых социалистических формах; обострение классовой борьбы очень резко проявлявшейся при проведении хлебозаготовок и прочих хозяйственно-политических кампаний в станице; отчаянное сопротивление кулачества, стремящегося сорвать изоляцию его от основных бедняцко-середняцких масс; необычайное упорство и большая крепость его социально-экономической базы на Кубани по сравнению с другими районами края нашли свое отражение в рецидиве сословной розни и в наличии право-оппортунистической практики работы и искривлении классовой линии в ряде районных и станичных парт.-сов.-кооп. организаций; беспрерывное нарастание темпа коллективизации в округе, особенно, усилившееся к концу этапа (от 9% населения, об'единенного в колхозах в 1927-28 г. к 30% в декабре 1929 г.); попытки перехода кулачества к новым формам классового сопротивления через использование колхозной формы для продолжения эксплоатации бедноты и взрыва колхозов изнутри.

С конца 1929 г. открывается четвертый этап, характеризуемый поворотом в политике партии по отношению к кулачеству; от ограничения и вытеснения к ликвидации его, как класса, на основе проведения сплошной коллективизиции; Кубань включается в группу районов, реализующих решение партии о переходе к сплошной коллективизации „целых районов, округов и областей".

Само собой разумеется, что установленные нами хронологические рамки чередования этапов развития станицы являются условными, ибо переход от одного этапа к другому трудно установить точной датой. Диалектический процесс борьбы двух путей

развития сельского хозяйства — капиталистического и социалистического, протекал в станице в противоречивых социальных формах и нарастание элементов, поднимавших этот процесс на новую ступень, выдвигавшую новые задачи по осуществлению одной и той же цели—победы социалистического пути, не может быть датирован с претензией на абсолютную точность. Но основные вехи, отделявшие один этап от другого, установить можно и наша хронология только в этом смысле и претендует на соответствие действительности. Нужно указать, что смена этапов в социально-экономическом развитии и соотношении классовых сил совпадает с теми или иными изменениями, серьезного порядка, в политическом курсе партии, выражавшимися в выбрасывании новых лозунгов Центральным комитетом ВКП(б) и партс'ездами.

2. Первые годы нэпа.

(1921 г.—осень 1924 г.).

Уже отмечалось, что после изгнания белогвардейцев с территории Кубани, советская власть повела достаточно осторожную политику по отношению к казачеству. „Первые месяцы пребывания советской власти в крае совпали с декретом о переделах (30 апреля 1920 г.), воспретившим полные переделы ранее трехкратного чередования севооборота—9-тилетнего срока. Тогда же был издан целый ряд постановлений об охране земель крестьянского пользования от посягательств со стороны советских и коммунальных хозяйств и запрещения отводить вновь образующимся из местного населения коллективам большее количество земли, чем то, которое находилось в их пользовании до образования коллектива или земель хотя и в том же количестве, но лучшего качества в сравнении с теми, которые были в их пользовании раньше. Затем декрет 24 ноября 1920 г. о землепользовании в быв. казачьих областях закрепил за трудовыми хозяйствами все то количество земли, какое у них было в фактическом пользовании“[1]. Таким образом, основной вопрос, вокруг которого вращались классовые противоречия и сословная рознь, не подвергался коренному изменению: земельные отношения оставались зиждиться на старых основах распределения и землепользования.

В этих условиях основным моментом, который сильно ущемлял кулаков и зажиточных, была только продразверстка и те ограничения торговли, которые связаны с политикой военного коммунизма. Представление о степени ущемления продразверсткой верхушки станицы дает следующий факт: в ст. Платнировской

[1] Гольдентул, стр. 69-70.

имелся зажиточный Ф. Черный, отнесенный в 1923 г. к группе крепких хозяйств (4 гол. крупного скота, 13 дес. посева), во время разверстки в 1920 г. он должен был сдать около 2.000 п. хлеба. В нашем распоряжении, к сожалению, нет цифр, из которых была бы видна степень экономического ущемления кулачества продразверсткой по области в целом. Но приведенная справка кое-что говорит. Ведь она относится не к кулаку, а к зажиточному. Переход к нэпу означал для кулачества освобождение от этого продовольственного пресса и развязывал его хозяйственную „самодеятельность", ибо проблема развития производительных сил связывалась со „свободой товарооборота". В каких общехозяйственных условиях протекала эволюция кулацкого хозяйства в первые годы нэпа? Данные, характеризующие степень экономического упадка сельского хозяйства за 1917—20 г. были уже приведены. Первые годы нэпа быстрого перелома в движении этой кривой вверх не дали. Вот цифры о движении посевной площади и всех видов скота в процентном отношении к 1916 г., подтверждающие это:[1]

Годы	Посевная площадь	Лошади	Кр. рогат. скот	Овцы	Свиньи
1921 г. .	63,9	72,4	60,0	53,3	67,3
1922 г. .	62,7	54,7	44,3	44.7	11,1
1923 г. .	75,4	50,9	61,2	53,2	38,0

1922 г. принес дальнейшее падение по всем показателям и только в 1923 г. обозначилось начало перелома.

В 1921 г. на Кубани был голод, связанный с недородом, что дополнительно повлияло на движение хозяйства вниз в следующем году. Влияние нэпа на под'ем производительных сил стало сказываться только с 1923 г., при чем, как отмечено в резолюции „картина под'ема сельского хозяйства по области не одинакова. Районы, наиболее пострадавшие от голода, поднимаются чрезвычайно медленно. Как правило, продолжается сокращение рабочего скота". Эта неравномерность и отсутствие общего и неуклонного движения вверх иллюстрируются оценкой итогов осенней посевной кампании 1923 г.: она дала „некоторое снижение осенне-посевной площади по сравнению с предыдущим годом". При чем, констатировалось уменьшение в 1923 г. урожая на 8 пуд. с десятины. Как видим проблема урожайности на Кубани стала вырисовываться с первых же лет нэпа. Только тогда падение больше об'ясняли последствиями недородов, как стихийного явления.

[1] Резолюция о работе в деревне. Бюллетень 8-й Кубчеробляпартконф., стр 127.

Общую суммарную характеристику мы имеем возможность дополнить данными, полученными комиссией, обследовавшей по заданию областкома ВКП (б) с 26-II по 10-III—1924 г. станицы Выселковского-Платнировского районов. Итоги обследования освещены в брошюре Клейнера. Посевная площадь в Выселках дала в 1922 г. наибольшее снижение по отношению к 1917 г.—56,8% (по Платнировке данных не приведено, в 1920 же году она имела 64,5%.) В 1923 г. посевная площадь резко скакнула вверх: в Выселках она превысила 1917 г. на 1%, а в Платнировке доведена до 82%, — по сравнению с 1920 г. увеличилась на 18%. Очень интересное сопоставление с этими цифрами дают справки о скоте. Восстановление его в обеих станицах отставало, конечно, от посевной площади:

Годы	Выселки		Платнировка	
	Лошади	Крупный рогатый скот	Лошади	Крупный рогатый скот
1917 г.	1215	1667	5014	7622
1920 г.	1116	1245	3913	6769
1922 г.	841	1116	—	—
1923 г.	853	1433	3112	4907

Но более благополучное село по посеву имело в 1923 г. уже некоторое увеличение по сравнению с 1922 г. лошадей (1%) и рогатого скота (11,5%), Платнировка же продолжала падать.[1] Комиссия отмечала, что „дальнейшее расширение посевной площади в этой станице видимо невозможно без увеличения скота", ибо расширение ее за 1923 г. достигнуто „исключительно благодаря напряжению хлебороба и высокой нагрузке на одну рабочую силу". Платнировка рассматривалась как „наиболее характерный сел.-хоз. и населенный пункт". Таким образом, вопрос сформулированный в будущем, как „проблема инвентаризации", тоже выделялся на сцене уже в начале 1924 г.

Определенную ценность представляют материалы о количестве хозяйств в станицах, ибо дают косвенный ответ на вопрос о процессе нивелировки хозяйств во время и по окончании гражданской войны. Так Выселки имели в 1917 г.—900 хозяйств, в 1920 г.—924 хозяйства, в 1922 г.—934 хозяйства и в 1923 г.—977 хозяйств, Платнировка же в 1917 г.—2318 хоз., в 1920 г.—2509 хоз. и в 1923 г.—2911 хоз. Превышение против 1917 г.—на 8% и на 17%. Комиссия констатировала, что „увеличение количества хозяйств, занятых хлебопашеством, произошло за счет уменьшения количества чисто промысловых хозяйств. Сверх этого

[1] К сожалению, в брошюре не приведены по ней цифры за 1922 г., что не дает возможности подсчитать соотношение 1922 и 1923 г.

это увеличение произошло за счет дробления крупных хозяйств" и немного за счет образования новых из жителей, ранее не занимавшихся сельским хозяйством[1]. Для нас важен следующий вывод—процесс нивелировки развертывался до 1924 г., и в той станице, где менее обозначался под'ем, он имел большее место. Симптом, вскрывающий об'ективную неизбежность развертывания борьбы за укрупнение хозяйства между двумя путями—капиталистическим и социалистическим. Чтобы покончить с краткой общей характеристикой основных линий наметившегося под'ема сельского хозяйства, укажем на выявление уже тогда тенденций интенсификации хозяйства. Это отмечалось как по всей области, так и данными комиссии по Выселковско-Платнировскому району. В отчете парткома на областной конференции в 1923 г. констатировалась „интенсификация трудоемких культур, табака, подсолнуха, клещевины, винограда", а в выводах комиссии указывалось увеличение пчеловодства, птицеводства и проч.

В каких же социальных формах начал развиваться под'ем сельского хозяйства? Здесь мы подходим к вопросу о роли в процессе разных групп населения станицы. Условия нэпа, конечно, неизбежно должны были привести в те годы к встрече и переплетению именно двух тенденций: нивелировки, уравнения и расслоения, диференциации. Нельзя сказать, чтобы кубанский кулак одинаково с середняком и бедняком спускался вниз „в своем хозяйстве" в 1921-22 г. Облисполком летом 1922 г. издает по своей инициативе, еще до известной директивы центра, постановление об аннулировании кабальных сделок, которые росли по области, как новая форма экономического закабаления. Она была выдвинута кулачеством в связи с недородом в станицах. Голод отразился на разных слоях неодинаково. Для кулаков он оказался „даже лучше хорошего урожая — неурожай их обогощал". Голод 1921 г. настолько сыграл существенную роль в то время, что отчет областкома на 5-й конференции, состоявшейся в декабре 1922 г., начался с указания: „первое—голод, который охватил 4 отдела, при чем в нашей области числилось до полумиллиона голодающих". Голод отмечался, как первый основной фактор, определявший политическое состояние области к апрелю 1922 г. Насколько кабальные сделки были распространены и как недостаточно организованно с ними тогда боролись свидетельствует ссылка на них в цитированном докладе: „Следующее мероприятие (по борьбе с голодом.—*Н. Л.*)—аннулирование кабальных сделок. Идея была хорошая, но проведена она в слабой степени и никакого учета реальных результатов этого мероприятия у нас не имеется, несмотря на требования областкома. Места не-

[1] И. Клейнер „Действительность кубанской станицы" „Буревестник". 1924 г. стр. 7—9.

сумели учесть количество расторгнутых кабальных сделок. Имеются только отрывочные сведения. Славянский отдел, например, сообщает, что там было расторгнуто до 300 сделок. Эта мера была проведена по инициативе наших низовых ячеек, которые еще с начала весны писали в областком и облисполком о кабальных сделках[1]. Проведение „в слабой степени" можно и нужно об'яснить не только неналаженной работой советского аппарата, но и цепкостью социального слоя, заинтересованного в кабельных отношениях.

По 1922 году, когда расслоение на почве нэпа не выявилось еще, мы можем привести следующие выводы о развитии экономических группировок из данных, полученных выборочно-динамическим обследованием облстатбюро: „Число беспосевных резко уменьшается, число малопосевных увеличивается, увеличилось и число хозяйств от 4,1 до 6 дес. Но число хозяйств, размером в 6 дес. и выше, постепенно уменьшается, при чем уменьшение происходит прогрессивно: чем выше группа по посеву, тем резче уменьшение. Так число хозяйств размера от 13,1 д. до 16 д. уменьшилось на 30%, а число хозяйств с посевом от 16,1 до 19 д. уменьшилось на 47%. В отношении обеспеченности рабочим скотом увеличилось число хозяйств с 1 гол. раб. скота и 2 гол. рабскота и уменьшилось число хозяйств с несколькими головами рабоч. скота" (по данным Краснодарского отдела)[2]. Эти же выводы Гольдентул в своей работе подтвер-

[1] Бюллетень 5-й облпартконференции 1922 г. Доклад областкома, стр. 10. Между прочим, в числе дел, разбиравшихся земельной комиссией по ст. Платнировской в 1923 и начале 1924 г. по расторжению кабальных сделок было 16, а в Выселках—19.

[2] Гольдентул. Стр. 83-84. Приведем таблицу, на основе которой сделаны цитируемые выводы:

Группировка хозяйств	Число хозяйств		Число хоз. без пос.	
	1920 г.	1922 г.	1920 г.	1922 г.
До 1 десятины . . .	4.316	5.700	15.153	8.320
До 2 десятин . . .	3.757	6.124	—	—
От 2 до 3 десятин .	3.343	5.794	—	—
От 3,1 до 4 десятин	3.402	4 434	—	—
От 4,1 до 6 десятин .	4.437	5.215	—	—
От 6,1 до 8 десятин	3.306	3.115	—	—
От 8,1 до 10 десятин	3 386	3.100	—	—
От 10,1 до 13 десятин	2 447	1.708	—	—
От 13,1 до 16 десятин	1.781	1 190	—	—
От 16,1 до 19 десятин	1.049	563	—	—
От 19,1 до 22 десятин	581	236	—	—
От 22,1 до 25 десятин	308	126	—	—
От 25,1 до 30 десятин	319	66	—	—

ждает анализом таблиц по отдельным станицам Кавказского отдела (Ново-Донецкая), Майкопского (Гурийская) и Краснодарского (Старо-Карсунская). Мы не сомневаемся, что данное заключение, в основном, правильно подмечает проявлявшуюся тенденцию к нивелировке. Но, конечно, на основе этих статистических данных будет неверно пытаться давать исчерпывающую правильную оценку действительного развития кулачества, как социально-эксплоататорской группы, ибо динамика посевной площади и скота по разным группам не вскрывает социальный момент. Те самые кабальные сделки, которые были отмечены облисполкомом и их удельный вес, как формы эксплоатации, подобная статистика не вскрывает, а обходит. Бесспорно, что кулачество больше сохранилось, меньше было подвергнуто экономическому разложению и распаду, чем это может показаться из приведенных данных. Иначе трудно понять, каким образом с 1923 г. процесс диференциации так быстро перерезал нивелирующую тенденцию и дал высокие показатели расслоения. Это нельзя об'яснить только огромной экономической мощностью кулачества до 1920 г. Очевидно и за первые годы нэпа мощность здесь больше сохранилась, чем в других местах. К сожалению, тогдашняя статистика не может правильно выразить в цифровых величинах степень этой сохраненности.

Уже на 8-й партконференции в отчете областкома давалась следующая оценка „основного процесса в сельском хозяйстве": „В прошлом году наблюдалась тенденция к уравнению хозяйств, в этом же году мы имеем резко выраженный процесс диференциации... Мы отмечаем убыль малопосевных хозяйств на 11%, рост среднепосевных хозяйств на 9½% и рост крупнопосевных (свыше 10 д.) на 48% по отношению к тем же группам хозяйств в прошлом году. Одновременно с ростом крупнопосевных хозяйств растет батрачество, усиливается применение наемного труда в сельском хозяйстве... По приблизительным данным союза всеработземлес в области насчитывается 16 тысяч батраков и 10 тысяч сезонных батраков... Из них профсоюзом учтено 8.500 чел.... Нужно сказать, что и самое явление диференциации еще недостаточно изучено".[1] Этот же момент, на конференции в апреле 1924 г., получил такую общую оценку в отчете областкома: „Я не буду останавливаться на том, что под'ем крестьянского хозяйства идет неравными шагами, неравным темпом, что растут быстро кулацкие хозяйства и быстро разрушаются бедняцкие хозяйства, а середняк скорее убывает нежели увеличивается. Об этом много говорилось на предыдущих конференциях и та работа по обследованию станиц, которая

[1] Бюллетень, декабрь 1923 г. Стр. 47-48.

была проведена областкомом, подтвердила эту тенденцию о довольно резком процессе расслоения в станице".[1] В заключительном слове по отчету заявлялось: „Есть под'ем у середняцких и у богатых хозяйств, но этого под'ема не чувствуется у бедняцких хозя ств". Наконец в специальном докладе о работе в деревне снова констатировалось:... „Поднимаются преимущественно зажиточные слои деревни, отчасти середняцкие, поднимаются очень медленно и почти не поднимаются, а частью беднеют еще более бедняцкие слои деревни".[2] Этот же вывод зафиксирован в принятой по этому докладу резолюции с подтверждением его данными выборочного обследования группировок хозяйств в 1923 г.[3] Мы видим, что везде особенно подчеркивается под'ем у зажиточных слоев. Ясно, что такой темп их роста в 1923 г. обусловливался состоянием их и в предыдущие годы.

Не будем придираться к данным статистики 1922 г., которыми оперировал докладчик о сельском хозяйстве тов. Асаульченко на 4-й мартовской конференции. Они, конечно, весьма далеки от точности так же, как и выводы, сделанные из них докладчиком.

---

[1] Бюллетень 8-й конференции. № 2. Стр. 15.

[2] Бюллетень 8-й конференции (апрель, май 1924 г.). Стр. 88.

[3] Вот они: Изменение численности хозяйств по группам в процентах.

Годы	В группах по посеву			В группах по рабочему скоту					
	Хозяйств без посева	Хозяйств с посев.		Хозяйств		Хозяйств со скотом			
		Мелких до 4 д.	С ед. 4,1 до 10 д.	Крупн. и бол.	Без скота	Одноголов.	2-мя голов.	3-мя голов.	4-мя голов.
1922	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1923	75	90	114	138	99	112	102	96	77

Но подход к вопросу и тенденция чрезвычайно усилить мощность казачьих хозяйств весьма показательны. Асаульченко сделал тогда следующий анализ и обобщения: „Типичным хозяйством кубанского казака является хоз-во, имеющее приблизительно около 30 дес. земли, которые обрабатываются при помощи наемного труда. Таких хоз-в в Кубанской области имеется около 80%. Вы знаете, что имеется 4 типа хоз-ва: помещичье, кулацкое, полутрудовое и трудовое. Размер земли помещичьих хоз-в далеко превышает 100 дес. Кулацкое хоз-во имеет также свыше 100 дес. земли. Полутрудовое хоз-во имеет до 100 дес. земли, которая обрабатывается самим владельцем с семьей при помощи наемного труда и, наконец, идет 4 категория хоз-в—трудовых. ...Здесь на Кубани у нас господствуют полутрудовые хоз-ва, которые все-таки считаются трудовыми со всеми вытекающими отсюда последствиями". [1] Самое замечательное, что ни один из присутствующих на конференции товарищей не счел возможным усумниться в правильности марксистского анализа докладчика и в выводах его о Кубани. Во всяком случае в прениях об этом не говорили. Эта аберрация, конечно, отражает загипнотизированность местных работников мощностью кубанского кулачества, благодаря чему подобные преувеличения не бросались в глаза. Конечно, господствующим, в смысле количества хозяйств, „полутрудовое—до 100 дес." на Кубани тогда не было, но экономически мощным кулацкое хоз-во было, что (и еще кое-что, о чем будет речь ниже) и привело к вере в соответствие действительности „господствующих" и „средних величин" у докладчика.

Анализ темпа и основной линии диференциации с 1923 г., данный партконференцией, подтверждается обследованием Выселковско-Платнировского района. Диференциация хоз-в в этих двух станицах проявила ту же тенденцию. „Общее ослабление хоз-ва не относится одинаково ко всем группам хлеборобов в станице. Основное направление хоз-ва—резкое увеличение хоз-в без рабочего скота—это более сильно выражено в ст. Платнировской, где увеличение бесскотских хоз-в произошло в 1923 г. на 62% против 1917 г. (529 и 880 х.—*Н. Л.*) и менее резко в Выселках—увеличение на 7% (534 и 574 х.—*Н. Л.*). В Выселках выявляется явная тенденция к увеличению двух крайних групп беднейших и мощных хоз-в за счет уменьшения средней группы" (1922 г. бедн. маломощн. 79,8%, 1923 г.—81,4%, 1922 г. средних—16,4% 1923 г.—14,8%, 1922 г. мощных—3,9%, 1923 г.—3,8%). Это за-

[1] Бюллетень 4-й облпартконференции № 2, стр. 18.

ключение подтверждается и выводом по группировке по посевам в Выселках: „Основное направление развития—увеличение беднейших хоз-в - беспосевных в 1923 г. против 1922 г. на 7%, и увеличение в 1923 г. мощных хоз-в от 13 д. посева и выше на 20% против 1922 г."[1]. Кроме всех этих цифровых данных,— которые правильно характеризуя „основную тенденцию", в то же время не могут претендовать на точность и на выявление классовых отношений (измерение только по посеву и скоту),— очень ярким показателем, ощутительности результатов дифференциации, экономического наступления кулачества и роста „мощных" являются свидетельства тогдашних местных работников. Если мы просмотрим прения по докладам на партконференции 1923 г. и особенно 1924 г., то увидим, что упоминание об активизации кулачества красной нитью проходит по ним.

Делегат из станицы Гаазе отмечал: „Теперь посмотрим на расслоение деревни. Все судят по цифрам, а на месте ничего не видят. Расслоение в деревне на батраков и кулаков идет, замечается рост кулаков и разорение беднейших крестьян, которые должны итти в батраки". Областной работник Базарник: „Я уверен, что если бы мы взяли цифры, то мы увидели бы печальную картину: связь нашей кубанской промышленности с крестьянской экономикой имеется по линии кулацкого хозяйства. Если бы мы взяли цифры сельско-хозяйственной кооперации на Кубани и посмотрели бы какие хоз-ва она об'единяет и обслуживает, то также должны были бы убедиться, что связь намечается по линии кулацких крестьянских хоз-в"[2]... И далее, напуганный этой мрачной картиной он доходил до крайних выводов: „Приезжаем в станицу, спрашиваем ячейку, как ведется работа и в большинстве случаев получается ответ,—нас ненавидят и бедняки и кулаки, а середняки, в лучшем случае, к нам равнодушны". „Нас ненавидят"—следовательно социальной базы для ячеек в деревне сейчас нет [3].

Через полгода (весной 1924 г.) эти разговоры о кулачестве выступают еще более резко. Вот речь Наумчика, представителя Кавказского отдела: „Сейчас основная проблема... о работе в деревне... что мы противопоставим тому натиску, той активности, которую наблюдаем в повседневной работе со сто-

---

[1] Клейнер „Действительность Кубанской станицы", стр. 9-11.

[2] На 5-й партконференции (декабрь 1922 г.) в докладе о кооперации отмечалось: „Сейчас главным контингентом сельхоз. товариществ являются зажиточные, середняцкие и большей частью кулацкие элементы в станицах, представляющие собой довольно яркий сгусток враждебного, а иногда и контр-революционного отношения к советской власти". (Бюллетень, стр. 71). Это же записано в резолюции, принятой по докладу.

[3] Бюллетень 7-й конференции 1923 г., стр. 114.

роны кулацкого и середняцкого слоев... У нас в Кавотделе беднота закабалена кулаками, т. е. она свою землю отдает в эксплоатацию кулаку, чтобы он обработал, и за это беднота обязана уплатить налог... Это тяжелое положение заставляет ее быть индиферентной и политически пассивной" [1]. Еще Ефремова: „Мы имеем сейчас не только засилье кулака, но и юридическое оформление существования кулака. Я приведу, как пример, разъяснение прокурора области, которым узаконяется пребывание кулака, не только в качестве рядового члена кооперации, но и в качестве члена правления... Сейчас кулак вылупливается. У нас есть картина, когда кулак имеет 5.000 овец, 50 коров и 10 лошадей и он пользуется кредитом кооперации. Мы должны наметить вопрос о том, как дальше вести политику в отношении кулака"[2]. Еще Изварина: „Один из товарищей... очень метко, пророчески произнес: в деревне мы наблюдаем сейчас следующие моменты— кулак, ссужая бедняка, получает с него соответствующий процент и плюс к этому, в виде прибавочной стоимости, он превращает этого бедняка в политическое орудие против компартии"[3].

Эту же мысль повторил областной работник Рязанов. Приведенные, взятые на выбор, цитаты, которые можно было бы умножить, являются прекрасным дополнением к ряду цифр, указанных выше. Кулак оформлялся, активизировался, стремился подмять под себя бедноту, превратить кооперацию в свою цитадель и в ряде мест небезуспешно. Это вызывало тогда появление кое у кого антисередняцких настроений, что вскрывают прения на конференциях.

Важным мероприятием партии и власти, которое начали проводить с 1922 г., было землеустройство. Оно приобретало огромное социально-экономическое и политическое значение, особенно на Кубани, как таран, который должен был пробить закостеневшую толщу сословных предрассудков, вспрыснутых гражданской войной и сильно подрезать экономическую мощь кулачества. Эта кампания, затянувшаяся надолго, имевшая центр тяжести своего разрешения уже на втором этапе, должна была разгородить землю, уравнять в земельных правах казаков и иногородних и этим завершить аграрную революцию, формально разрешенную

---

[1] Бюллетень 8-й конференции 1924 г., стр. 101.

[2] В ответ на проявление антисередняцких ноток у некоторых товарищей Аболиным в заключительном слове было ска ано: „Тут говорили о кооперации, называя ее торгашеской и кулацкой. Если товарищи считают, что нужно общеизбирательный закон... распространить на сельхоз. кооперацию, то это правильно... Но совершенно неправил но, когда... считают, что наша задача—организовать в кооперацию исключительно маломощные и бедняцкие слои в деревне, что на крепкого хозяина, которого так часто неправильно любят называть кулаком, рассчитывать не нужно". Бюл., стр. 110.

[3] Бюллетень, стр. 105.

национализацией земли. Совершенно ясно, что это социально-политическое мероприятие кулачество должно было встретить или в штыки или же попытаться дать ему такое направление, которое бы позволило максимально использовать землеустройство для сохранения своего положения. На Кубани этот момент—линия кулачества—дополнялся пережитками сословных противоречий, которые могли быть широко использованы и поэтому очень усложняли кампанию. Наконец, нужно учесть и то обстоятельство, что первая попытка проведения землеустройства совпала с началом процесса классового расслоения на основе нэпа. Это создавало особую сложность обстановки и требовало выдерживания четкой классовой линии.

Между тем парторганизации или мало говорили о землеустройстве или же больше говорили о нем, как о „могиле сословной розни", оставляя в тени его классовое значение. С самого начала не смогли учесть необходимости сочетания этих двух моментов. Нужно констатировать, что кампания на первом этапе не дала тех положительных социально политических результатов, которые от нее ожидались. Они отодвинулись на 1925—27 г. г. О недоучете значения кампании с самого начала можно судить хотя бы по тому, что в специальном докладе о сельском хозяйстве и прениях по нем на 4-й партконференции о землеустройстве, в конкретных условиях Кубани, по сути дела ничего не было сказано. А ведь это был стержень земельной политики. То же повторилось и со следующей конференцией (декабрь 1922 г.). Он был поднят в прениях тремя товарищами и все они руководство землеустройством считали слабым. Клейнер заявлял: „Третий момент из области отрицательного—это землеустройство... Мы недооценили значения этого вопроса, не вполне учли, как вести себя в этой области. Тут нами наделано много ошибок, этого никто не отрицает. Но землеустройство проходит на местах... И если нами, областкомом, наделано много ошибок... областком своевременно не дал соответствующей линии, то еще больше ошибок проделано местами". Один работник с мест, Туманов, бросал обвинение: ...„В мае я подавал заявление в областком, где спрашивал, как быть с вопросом о землеустройстве, потому что на местах возникали недоразумения. Я раз'яснения не получил до сих пор, и для меня странно, что тов. Аболин на вопросе землеустройства, который имеет актуальное значение для нашей области не остановился и не отметил его в отчете, который им дан на настоящей партконференции". Дальше товарищ указывал, что закон о землеустройстве не был „конкретизирован", исходя из местных условий. Интереснее всего, что в заключительном слове было предложено „лучше читать основной закон землеустройства", и все (буквально—пара слов)[1]. На де-

[1] Бюллетень 5-й конференции. Стр. 30-31—41.

кабрьской конференции (1923 г.) землеустройство было обойдено в отчете и в заключительном слове („пара слов"), несмотря на то, что в прениях его опять касались и в том же стиле. Несомненно показательно было выступление Барчевникова: ...„Относительно землеустройства. Оно прошло плохо. Местные отзу доведены до того, что не могут этого вопроса проводить. И дело доходит до драки между такими селами, как Федоровка и Михайловка. Да и как не дойти до этого? Приезжает рублевый землемер, посмотрит, ничего не сделает и уедет. Приедет двухрублевый землемер, тоже посмотрит, тоже ничего не сделает. А крестьяне ждут, когда их землеустроят. Не дождутся и начинают землеустраиваться самым примитивным способом, как это было при царизме[1]". Здесь—живая картинка, характеризующая положение на местах

На последней конференции—весна 1924 г.—этот вопрос нашел еще меньшее отражение. В отчете была только одна ссылка на землеустройство, как на одну из причин, которые способствовали сокращению площади засева в осеннюю посевкампанию на 5%. Именно: „пятая причина, временного порядка,—проведение землеустройства, когда бедняк получал землю в порядке землеустройства, но, не имея ни живого, ни мертвого инвентаря, не мог полностью эту землю поднять. Посевная площадь богатых хозяев сократилась, а площадь бедняков на ту же цифру не выросла". Вот и все, несмотря на то, что на этой конференции стоял отдельным пунктом вопрос работы в деревне и в этом докладе по важнейшей политической кампании не было сказано ни слова. Только один товарищ в выступлении правильно заострил внимание, но это был эпизодический случай [2]. В то же время комиссия по обследованию районов в брошюре, выпущенной к партконференции, констатировала: „Землеустройство занимает центральное место в жизни станицы в настоящее время... В течение 1923 г. вопросы о землеустройстве стояли на первом месте в выселковском сельсовете, преобладали в вопросах, обсуждавшихся выселковским сходом (62% всех вопросов.—(*Н.Л.*)... Самые многолюдные, самые живые и вместе с тем самые бурные сходы, обсуждающие вопросы о землеустройстве... Здесь (в спорах и осложнениях.—*Н.Л.*) большую роль играет и (как это ни странно!) полное отсутствие руководящих конкретных указаний о порядке составления списков лиц и хозяйств, подлежащих наделению землей. Многочисленное количество циркуляров и

[1] Бюллетень 7-й конференции. 1923 г. стр. 91.

[2] „Вопрос о землеустройстве на местах—это главный коренной вопрос, по которому проводятся основные линии экономического развития деревни. Для кого проводится землеустройство? Для бедноты. На самом деле землеустройство распределяется по старым жеребьевкам. Кулаки получают землю, а беднота остается без земли. Между тем землеустроительные работы должны быть основной печкой, откуда мы должны танцовать, когда хотим разрешить проблему политико-экономического положения крестьянства". (Бюллетень. Стр. 102).

раз'яснений окончательно затушевывает и без того неясные вопросы". Как, напр.,—указывалось далее,—демобилизованные красноармейцы не могли получить земли, т. к. они к весне 1922 г., к моменту издания закона, не имели собственного хоз-ва (осели на Кубани после гражданской войны). „В этом месте происходит столкновение основного лозунга борьбы—„за землю"—с злополучным параграфом неясно отредактированной инструкции". Рядом с красноармейцами наделялись „местные жители"—финагенты, советские работники, 70-тилетний одинокий старик, словом, те, кто не мог и не собирался обрабатывать землю, а исключительно брал ее, чтобы сдавать в аренду, „заниматься капиталистической эксплоатацией земли", как написано в брошюре [1].

Мы добросовестно выписали из бюллетеней все места, где что-нибудь говорилось о землеустройстве, вплоть до конференции весны 1924 г. Если суммировать все, что было сказано, то получится в общем правильная и ясная оценка—землеустройство недооценивали, существовал разнобой в проведении его, не было единой четкой линии.

В 1923 г. на страницах местного журнала „Путь советов" и в газете „Красное знамя" развернулась дискуссия между руководящими работниками хозяйства области по вопросу о расселении крупных станиц и образованию поселков, „участков хуторской формы". Словом, спорили о первоочередных задачах землеустройства[2]. Чрезвычайно характерно, что и защитники поселков (Коханов, Адатынь) и противники их (Рязанов) исходили исключительно из проблемы повышения сельско-хозяйственной культуры вообще, желательности образования поселков вообще или же, в лучшем случае, из задачи наделения безземельного населения землей вообще (Рязанов). Написавший в тот же период брошюру „Земельные отношения на Кубани" Гольдентул правильно указал на „недостаточность" такой постановки: „Необходимо еще принять во внимание, какие слои станицы заинтересованы в образовании поселков. Сомнительно, чтобы в этом были заинтересованы одинаково все слои станичного населения", и дальше внес предложение: „на обсуждение должен быть поставлен вопрос о том: не воспользоваться ли правом, предоставляемым земельным кодексом, и выделить все земли бедняцких дворов к одному месту. Этим облегчается возможность их об'единения. При наличии правильной кредитной политики,—это важнейшие шаги в деле облегчения положения бедноты" [3].

[1] Клейнер. „Действительность кубанской станицы". Стр. 30—36, 34.

[2] Журнал „Путь советов" № 4-5 1923 г. Газета „Красное знамя" за 1923 г.: а) от 18/XI № 258, ст. „Больше внимания землеустройству"; б) от 20/XI № 259 ст. А. Рязанова „Землеустройство на Кубани"; в) от 15/XII,—№ 281, ст. И. Андреева „Несколько замечаний по поводу землеустр. на Кубани"; г) от 21/XII № 286, ст. И. Клейнер „Мысли о землеустройстве".

[3] Стр. 73.

Но дискуссия велась между „спецами"—земельными работниками. Принципиальнейший вопрос широкой постановки и обсуждения в партийных кругах не нашел [1]. Также вполне гармонирует с таким подходом основной анализ первоначальных итогов землеустройства, который мы находим в важном документе этого периода — материалах обследования Приселковско-Платнировского района, сведенных Клейнером в брошюру, уже цитированную. В главе „Землеустройство" исключительное внимание уделяется „собесовскому принципу", который преобладал над хозяйственно-политическим, правильно отмечается невнимательное отношение к середняку, проявлявшееся у местных работников, но к сожалению совершенно обходится вопрос о поведении кулачества, не собраны факты классовой борьбы под этим углом зрения, даже не освещен вопрос о сословной розни, которая раздувалась вокруг кампании. В Выселковской волости кампания считалась законченной в октябре 1923 г., в ст. Платнировке уже было постановлено наделить 84% хозяйств. В брошюре ограничились ссылкой на общее значение результатов землеустройства: 1) „станица не верит больше в какие бы то ни было государственные изменения в России"; 2) „вторым... результатом... является фактическое уничтожение пережитков царизма, сословного деления Кубани на казаков и крестьян... Землеустройство есть первый крупный бескровный шаг экономического оформления в сельском хозяйстве результатов Октябрьского переворота". Основное—сочетание классового и сословного моментов—опущено и сделаны очень оптимистические выводы о „сословиях". В этом вопросе все сводили к „войсковой земле", классового расслоения внутри казачества не видели и поэтому не могли правильно вскрыть до конца истинное реальное содержание „сословных противоречий" и роли кулака. Этим, конечно, мы не хотим сказать, что разгораживание земли от сословных пережитков не играло роли. Конечно, играло и очень большую роль. Это элементарно. Но видеть только „это" в проведении землеустройства и создание веры „в силу государства"—односторонность, упускающая из поля зрения переплетение классово-сословное.

Правильно борясь против анти-середняцкого уклона, Клейнер и здесь проявил увлечение, которое вырисовывается из ряда его характеристик отдельных хлеборобов, которых комиссия наблюдала при обследовании. Интересно звучит зарисовка облика тов. Лебедкина: „Тов. Лебедкин собственное хозяйство сумел

---

[1] См. очень характерное, в этом отношении, место в заключительном слове Аболина на 7-й конференции (декабрь 1923 г.): „О землеустройстве. Делом землеустройства, по воле партии, руководит т. Адагын. Он был зам. зав. обзу, врид и т. д. Я думал, что он ответит на заданные вопросы в своем слове. Он ничего не сказал. Я тоже не буду отвечать, отнесем эти разговоры до соответствующего пункта повестки дня". В „пункте" тоже ничего не было сказано. Стр. 153.

наладить в короткий срок и уже сейчас хоз-во имеет все данные начала роста. Фельдмаршальский жезл крепкого хозяина выглядывает из сумки бедняка тов. Лебедкина" [1]. Поставив перед собой задачу популяризации правильного курса партии на ограждение середняка единоличника от „левых загибщиков", этот кубанский работник увлекся и дошел до „фельдмаршальского жезла" крепкого хозяина. Может быть поэтому в брошюре мы не находим фактов классовой борьбы, которую вело кулачество вокруг землеустроительной кампании и его дирижерской палочки в разжигании сословной розни.

Несомненно, недооценкой землеустроительной кампании на первых шагах ее проведения в кубанской обстановке, сумел воспользоваться наш классовый враг, особенно здесь сильный.[2] Он пытался с 1923 г. переходить в наступление на новой основе — на почве нэпа, стремясь в первую очередь прикрыть его раздуванием сословных противоречий. Сам же Клейнер в брошюре „Очередные задачи волостных исполкомов на Кубани" отмечал следующий факт: „В ст. Невинномысской мы наблюдали, как группа кулачества сорганизовала об'ездчиков для сгона иногородних со своих заповедных лугов, неиспользованная часть которых была передана волисполкомом нуждающимся хлеборобам".

Наделенная землей, безлошадная и безынвентарная беднота попадала снова в эксплоатацию кулачества, сдавая ему землю в аренду. Широкое распространение этого явления в то время подтверждают все работавшие в области. „Аренда земли, которая на основе этого положения стала практиковаться, хотя имела место и ранее, в настоящее время представляет собою и по форме и по содержанию новое явление в сельском хозяйстве Кубани. Сдает землю бывший безземельный, маломощный хозяин; берет ее в аренду быв. владелец крупного земельного участка, сам сдававший ранее в аренду" [3]. Конечно роли переменились только с чисто внешней формальной стороны, по существу же, „по содержанию"—классовому—роли не переменились. Это новое явление было новой формой старой эксплоататорской деятельности кулачества. Правда, и часть середняков прибегала к аренде, но, как правило, стремилась использовать в то время ее прежде всего экономически-мощная группа, привязывавшая к себе этим бедноту (она же имела много лишнего инвентаря).

---

[1] Стр. 66.

[2] Позже в отчете окрисполкома за 1927-28 г. (Краснодар 1929 г.) было отмечено: „Классовый принцип не соблюден для 6% населения при землеустройстве 1922-23 г. г." Стр. 21. „Дальноземелье бедняцких хозяйств не было устранено там, где землеустройство проведено в 1922-23 г." „Сохранилась неравномерность (в землепользовании.—*Н. Л.*) на землеустроенной площади в 1922-23 г. до 6% всех хоз-в". „Год работы" материалы к 4-й Кубпартконференции, 1927 г., стр. 18.

[3] Клейнер, стр. 32. Курсив наш.

Какого масштаба достигло проведение землеустройства к концу рассматриваемого этапа? По докладу зав. облзу тов. Рязанова на пленуме облисполкома 2-V—1924 г. землеустроительные работы охватывали площадь 2.131.241 дес., из них закончена кампания на площади около 800.000 дес., устроено около 80.000 дворов. Сделано было не особенно много, но и сделанное требовало внесения больших корректив. Полное развертывание землеустройства и доведение его до конца осталось на долю следующих лет. На них же падает наибольшее обострение классовой борьбы вокруг этой кампании и постановка ее действительно в центре внимания парторганизации области. Кулак развил бешеную работу, стремясь использовать нэп для наибольшего сохранения и даже развития своих эксплоататорских связей. Коготки свои, в этом отношении, он уже показал в 1923-24 г.г.

Нам остается осветить еще политическое поведение кулачества в период 1921-24 г.г. Упоминавшееся белобандитское движение было первой и основной формой политической борьбы, которая постепенно выветривалась и заменялась другими методами борьбы. Не даром не было ни одного отчета областкома, в котором не останавливались бы на этом моменте, характеризуя политическое состояние области. Несомненно развитие бандитизма и напряженнейшая борьба с ним сыграли свою роль в деле отвлечения внимания партийных и советских организаций от творческих задач строительства. Бандитизм в 1921-23 г. срывал строительство и этим приносил огромную пользу классовому врагу. Может быть здесь наряду с продналоговой работой мы должны искать некоторое оправдание тому невнимательному отношению к землеустройству, которое было проявлено на первых порах. „Мы знаем примеры, когда председатели исполкомов по целым ночам дежурили с винтовкой в районах, где угрожали бандиты. Мы знали примеры, когда коммунисты в течение месяца жили на казарменном положении и чуть ли не все ночи не ночевали дома. Мы знали примеры, когда чоонцы, раздетые, разутые, в камышах по пояс в воде, целые сутки вылавливали бандитские шайки. Эту борьбу проводили не только красные части, но и беспартийные массы. К отрядам ЧОН присоединилось процентов 50 беспартийных[1]". Ясно, что в таких условиях борьба отрывала основное внимание; она свидетельствует об огромном упорстве организованных кадров кубанского кулачества, против которых поднималась и беспартийная масса иногородних и казачьей бедноты. Борьба была ожесточенная. В марте 1922 г. отчет облисполкома прямо начинался с анализа этого явления. „Прежде всего мы видели явно нарастающую волну бандитизма... На Кубани беспрерывно перекатываются то опускающиеся, то подни-

[1] Бюллетень 5-й конференции. Стр. 11.

мающиеся волны бандитизма, и областкому приходится с первых дней своей работы постоянно бороться с этой нарастающей волной... Мы столкнулись с целым рядом бандитских движений, которые принимали все более и более политическую окраску, выдвигая перед собой лозунги чисто кубанские, самостийнические, а с другой стороны—чисто монархические там, где движение возглавлялось бывшими царскими офицерами. Эти банды невидимой рукой кого то об'единялись из мелких разрозненных шаек в большие об'единения, получались целые контр-революционные отряды, которые, в конечном счете, вылились в знаменитую Кубанскую повстанческую армию, возглавляемую Кубанским краевым правительством. Об'единенные банды, во главе с Марченко и Пржевальским, ворвались в Краснодарский район и на несколько дней создали серьезную опасность для Краснодара[1]". Кулачество, в этой борьбе еще возглавлялось своей политической верхушкой из Рады. Широкие круги врага несомненно добивались бандитизмом дальнейших уступок у советской власти после об'явления нэпа. Этот напор находил свое отражение и в отдельных звеньях местной парторганизации.

Эпштейн в докладе констатировал, что „замечалось, что кое-кто выступал с предложением прекратить всякую классовую борьбу против акционеров и арендаторов"—классовых друзей в городе деревенской буржуазии.

В данный же период была развита колоссальная энергия по сбору продналога, где приходилось преодолевать сильнейшие сопротивления.—„В сентябре все партийные организации превратились в продаппараты, а члены партии—в продагентов. Это в особенности характерно для Тимашевской, Славянской и отчасти Краснодарской, где буквально вся партия жила основной задачей—вопросом продналогом[2]". (Как раз центр Черноморских отделов). Если к апрелю 1922 г. бандитские шайки насчитывали „более 1100 слишком штыков"[3], то к декабрю этого года они сильно разложились, ряд главарей сдался советской власти.

Особенно развито движение было в Ейском отделе, к которому пришлось применить суровые меры „красного террора" и „красный каток прокатился по Ейскому отделу".

С политическим бандитизмом перемешивалось движение, вызывавшееся скверной работой советского и партийного аппарата в ряде мест. Последнее в тех условиях можно было легко использовать врагу. На это указывает обком: „В глухих местах области имело место головотяпство, а это вызывало сплошь и рядом взрыв возмущения, недовольства в слоях казачества".

---

[1] Бюллетень 4-й конференции № 1. Доклад Эпштейна, стр. 8.

[2] Там же, стр. 10.

[3] Бюллетень 5-й конференции, стр. 10.

В 1923 г. волна, вызывавшаяся этими причинами, имела уже большее место, чем открыто политический бандитизм 1921-22 г.г. Враг умело использовал наши ошибки в проведении продналоговой кампании. Так, напр., высокая кондиция, установленная для Кубани, не соответствовала главной массе местного хлеба, благодаря чему в начале кампании 1923 г. продовольственным аппаратом было возвращено хлеборобам до 5.000.000 пуд. зерна, привезенного на ссыпные пункты. Кондиция была снижена, но можно думать, какой политический резонанс в станице вызвал отказ от приема такой массы зерна, в то время как ее другим зерном заменить было нельзя. Так же установили слишком высокий эквивалент замены натуры деньгами. Фактически он явился запретительным эквивалентом. Наконец, площадь обложения превышала фактический засев на 50%. „Эта система обложения больно ударила по маломощным хозяйствам, по хозяйствам тех бедняков, которые получили землю в порядке землеустройства и не могли ее полностью засеять. На эту бедноту налог лег слишком тяжелым бременем, т. к. недосев земли беднотой доходил на местах до 80%“ [1]. Все это приводило к напряженной политической обстановке, в которой соответствующие элементы „ловили рыбу“. Поэтому в 1923 г. отмечался кое-где некоторый рост бандитизма, но уже на несколько иной основе.

Все эти ошибки кулак умел использовать, но уже тогда он начал изменять формы политической борьбы с советской властью. Изменение определилось начавшимися ощущаться результатами новой экономической политики, разгромом основных политических банд и установлением большей связи власти с бедняцко-середняцкими массами. Характернейшей чертой этого поворота является обращение кулачества „лицом к советам“ и к местным комячейкам, попытки завоевания низового государственного аппарата изнутри и обволакивание станичных коммунистов, чтобы через них оказывать влияние на политику. Первые симптомы поворота, ощущавшиеся уже тогда, очень интересны. Они свидетельствуют, что кулак новый путь пытался сделать „генеральной линией“ своей политики на весь период нэпа. Он уже тогда из станицы и камышей перекликался со сменовеховцами, поставившими ставку на внутреннее перерождение советской власти и выбросившими в замаскированной форме лозунг „назад к капитализму“. Кубанский кулак быстрее своих собратьев из других областей и губерний начал ориентироваться в новой обстановке, что доказывается хотя бы тем фактом, что он от наиболее бурного бандитского движения сразу „без передышки“ переходит к новым методам, перевооружается, не оставляя

[1] Бюллетень 7-й конференции. Стр. 48.

конечно „про запас" и обостренную форму в виде организации банд.

Прежде всего обозначалось стремление пролазить в советы и их аппарат: „Это сказалось и на работе наших земорганов, в частности, землеустроительных комиссий, разрешавших часто споры в пользу кулака, а не бедняка и колхоза. Здесь кроется большая опасность"[1]. В ряде мест появились новые настроения среди коммунистов, часто бессознательно подпадавших под влияние кулака. Аболин приводил следующие разговоры со стороны станичных руководителей, которые ему приходилось тогда слышать: „У меня кулачки хорошо работают, выполняют продналог, несут все повинности, а вот с беднотой больше возни", и делал отсюда вывод: „здесь чувствуется, что предисполкома уверен в том, что в своей работе опирается не на бедноту, не на середняка, а на кулака, что именно кулак помогает ему в работе. Такие настроения выявляются, и задача низовых ячеек должна заключаться в том, чтобы суметь эти настроения учесть и провести ту классовую линию, которая была дана на последнем сезде"[2].

Предварительные итоги новой тактики кулачества были подведены через год на 7-й конференции (конец 1923 г.), где представитель Армотдела тов. Михайлов, счел уже возможным говорить „об образовании партийного кулака в станицах", за что получил от одного станичного работника, т. Аношкина, совет: „я бы посоветовал потрясти за полы городских коммунаров"[3]. И тот и другой сгоряча слишком расширили обобщение, но появление подобных разговоров несомненно отражало усиливавшийся кулацкий напор. Развитие кулацкого наступления основной докладчик освещал так: „Наряду с этим (ошибками в продналоговой кампании.—*Н. Л.*) мы имеем рост политической активности кулачества. На прошлой конференции я докладывал, что кулаки стремятся забрать в свои руки различные технические комиссии, земельные и др. В прошлом году казаки не вели штурма на советы. В этом же году во время перевыборов они стремились пройти в советы. В ряде станиц имеем 10—12 списков. Это говорит о том, что активность кулачества выросла, но она еще не организовалась, но организация кулачества не замедлит: в будущем году будет меньше списков, но выступления будут более организованными. Работа будет гораздо труднее". Его дополнил выступавший в прениях тов. Бахчевников из Славянского отдела: „Аболин говорил... об организации кулачества, это верно. Кулачество сорганизовалось, это отмечается почти всеми. Мы знаем, что в этом году в советах мы имеем

[1] Бюллетень 5-й конференции. Из отчета обкома. Стр. 14.
[2] Там же Стр. 15.
[3] Бюллетень 7-й конференции. Стр. 85 и 123.

увеличение коммунистического ядра на 2,7%, но это похоже на Пиррову победу. Положено было все, чтобы провести коммунистов, и вот население ставило вопрос так: если хотите, чтобы население доверяло, то ставьте такого-то"[1]. Здесь оценка доходит уже до „Пирровой победы". Это преувеличение, но было ясно, что основная фигура контр-революции нащупала новый путь, и требовалось в связи с этим и усиление работы в станице в целом и переход к новым методам, которые бы выбивали из рук кулака его маневр и учитывали новую тактику. Мы не имеем сейчас возможности и места приводить больший материал о новых формах классовой борьбы в станицах в это время. Очень интересная задача для специального изучения—проследить по станичным документам это „пробуждение" кулачества.

Вспомним анализ начавшегося под'ема сельского хозяйства, процесса классового расслоения, классовой борьбы, которая разгоралась вокруг экономических мероприятий,—землеустройство, кооп строительство и проч., и мы поймем тогда, что охарактеризованный процесс политической активизации кулачества был результатом всего этого, он, так сказать, „возглавлял" его тенденцию стать гегемоном в развитии хозяйства, подкреплял эту претензию на гегемонию „сменовеховством".

К весне 1924 г. кубанская парторганизация стала нащупывать новые формы и методы работы и гораздо четче ставить вопрос о середняке, как центральной фигуре, борьба за которую составляет главное содержание классовой борьбы с кулачеством. Можно сказать, что под этим знаком прошла 8-я конференция в апреле-мае 1924 г. Материалы ее работы дают возможность сделать обобщение об итогах развития политической борьбы с кулачеством за 1921 г.—лето 1924 г. Характерным показателем форм и содержания этой борьбы в первой половине 1924 г. являются данные о проведенных в начале весны широких беспартийных конференциях по области. Основной задачей перед конференциями стояло завоевание середняка, установление с ним тесной связи. Материалы конференций были обработаны только по Краснодарскому и Ейскому отделам, но это не умаляет ценности их для выводов, поскольку эти отделы характерны для Кубани именно в ее Черноморской части. В „Материалах к отчету областкома" сделаны основные выводы и дана следующая сводка вопросов, которые наиболее ярко выявились: „Конференции по имущественному положению преимущественно середняцкие (по Красотделу на 25-ти конф. бедноты было 32%, середняков 67% и кулаков 5%, служащих 6%, всего делегатов 17.779, из которых 342 жен.—*Н. Л.*); на конференции под видом середняков проникало и кулачество...

[1] Там же. Стр. 49—91.

Сведения с мест рисуют работу конференций, как удачную и значительную. Центральным вниманием пользовались вопросы сельхозземлеустройства и кооперации, при обсуждении которых наблюдались моменты обострения между кулачеством, с одной стороны, и бедноты с середняками, с другой (часть последних иногда становилась на позицию кулачества). Кулачество держало себя особенно активно. Суть его выступлений сводилась к трем основным моментам: а) ропот на „крестьянское", а фактически свое „бесправие" и одновременно жалобы на налоговые и др. тяготы; б) желание дискредитировать местные хозяйственные и кооперативные учреждения, с одновременным выпячиванием на первое место вопроса „ножниц"; явное желание подорвать доверие к советской власти и в) борьба за свои экономические интересы в вопросе о землеустройстве. Все эти выступления, а также постановка ими вопроса о „союзе хлеборобов" выявляют истинные стремления экономически окрепшего кулачества подчинить своему влиянию бедняка и середняка и через их голову проводить свою политику. Желание дискредитировать кооперацию выявляет наличие экономической связи кулачества с торговой буржуазией". Эти выводы говорят о том, что кулачество, получив первый отпор в своих поползновениях пролезть в советский аппарат, теряя позиции в сельхозкооперации, действительно перешло в новую фазу своей политической организованности, выдвинув лозунг, знакомый нам еще по 1917 г.,—создание „союза хлеборобов" для отстаивания особых интересов крестьянства. Необходимость оформления подобной организации аргументировалась ссылками на город и профсоюзы, на бесправие крестьян, на „ножницы", как явление, являющееся следствием именно этого „бесправия". Основной тон—критика с пристрастием по линии экономического положения и хозяйственной политики. Цель—борьба за овладение середняком, за отрыв его от власти, за противопоставление интересов последнего пролетариату. Вывод—создание особой крестьянской организации. Аболин был прав, предсказывая: „кулаки еще достаточно не организовались, но организация их не замедлит".

Все же основной факт, который подчеркнула работа конференций, более или менее устойчивое настроение середнячества в пользу советской власти. И в отчете областкома этот вывод формулировался как основной политический итог работы: „Если в предыдущих отчетах мы считали мерилом настроения казачества количество банд в нашей области, то сейчас мы измеряем политическое настроение крестьянства другим мерилом. Мы измеряем сейчас той степенью помощи, той степенью содействия, которое оказывает нам казачество. Мерилом являются с'езды советов, беспартийные крестьянские конференции" [1]. Кубань вместе со всем Союзом вступала в разгар восстановительного периода нэпа.

Собственно, на этой партийной конференции впервые на Кубани во всю ширину был поставлен вопрос о политике в станице в связи с нэпом, с процессом расслоения и политическим оживлением кулачества, проявляющимся в новых формах. Данная проблема рассматривалась в особом пункте порядка дня и доклад делал секретарь областкома. В основу доклада был положен тезис о борьбе двух путей в социально-экономическом развитии станицы. Особенно подчеркнута задача кооперирования населения, как центральное звено, за которое нужно было уцепиться. Здесь же было заострено внимание на необходимости диференцированного подхода к кулачеству и зажиточному середняку. „Рассматривать огульно зажиточного крепкого крестьянина, как кулака, с которым нужно вести борьбу,—неправильно. Трудовой землепользователь не кулак",—так было сформулировано в резолюции о работе в деревне. Тот самой „фельдмаршальский жезл", которым восхищался Клейнер, относится к этому периоду. Он свидетельствует о некотором увлечении ряда партийцев, ибо резолюция требовала не смешивать зажиточного середняка с кулаком и поэтому не распространять на него отношения к кулачеству, но она не превращала крепкого середняка в „фельдмаршальский жезл".

Докладчику, отчитывавшемуся за работу областкома, была подана записка: „Каким должен быть станичный коммунист, какую роль он должен играть, должен ли он стать организатором коллектива или показательным хозяином? Не будет ли последний момент угрожать партии?" Ответ был дан: „Я думаю, что лучше всего для коммуниста, если он сможет стать организатором коллектива. Выращивать ростки социализма—дело коммуниста... одного мы не можем сказать, что те товарищи, которые поднимают культурное показательное хозяйство, не эксплоатируя чужого труда, и которые выполняют остальные обязанности коммунистов,—являются плохими коммунистами. Наши задачи—вести пропаганду в деревне всеми возможными мерами... Ясное дело, если такой член партии обрастет, оторвется от партии—он должен быть исключен". Вопрос о середняке был в заключительном слове особенно подчеркнут: „В настоящее время мы должны особо иметь в виду интересы середняка и применительно к экономике середняка продолжать строить нашу сельско-хозяйственную экономику" [1].

Борьба за середняка, и еще раз борьба за середняка,—красной нитью проходит через работу конференции. Мы можем сейчас, postfactum оценивая основные линии развития станицы за те годы, констатировать: итог был подведен правильно, указание на „звено" верно и ближайшая перспектива схвачена

[1] Бюллетень 8-й конференции, стр. 15.

отчетливо. Подтверждение мы находим в тогдашнем поведении классового врага. Кулак тоже цеплялся за то же звено и в его политике середняк определял тактические маневры 1924 г. Последние подчас удавались между прочим и благодаря недооценке тогда землеустройства, как социально-политического мероприятия, рядом организаций.

Закончим анализ развития кубанской станицы за 1921—24 г.г. освещением положения с ростками социалистического хозяйства в станице, с производственным кооперированием—сельхозкооперация и колхозы. О кулацком засилье в сельхозкооперации в начале периода уже отмечалось. В 1922 г. ставился вопрос о чистке сельхозкооперации (которая и была проведена в 1923 г.). Докладчик о кооперации на 7-й партконференции квалифицировал состояние ее к началу 1923 г. „чрезвычайно упадочным". „Рост начал обозначаться только с этого года, выражением которого могут служить цифры о выдаче ссуд с.-х. товариществам—в начале года на 5.000 червонцев, в конце—на 65.000 черв. или 50.000 руб. и 650.000 руб.; о росте паевого капитала—в марте $1^1/_2$ тысячи черв., 1 июня—$2^1/_2$ тыс. черв. и 1 сент. 55 тысяч черв.; об охвате хозяйств в начале года—38.000, в конце—48 000" [2]. Большой рост паевого капитала, обгонявший темп вовлечения хозяйств в кооперацию, является результатом улучшения организационной постановки—лучше стали собирать паи,—и конечно уделения большего внимания с.-х. кооперации со стороны государства, что отражалось на отношении к ней населения. Но сельхозкооперация, как известно, стремилась заниматься торговыми операциями, увлечение которыми в ущерб основной функции отмечалось в докладе. Вместе с колхозами—артелями и коммунами,—входившими в состав сельхозкооперации, последняя охватывала тогда 10% всех хозяйств и стояла на третьем месте после Дона (23,6%) и Ставрополья (18,1%). В отношении колхозов дело обстояло плохо. „Мы знаем, что наши коммуны, артели и колхозы переживают период развала из-за стремлений к индивидуальному хозяйству и по многим другим причинам. Что мы делали в этом отношении? Мы делали мало, как кооперация, так и парторганизация. Мы привыкли смотреть на коммуну, колхозы и артели, как на собезные учреждения... Мы привыкли встречать, что в коммунах недостаточно правильно поставлена работа и что плохо работают там и наши комячейки... При таком положении вещей, какое есть сейчас, когда на 80 тыс. дес., находящихся в распоряжении колхозов и коммун, половина не засеяна, а вторая половина засевается и обрабатывается хуже, чем в индивидуальном крестьянском хозяйстве,—мы далеко с колхозами

[1] Бюллетень. Стр. 59—56.
[2] Бюллетень. Стр. 197.

не уйдем". Докладчик предлагал усилить внимание к ним, пересмотреть состав, „выбрать наиболее жизненные... остальные может быть распустить". Эта директива была записана в резолюции конференции Кубсельсоюзу.

Посмотрим, однако, данные о движении колхозов за рассматриваемый период в целом. Линия развития этих об'единений носила „извилистый" характер. По данным доклада о работе в деревне до 1922 г. наблюдался довольно быстрый и стихийный рост: в июле 1920 г.—2 артели, в конце 1920 г.—56 коммун и артелей, в июле 1921 г.—299, в январе 1922 г.—600. Затем произошел резкий скачок вниз и на январь 1923 г. имелось—240, из которых 125 коммун и 115 артелей (за 1923 г. все же возникло новых 7 артелей и 8 коммун, отсеялось 76) [1]. Этот скачок об'яснялся тем, „что происходит процесс отсеивания наиболее устойчивых коммун", произошла „естественная чистка коммун и артелей" от случайного элемента, который „затесался туда... спасаясь от реквизии, конфискации и проч". Такое об'яснение имело основание, ибо известно, что кулачество раньше вступало в колхозы, чтобы укрыть свой инвентарь. И конечно при нэпе оно постаралось освободиться от такой, несвойственной ему „одежды". Но это явление не покрывало всех причин.

Интересно сообщение, которое приводит в своей книге Гольдентул: „Мы беседовали с некоторыми делегатами на 7-й облпартконференции, хорошо знакомыми с жизнью колхозов. Товарищ Черненков (Гулькевичи, Кавотдел) говорит, что нет организаторских сил. Строгая дисциплина: „Куренка нельзя зарезать". Одолевают бабы. Тов. Гаазе (Майкоп. отд.) считает, что мучают „ножницы"; неважно отношение со стороны земельных отделов. Все делегаты, однако, говорят, что питание лучше в колхозах, чем в личных хозяйствах. В культурном отношении жизнь тоже лучше в колхозах". Следовательно, здесь сказывалось и недостаточное внимание и индивидуалистическое стремление к единоличному хозяйству, которое не могло не иметь места в обстановке первых лет нэпа. Между прочим тот же автор приводит более подробную и точную таблицу движения коллективных хозяйств и, самое важное, дает в ней отдельные цифры о развитии коммун и артелей. Они вносят существенный корректив в данные, которыми оперировали на партконференции. По этим цифрам получается, что коммуны проявили гораздо большую устойчивость по сравнению с артелями, которых за одну весну 1923 г. уменьшилось в 3 раза. Вот оба ряда по датам, которые приведены были в резолюции: артели—июнь 1920 г. 2, октябрь—103, январь 1921 г.—252, январь 1922 г.—509, июнь 1923 г.—144, конец 1923 г.—82, коммуны—октябрь 1920 г.—20, январь 1921 г.—

[1] Бюллетень 8-й конференции. Стр. 129.

40, январь 1922 г.—91, июнь 1923 г.—162, конец 1923 г —121 [1]. Коммуны увеличивались в то время, как артели падали. Преобладали мелкие колхозы—68%. Состав их был таков: 74% крестьян, 15% казаков, красноармейцев 4%, вдов красноармейцев 7%. На душу населения в колхозах в среднем имелось 3,4 дес. земли, 2,2 дес. пашни. Важна справка—было больше половины колхозов, где нагрузка на мертвый инвентарь превышала нормальную в 2, 3, 4 раза. Все данные относятся к середине 1923 г. Вот картина первых зародышей будущего бурного колхозного движения. Конечно, в условиях начала восстановительного периода на широкое развитие они рассчитывать не могли. Интересно бы было изучить, сколько этих „потомственных" колхозников сохранилось до 1928 г. 8-я конференция призывала к внимательному и заботливому отношению к „коллективистической кооперации" как со стороны кооперативных органов, так и партии и власти. Аболин в заключительном слове говорил: „Мне, товарищи, слышится иногда и в этом вопросе уклон. Когда товарищи говорили о коллективах, коммунах и артелях, мне казалось, что коллективы хороши уже потому, что они коллективы. Но мы так вопрос не ставим. Мы говорим, что коллектив лучше мелкого крестьянского хозяйства, потому что он оберегает труд, что он выгоднее, чем мелкое хозяйство. А поскольку это так, если он будет выгоднее, если он будет поднимать производительность труда, значит будущность этому коллективу обеспечена. Так стоит вопрос, и только под этим производственным углом зрения, но отнюдь не под поповским углом" [2]. Тогда была пора, когда конечно к бурному росту коллективов социально-экономическое развитие не подошло—предпосылок не было создано. К коллективу подходили, исходя подчас из следующей мысли: „Основной линией остается линия кооперирования, при чем основные массы крестьянства кооперируются не через артели и коммуны, а через более простые формы кооперации" [3].

На переломе от первого ко второму этапу соотношение классовых сил было таково: кулачество уже получило первое поражение в своей политике, рассчитанной на завоевание советов изнутри, на перерождение аппарата и проч.; окрепнув экономически, питаясь развертывающимся классовым расслоением, оно быстро организуется и переходит к тактике „пристрастной" критики экономических недостатков, волновавших крестьянина—„ножницы"; кулачество сумело использовать первые шаги по землеустройству для оживления сословной розни, но апогей

[1] Гольдентул. Стр. 78, цифры „конец 1923 г." взяты из примечания на стр. 79.
[2] Стр. 112.
[3] Стр. 190. Доклад Аболина.

кулацкой работы вокруг этой кампании будет падать на следу
ющий этап; на посту защиты „крестьянских“ интересов, за „сою
хлеборобов“—вот характерная черта политической позиции ку
лачества именно в 1924 г. Экономически закабаляя бедноту, он
стремилась действовать через нее. А главным об'ектом ег
„цепких лап“ являлся середняк. Кубанская парторганизация во
время заметила эту эволюцию тактики и перешла к решитель
ной борьбе за середняка. Осенью 1924 г. Кубань вплотную под
ходила к осуществлению лозунга „лицом к деревне“.

ГЛАВА IV.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД И „СОВЕТИЗАЦИЯ КАЗАЧЕСТВА".

(Осень 1924 г.—конец 1927 г.).

1. Восстановление хозяйства, классовое расслоение и социально-экономические преобразования.

Начало проведения в жизнь лозунга „лицом к деревне" открывает новую главу в советском развитии кубанской станицы. Эта глава наполнена борьбой двух путей, выявлявшейся в ожесточенной классовой борьбе, в условиях восстановительного периода. К концу ее все развитие подвело к новой ступени, характеризовавшейся началом социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Начало второй главы совпадает с изменением административных границ Кубани, имевшим, помимо экономического, глубокое политическое значение. Районирование превратило область в округ, отрезало от него бывшую Черноморскую губ., Майкопский, Армавирский, Кавказский отделы и часть Ейского. Это разрывало на части быв. область, раз'единяло „казачье сословие", чем несомненно затрудняло игру на сословных пережитках для кулацкой верхушки и облегчало, с другой стороны, борьбу за изживание их для советской власти. Все значение районирования, как одного из факторов, затруднявшего политические маневры кубанского кулачества в полосу решительного столкновения, сказалось позже, и этим полностью оправдало его политический смысл. В свете такой оценки становится совершенно ясной ошибочность позиции группы местных работников, стремившейся провести другой план районирования с краевым центром на Кубани. Это была отдаленная и невольная дань знаменитой самостийности, ибо разрешение подобного плана меньше бы политически ослабляло кубанское кулачество,

ставило бы центр краевой власти в непосредственную близость к наиболее мощному кулацкому слою края и в отдаление от основной пролетарской базы на С. К., сложившейся исторически. Но если сведение Кубани в округ в том виде, как это произошло, было политически выгодно пролетарскому государству, то это не значит, что мощь кулачества внутри вновь образованного округа механически уменьшалась. Необходимо помнить, что в округе остались как раз наиболее кулацкие районы, с наиболее активными интеллигентскими кадрами, бывшие оплотом самостийного движения, где иногородних имелось хотя меньше, но сословная рознь была обостреннее. Свое „славное прошлое" кулак-черноморец не желал забывать, что он и доказал в последующей борьбе.

Подойдем к анализу этой борьбы с освещения дальнейшего процесса общего развития сельского хозяйства за 1924—27 г.г. Попробуем проследить общую оценку его состояния по материалам партконференций. В ноябре 1925 г. на 2-й конференции: „Мы имеем сейчас, как достижение, прежде всего, количественный и качественный рост сельского хозяйства... Мы теперь каждый день слышим сплошной вопль из деревни: дайте машину, дайте трактор!... Народное хоз-во Кубокруга в его основных отраслях находится на пути к восстановлению и дальнейшему развитию"...[1] В конце декабря 1926 г. на 3-й конференции: „Теперь можно сказать, без особых научных изысканий, о состоянии сельского хозяйства—это очевидно каждому, что сельское хозяйство чрезвычайно возросло и не только стабилизировалось, но и сверх этой стабилизации имеет место дальнейший рост... Какие же нужно сделать выводы о росте нашего хозяйства? В двух пунктах их можно формулировать: 1) факт роста налицо, он неоспорим; 2) темп роста, по сравнению его с темпом роста в стране и в нашем крае, медленнее, чем в крае и чем в стране... В истекшем году, благодаря понижению урожайности, сельское хозяйство, давшее некоторое снижение валовой продукции со 125.211 тыс. до 116.800 тыс. и товарности с 52.018 т. до 39.569 тыс. в сравнении с прошлым годом (особо благоприятном по урожаю) все же в отдельных частях имеет некоторое достижение, выражающееся: а) в увеличении посевной площади (на 7%), особенно основной культуры (пшеницы); б) в росте количества рабочего скота (на 6%); в) в расширении завоза машин, орудий и в частности тракторов и г) в развитии применения агро-культурных мероприятий"[2]. В ноябре 1927 г. на 4-й конференции:

---

[1] 2-я Кубокрконференция ВКП(б) (18—23 ноября 1925 г.). Стенотчет. Бюллетень № 4. Стр. 1-2. Отчет окружкома, бюллетень № 7, стр. 27 (Резолюция о хозположении.)

[2] 3-я Кубокрконф. ВКП(б), (26-XII—1926г.—1-I—1927 г.), стр. 82 (отчет окружкома) и стр. 260 (рез. о хоз. пол.).

„Хозяйственное положение Кубанского округа с начала 1927-28 операционного года в основном характеризуется приближеиием к окончанию восстановительного процесса как в сельском хозяйстве, так и в промышленности... Вместе с тем, за последние годы темп роста хозяйства округа по главным показателям имеет относительную отсталость по сравнению со среднекраевым"[1].

Из этих оценок не трудно видеть, что неуклонно развертывавшийся восстановительный процесс не дошел вплоть до 1928 г. до довоенного уровня на 100% („приближение к окончанию"), отставал в темпе от края в целом и проходил в противоречивой форме. Очевидно эта противоречивость роста производительных сил, задержка его темпа имела не только временные, преходящие причины, но и коренилась в чем-то более органическом, вытекавшем и из местных особенностей. Обратимся к статистическим данным, характеризующим „количественный и качественный рост" сельского хоз-ва за эти годы. Прежде всего посевная площадь. Движение ее проходило все время под знаком восстановления:

Годы:	В %% к 1913 г.	Темп увелич. к пред. году.
1924	71,0	100,0
1925	83,2	117,1
1926	86,1	103,1
1927	89,2	103,6

Последний год, не догнав довоенного уровня, дал на 19% выше 1916 г. По данным окрисполкома, посевная площадь за 1927 г. достигла уже 96% к 1913 г., т. е. была выше, чем это показывала приведенная таблица, взятая из материалов окружкома к 4-й конференции[2]. Интересно выяснить—изменилось ли и как соотношение культур по сравнению с довоенным периодом. Ответ на этот вопрос покажет степень интенсификации сельского хозяйства.

Уже по предыдущим годам отмечалось увеличение удельного веса технических культур. Эта тенденция выявилась теперь гораздо резче. Не будем приводить здесь полную таблицу[3] из отчета окрисполкома. Укажем только выводы из нее: в 1927 г. сильно увеличился удельный вес пшеницы озимой (38,4% и 47,3% к обще-посевной площади), в четыре раза поднялся удельный вес кукурузы, в два раза подсолнуха. Та же примерно картина с другими техническими культурами. Словом, в то время,

[1] Резолюции 4-й Кубокрконференции ВКП(б) (15—20 нояб. 1927 г.). Стр. 11 (из рез. о хоз. задачах).

[2] В отчете окружкома к 5-й конференции (1929 г.) тоже приведены более высокие цифры: 1926 г.—94,2%, 1927—95,5%. Стр. 5.

[3] Отчет окрисполкома за 1927-1928 г. Краснодар, 1929 г. Стр. 7.

как пропашные культуры поднялись в целом от 11% до 21,7%, т. е. увеличились вдвое, зерновые снизились на 10% против 1913 г. Дальше увидим, что в 1928 г. это соотношение еще больше изменилось благодаря снижению зерновых культур. Окружком осенью 1927 г. в своих материалах писал: „В области сельско-хозяйственного производства определенно намечается сдвиг в сторону усиления значения... промышленно-технических и специальных трудоемких культур и следовательно поставленная задача об увязке с.-х. производства с потребностями нашей промышленности и рынков постепенно осуществляется“ [1]. Цифр о сокращении площади посева под зерновыми культурами и об урожайности окружком в конце 1927 г. в своем отчете не указывает. Эта проблема осталась в нем обойденной, хотя в устном докладе на 4-й конференции падение урожайности отмечалось.

Движение посевной площади под зерновыми дало в 1927 г. снижение по отношению к 1926 г. (73,5% и 71,7% по отношению к общей массе по всем культурам). Урожайность была низка по сравнению с довоенной и обнаружила неуклонное падение. Средняя урожайность яровой пшеницы в пудах с гектара за 10 лет: 1906—1915 г. была 53,7%, в 1925 г.—43,3%, в 1926 г.—38,5% и в 1927 г.—23,6%. Почти та же картина с озимой: раньше—58,2%, в 1925 г.—66,5%, в 1926 г.—57,9% и в 192 г.—36,4%, и так со всеми культурами, исключая кукурузу[2]. Очень важно отметить, что средняя урожайность в колхозах за 1927 г. выше по всем культурам по сравнению с единоличными хозяйствами: яровая пшеница 55,0 и 23,6, озимая—81,5 и 36,4 и т. д. Падение урожайности приводило к резкому снижению товарной части зернового баланса округа, что видно из следующих цифр (в процентах к 1913 г.): продовольственные зерновые 1924 г.—56,0, 1925 г.—91,7 (рекордный год по урожаю), 1926 г.—79,5 и 1927 г.—57,3; кормовые зерновые: 1924 г.—11,8, 1925 г.—59,2, 1926 г.—27,5, 1927 г.—4,7. Снижение чрезвычайно резкое, его нельзя не поставить в связь с систематическим падением урожайности. Все эти данные, которых мы не находим в письменных материалах окружкома к конференции 1927 г., не могли бы внушить того эпического довольства по поводу „сдвига“ в сторону трудоемких культур, которое бросается в глаза при чтении материалов. Правда, в резолюции о хозяйственном положении округа, принятой 4-й конференцией, указывалось, что внимание должно быть направлено „на всемерное расширение площади посева зерновых культур, на поднятие урожайности десятины посева (обнаружившей падение за последние годы), на увеличение валовой продукции полеводства и товарности хлебо-

[1] „Год работы“. Матер. к 4-й конф. Красн. 1927 г. Стр. 17.
[2] Цифры взяты из отчета окрисполкома за 1927-1928 г. Стр. 7.

фуражного баланса в целях развития экспорта и снабжения сырьем перерабатывающей промышленности". В 1928 г. эта проблема несколько с запозданием будет поставлена гораздо резче, по-боевому, инициативой Краевого комитета партии.

Нельзя, конечно, падение урожайности об'яснять только стихийными бедствиями. „Замедление темпа" имело более глубокие причины. Чрезвычайно низкая техника культуры возделывания хлебов выявляла свою роль в этих цифрах об урожайности. Она же упиралась не только в агро-неграмотность, но и в ряд других вещей и в том числе в „наследство" от дореволюционного строя станицы. Низкая производительность зернового хоз-ва коренилась „в самом строе крестьянского хозяйства, с его экономическим неравенством (расслоение), сильнейшей раздробленностью и измельчанием и скверной землеустроенностью (дальноземелье)". Другими словами, данная проблема была теснейшим образом связана с теми социальными процессами, которые происходили в станице, с той противоречивостью социальных форм, в которых развивались производительные силы. Это была оборотная сторона одной и той же медали—борьбы двух путей развития в сельском хозяйстве.

Посмотрим еще другую отрасль сельского хозяйства—животноводство и общую валовую продукцию. Темп восстановления животноводства по всем видам его отставал от темпа роста посевных площадей. Вот цифры тоже в процентном отношении к 1913 г.[1]:

	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Рабскот	59,0	63,3	69,0	72,7
Рогатый	64	73,7	74,0	74,3
Молочный	75,2	87,0	84,2	86,1
Свиноводство	76,7	67,5	66,6	81,4

Почти в уровень с посевной площадью идет только молочный скот. Особенно отстает рабочий скот, что бросает свет на одну из важнейших причин низкой производительности хоз-ва—до 40% не имело тягловой силы. Укажем здесь же, что половина с лишним хозяйств с посевом до 10 дес. не имела пахотных орудий[2]. „Тесно связанные с состоянием зернового хозяйства, все отрасли животноводства переживали его судьбу". Выше были указаны данные о товарности кормовых зерновых—они содержали более низкий ряд цифр по сравнению с продовольственными зерновыми. Связь с развитием полеводства резко

[1] „Год работы". Матер. 4-й парт. конф. Стр. 16. В отчете окрисполкома имеется более высокая цифра на 1927 г.—лошади рабочие и волы—81,5%. Стр. 10.

[2] См. таблицу о количестве хоз-в без плугов по посевным группам в ст. Барышева „Социалистическое строительство в деревне" в журн. „На аграрном фронте" № 4—1928 г. Стр. 8.

бросается в глаза. Таким образом и этой области та же закономерность—замедленный темп.

В итоге вся валовая продукция сельского хозяйства в 1927 г. была на 17,7% ниже продукции 1913 г., товарная — на 38,5%. При чем зерновые культуры давали больше снижения, чем животноводство.

Следует здесь же привести справку о ходе машинизации округа. Сельско-хозяйственных машин и орудий было ввезено на сумму: в 1924-25 г.— 792.575 руб., 1925-26 г.—756.366 руб., в 1926-27 г.— 2.097.000 руб. Движение тракторов: 1925 г.— 429, 1926 г.— 702, 1927 г.— 791 [1]. Указанная выше цифра о проценте безтягловых хозяйств — 39,5 — высчитана из учета этих данных.

В общую характеристику развития сельского хозяйства необходимо внести еще один момент—неравномерность в росте между отдельными районами внутри округа. Особенно это относится к контрасту между равнинной и закубанской частью — экономически бывшей менее мощной и до революции, в силу особых природных „горных" условий. Там складывалась в 1925 г. тяжелая хозяйственная обстановка, ибо трудоемкость основных отраслей— плантации, сады, виноградники, лес—требовала больших затрат капиталов на свое восстановление. Эта неравномерность отмечается затем во все последующие годы.

Фактором, сыгравшим огромную роль в социально-экономическом развитии кубанской ст-цы в рассматриваемые годы, являлось землеустройство. Кампания по землеустройству представляла „пожалуй основное содержание хозяйственной работы нашей парторганизации в ст-це... на протяжении последних 3-х лет" — писалось в конце 1928 г., хотя в декабре 1926 года в резолюции 3-й конференции отмечалось: „Стремиться решительно изжить пассивность партячеек в вопросах о землеустройстве при наличии огромных споров между отдельными группами населения". Медленно раскачивалась парторганизация в деле привлечения действительно центрального внимания к проведению землеустройства. Это было написано тогда, когда уже 4 года шло завершение аграрной революции на Кубани. Отложим рассмотрение классовой борьбы вокруг этой кампании, остановившись сейчас только на экономической стороне вопроса. Без нее нельзя будет понять ряд моментов в процессе классового расслоения станицы в эти годы и конкретные условия, определившие те, а не иные общие итоги. Землеустройство—не просто раздел земли и уравнение. Оно — важнейшее звено в организации новых аграрных отношений, изменяющих весь процесс сельско-хозяйственного производства. Через землеустройство власть воздействовала на систему организации этого производства, создавая благо-

[1] Отчет окружкома 5-й партконференции, 1929 г. Стр. 10-8.

приятные условия для развертывания обобществления. Мы уже видели, как начали проводить землеустроительные работы на Кубани. На сколько лет растянулся этот процесс и каким темпом он развивался—говорят следующие цифры о наделении быв. иногородних[1]:

В 1922 г.	наделено	58.630 д.	13%
В 1923 г.	„	72.160 д.	16%
В 1924 г.	„	58.630 д.	13%
В 1925 г.	„	76.670 д.	19%
В 1926 г.	„	63.140 д.	14%
В 1927 г.	„	103.730 д.	23%
			98%

К октябрю 1927 года было наделено 98% иногородних, имевшихся в округе. 95% от всей земельной площади округа было землеустроено (межселенное и внутриселенное)[2]. До 40% всего земельного фонда было передано в руки бедняцкой части населения, что создало одно из важных условий для высвобождения его из-под влияния кулацко-зажиточного сектора. Таким образом, все население получило трудовые наделы и было достигнуто уничтожение безземелья (в округе безземельное население составляло до половины населения—около 500 тысяч душ). Прирост хоз-в по округу очень велик: в 1926 г. было 175 тыс. хоз-в, в 1927 г.— 240 тыс. хоз-в, т. е. увеличение на 37%. По сравнению с 1916 г., имевшим 186 тыс. хоз-в, в 1928 г. было 268 тыс.—прирост на 43%[3]. Это—огромное завоевание, борьба за него началась в 1917 г. Но оно не могло быть закреплено без новых социально-экономических мероприятий, ибо, во-первых, прирост хоз-в шел за счет безынвентарных и, во-вторых, приводил к сильнейшему измельчанию хозяйств.

Как уравнение в землепользовании ударило по кулацко-зажиточному сектору и кто от него выиграл? Здесь мы подошли к знаменитому экономическому неравенству между казаками и иногородними, к сословным привилегиям всего казачества. Какой процент казаков потерял на землеустройстве? Эта цифра очень важна — она дает ответ на вопрос, действительно ли все казачество экономически теряло от революции. Исходя из приведенных в первой главе данных о неравномерности землепользования казаков, разработанных на основе материалов сельско-хозяйственной переписи 1917 г., высчитано, что 50 % казачьего населения „не только не проиграли от землеустройства, но даже выиграли

[1] „Год работы". Стр. 18.

[2] По данным Барышева — „На аграрном фронте" № 4—1928 г., стр. 4. В отчете окрисполкома указаны следующие цифры: „До 1927 года внутриселенное землеустр. проведено на 65,8% и за 1927-28 г. на 31,1%". Стр. 21.

[3] Отчет 5-й конференции. Стр. 12.

от него". Средняя норма надела на одного едока по землеустройству — 2,3 дес., т. е. равна среднему количеству пашни на душу казачьего населения до революции [1]. Явно проиграла от землеустройства группа казачьих хоз-в, имевшая до революции свыше трех паев, т. е. 21,5% хоз-в с 32% казачьего населения; двухпайные же хоз-ва — 28,5% имели до революции в среднем на душу больше только на 0,1%. Землеустройство сыграло огромное значение в устранении экономического неравенства между казаками. Эта картина „расчистки земель" — грандиозный переворот в земельных отношениях. Но он еще не был социалистическим преобразованием, а являлся только подготовительным этапом к нему, ликвидировавшим несоответствие задачам социалистического переустройства аграрных отношений, покоившихся на земельном неравенстве.

Углублением этой подготовительной роли землеустройства являлся курс на уничтожение дальноземелья для бедняцких хозяйств, путем отвода для них ближайших участков к станице. Это не было выдержано в 1922-23 г., но проводилось в последующие годы. Данный момент входит составной частью в систему мероприятий по перестройке форм землепользования, получивших название „углубленного землеустройства". Эти мероприятия производили дробление крупных земельных общин на мелкие земельные группы с частичным поселкованием. „Земельная группа строится, как зародыш обобществленного хоз-ва... Вся крестьянская масса группируется с таким расчетом, чтобы земельная группа, состоящая пока из индивидуальных хоз-в, была вполне подготовлена к постепенному обобществлению" [2]. Условия крупной общины были единственными, в которых проходило землепользование до землеустройства (98% всех трудовых земель). В результате взятого курса на развитие коллективных форм землепользования через организацию мелких общин к концу 1927 г. получилась такая картина [3]:

1.	Земель в условиях крупно-общинного землепользования	70,9%
2.	„ мелко-общин. землепользования (не более 100 дв.)	26,2%
3.	„ коллективного землепользования	20%
4.	„ участкового землепользования	0,9%
		100%

В общем переход на рельсы углубленного землеустройства по другим данным (отчет окркома 5-й конференции) охватил к

[1] См. сборн. постановлений расширенного пленума Кубокружкома ВКП(б) от 20—22 февраля 1925 г. Стр. 39 и „Год работы" Стр. 319-320.

[2] „На аграрном фронте" 1928 г. № 4. ст. Барышева. Стр. 5.

[3] „Год работы". Стр. 19. В отчете окрисполкома указано: „Дробление круп. общ. на поселки части селений и хозяйст. группы проведено к 1927 г. на 26,1%, за 1927-28 г. на 26,8%". Стр. 21.

1927 г. 47,8% общей площади трудового пользования. По этой же линии „углубления" шла работа по введению многопольного севооборота (к концу этапа 38% всей земли было охвачено им), что тоже не могло не влиять стимулирующим образом на развитие обобществления. К 1928 г. имелось завершение основного землеустройства и развернуто было почти наполовину углубленное. Это—огромный сдвиг в социально-экономических отношениях в станице.

В процессе кампании по землеустройству жизнью выдвинута была другая проблема, непосредственно вытекавшая из первой. „Два года тому назад основной задачей было землеустройство, теперь мы провели его. Встает другая задача, вытекающая из первой, это — полученную землю беднотой и маломощными середняцкими слоями хозяйственно за ними „освоить", придать этой полученной земле определенный хозяйственный облик. А это значит — эту землю в руках бедноты и всех маломощных инвентаризировать. Это—важнейшая очередная задача. Она до сих пор, конечно, не выполнена. Поэтому беднота вынуждена полученную землю сдавать в аренду. 11% сдают землю полностью, 40% всех хозяйств сдают землю частично". Это было сказано в отчете окружкома в декабре 1926 г. Правда, по части темпа проведения землеустройства здесь несколько переборщено — оно к 1927 г. еще не было проведено. Но это только доказывает, что инвентаризация сплеталась с землеустройством в одно неразрывное целое, вытекая, конечно, из него. Реализация тех экономических выгод, которые получали беднота и маломощные середняки от землеустройства, определялась владением определенных средств производства, которых у них не было, — они находились у кулацко-зажиточной верхушки. Таким образом, перераспределение земель неизбежно должно было вести за собой перераспределение основных средств производства — скота, сельхозорудий, машин, иначе аграрная революция не могла привести к победе социалистической линии развития. Но инвентаризировать бедноту и маломощного середняка без развертывания обобществления производства—проблема не разрешимая и, даже если абстрактно допустить ее возможность, не идущая по руслу внедрения социалистических элементов в станицу. Отсюда — „к земельным группам, как зародышам обобществленного хоз-ва, чтобы они не засохли и не распались, мы должны добавить инвентарь... Группу индивидуальных хозяйств, устроенных на одном земельном участке, мы должны обобществить инвентарем"[1]. Так ставилась проблема. Из нее вытекал план инвентаризации округа, который начал проводиться с конца 1927 г. Он представлял собой решительный перелом в сторону активизации политики по

[1] „На аграрном фронте" № 4. 1928 г., стр. 7.

оказанию помощи бедноте и решительному воздействию на пути развития сельско-хозяйственного производства. Бороба за инвентарь так же, как борьба за повышение урожайности, становилась вопросом классовой борьбы между социальными носителями двух путей развития.

Кубань вплотную подошла к задачам социалистической реконструкции. В ноябре 1927 года 4-я партконференция в своей резолюции о хозяйственных задачах округа констатировала неотложность этого поворота, вытекающего из необходимости борьбы за расширение площади под зерновыми посевами, за повышение урожайности и товарной части хлебо-фуражного баланса и увеличения снабжения сырьем перерабатывающей промышленности, словом, за дальнейший рост производительных сил. Тогда это было сформулировано так: „Указанная задача в условиях окончания основного землеустройства округа, когда свыше ста тысяч десятин хоз-в бывшего безземельного населения наделено землей, упирается в необходимость реконструкции сельского хозяйства путем инвентаризации последнего (снабжение тягловой силой, машинами и орудиями), главным образом, бедняцко-середняцких хозяйств, в первую очередь в районах, где прошло углубленное землеустройство, на принципе широкого кооперирования"[1]. Здесь еще нет той четкой постановки, которую дал XV партс'езд, „вперед к коллективному земледелию". Но этот лозунг уже стучался в дверь. Отсюда удобнее всего перейти к анализу процесса классового расслоения. Рассмотрение его мы остановили на середине 1924 г. Оценка, покоившаяся на тогдашних статистических разработках, сводилась к отмечению быстрого роста темпа зажиточных и бедняцких слоев и некоторого уменьшения середняка. Как будто бы он в первые годы нэпа (1922-23 г.) начал „вымываться". Получалось, что основная закономерность и в советских условиях та же, что и при капитализме.

Интересующий нас период оформил процесс классовой дифференциации на почве нэпа и поэтому он дает материал для более солидного и обоснованного заключения и по Кубанским данным. 1924—27 гг. были временем специального научного изучения классовых сдвигов в советской деревне. Получились более точные данные, которые далеко оставили позади кустарные приемы изучения 1921—23 г.г., когда безраздельно господствовала традиция методов официальной дореволюционной статистики с ее „площадями и скотом". Стали вырабатываться новые приемы, которые бы охватили, „уловили" то новое, специфическое, что происходит в этом процессе в условиях советской экономики и политики. Эти приемы выросли в целую систему методологии исследования классовых группировок в крестьянском хо-

[1] Резол. 4-й Кубокрконференции (15—20 ноября 1927 г.). Стр. 11.

зяйстве, покоящуюся на ленинских указаниях. Поэтому остановимся немного на методологической стороне проблемы.

Первое и главное, без чего нельзя понять своеобразие в диференциации советской деревни, это—учет тех изменений, которые внесла в структуру хозяйства вся совокупность социально-экономических преобразований пролетарского государства, учет того активного воздействия на хозяйственные процессы, которые у нас осуществляет вся система диктатуры пролетариата. Попробуйте-ка при исследовании кубанской станицы за 1924—27 гг. отвлечься от землеустройства, как хозяйственной кампании, проведением которой власть „вмешивалась" в социально-экономический процесс, стремясь „ввернуть" его в плановое русло социалистического пути развития? А разве вся наша налоговая и кредитная система может быть сброшена с чашки весов при рассмотрении интересующего нас вопроса и разве те или иные „отклонения" от классовой линии в ней не отражаются на кулацко-зажиточном секторе? Хозяйство переходного периода потому и является „переходным", что оно отличается от капиталистического, что у него имеется сочетание нового, советского, социалистического со старым буржуазным и добуржуазным (пять укладов) и что это сочетание движется в направлении вытеснения и ликвидации одного из „сочетающихся" („старое") под активным воздействием политики стоящего у власти пролетариата. Как известно, нэп вовсе не был возвратом к капитализму, а отступлением к „осаде", которое только до известного предела развязывало капиталистические элементы и определяло применение иных методов, по сравнению с военным коммунизмом, борьбы с ними в условиях сохранения политической системы диктатуры пролетариата и сохранения экономических командных высот. А с определенного момента отступление прекращалось, и на основе перегруппировки сил власть переходит в наступление, имеющее уже новые черты, отличные от политики военного коммунизма (новый этап нэпа). При этом нэп вовсе не снимал, как думают правые уклонисты, неизбежности преодоления капиталистических элементов в ходе ожесточенной классовой борьбы — „не мирное врастание в социализм", а преодоление, уничтожение капиталистических элементов в процессе борьбы с ними, протекающей в противоречивых формах, которые должны быть правильно учтены пролетарской политикой. С другой стороны, неправы были троцкисты, когда не видели принципиальной разницы процесса классовой диференциации в советских условиях („нэповских") и при капитализме.

Пристальное внимание к ходу и результатам классовой диференциации деревни (какие группировки, их удельный вес, изменение численности, форм социальных связей и соотношения друг с другом и т. д.) обусловливалось прежде всего потреб-

ностями учета своеобразных черт расслоения, без которого нельзя вести успешную борьбу с классовым врагом. И именно деревни, где сохранились основные, не выкорчеванные еще корни капитализма, где мелкое самостоятельное производство, которое „ежедневно и ежечасно стихийно рождает капитализм". Совершенно ясно, что, это „рождение" не могло в советской системе происходить точно в таком же виде, целиком тем же путем, как это протекает в буржуазном обществе. Но все же при нэпе оно было и важно знать конкретные линии—как, откуда, в каких новых формах и проч.—для того, чтобы ограничивать, вытеснять, побеждать.

Если мы возьмем кулачество и его эволюцию за советский период, то увидим, что, при сохранении своей классовой эксплоататорской роли, оно несомненно стремилось (чтобы „не раскулачить себя") приспосабливаться к советским условиям, применять новые формы эксплоатации, переходить к новым методам закабаления и т. д. Еще на XII партс'езде в 1923 г. было, например, отмечено, что „кулачество начинает оформляться в лице хозяйств, увеличивающих свою мощность путем сдачи в кредит сельскохозяйственного инвентаря, семян и скота на тяжелых, ростовщических условиях". Ясно, что это вызывалось не только ростом безынвентарных хозяйств в результате войны, но и переделом земли, сокращением земельных площадей, которыми раньше владело кулачество. Точно так же аренда в результате нашей аграрной революции тоже стала более распространенным признаком кулацкого хозяйства. Мы уже не говорим о найме рабочей силы, как основном показателе эксплоатации. Все эти три признака — наем рабочей силы, сдача инвентаря, аренда земли—и обратно отпуск рабочей силы, наем инвентаря и сдача земли—являются характернейшими признаками кулачества и деревенской бедноты (пролетарии и полупролетарии). Они характеризуют,—взятые не каждый в отдельности, а в их совокупности, в их сочетании друг с другом,—социальные отношения. Ленин требовал изучения классового расслоения, именно исходя из рассмотрения всей совокупности данных: „Смешно было бы думать, напр., что отдельные данные о распределении лошадей в состоянии раз'яснить хоть что-нибудь по вопросу о крестьянском разложении. Это распределение ровно еще ничего не доказывает, если не взять его в связи со всей совокупностью данных о крестьянском хозяйстве" [1]. Из этого методологического ленинского требования вытекает, что выделение по отдельным социальным признакам, без установления связи их друг с другом, не дает действительной картины классовых делений. У Ленина было еще другое требование: „Экономическая статистика необ-

[1] Собр. сочинений. Т. 1. Стр. 649.

ходимо должна положить в основание группировки, размеры и типы хоз-ва" [1]. Дальше он указывал на соединение в крестьянском хозяйстве земледельческих и промысловых занятий и на необходимость „комбинации" группировок по „размерам и типам" земледелия и промыслов.

Исходя из этих требований, наши экономисты-аграрники ополчились против группировок по посеву, количеству лошадей, коров и т. д., которые обычно основываются на отдельно взятых признаках, а не на их совокупности. Господствующая посевная группировка, конечно, не отражала действительных размеров и типов хозяйств, т. к. посев является лишь показателем земледельческого производства и ничего не говорит о размерах таких отраслей, как скотоводство, кустарно-ремесленные промыслы. Наконец она помогает вскрывать экономическую мощность, а не классовые группировки—социальные связи. Поэтому выдвинуто было преимущество признаков найма рабочей силы (с учетом продолжительности его), аренды и сдачи инвентаря, как характеризующих „производственные отношения деревни", и комбинация их с показателями хозяйственной самостоятельности—земледелие и „промыслы".

Должна учитываться стоимость средств производства своих и чужих и рабочей силы, применяемых в данном хозяйстве.

Соотношение своей и нанятой рабочей силы и своих и чужих средств производства и должно дать более четкую картину классового деления. Большая доля нанятой рабочей силы и большее выбрасывание средств производства в другие хоз-ва должны показать степень эксплоататорской мощности хоз-ва и, наоборот, нарастание пролетаризации. Этот исследовательский метод был развит Крицманом в статьях, помещенных „На аграрном фронте" за 1927 г., и затем в докладе, отпечатанном в том же журнале [2]. По ряду районов мы имели исследования классового расслоения как раз за интересующий нас период, с попытками применения в той или иной чистоте этого метода или приближение к нему. В этих исследованиях в основу клалась не посевная группировка [3]. Так, по Сибири получились очень интересные данные о распространенности и удельном весе разных социальных признаков кулачества: наем рабочих имелся у 73% эксплоататорских хоз-в, сдача машин—у 50% хоз-в и торгово-промышленная деятельность—у 7% хоз-в. Сибирский кулак „сидел" в сельско-

[1] Собр. соч. Т. III. 2 изд. Стр. 69.

[2] „На аграрном фронте" № 4, 1928 г. Дискуссия о классовых группировках крестьянских хоз-в в Комакадемии. (Доклад Крицмана).

[3] Напр., статья Т. Наумова и Д. Шандина о подмосковной деревне. „На аграрном фронте" № 4, 1928 года: Итоги изучения диференциации этим методом были подведены в докладе А. Гайстера на 1-й Всес. Конфер. Агр.-Марксистов, см. „Труды первой Вс. кон. агр.-мар." т. I. М. 1930 г., стр. 277—411, там же выступление Сталина, стр. 433—449.

хозяйственном производстве. Этот район—по мощности капиталистических и полукапиталистических элементов в деревне—напоминает нашу Кубань. Не приходится подтверждать, что очерченный нами кратко и популярно метод исследования дает возможность более четко изучать классовые группировки в деревне и самое движение расслоения.

К сожалению, несмотря на огромное внимание к этому процессу и на Кубани, мы здесь не имели ни одного исследования, в основу которого были бы положены отмеченные методологические требования. Единственная попытка—работа Конюкова[1], написанная по заданию специальной комиссии при окружкоме. Ее „основные выводы... комиссией были одобрены", как указывает автор в предисловии[2]. Конюков отказался от применения новых методов, вследствие их большой трудности „практического свойства". Между прочим, он указывает следующие затруднения сбора цифр: „Если площадь посева, количество скота и других средств производства скрыть от учета можно лишь в незначительной части и здесь показание хозяина представляется возможным даже проверить, то в вопросах о найме рабочей силы и в особенности о сдаче в наем рабочего скота и инвентаря и о результатах кредитных отношений сведения обычно даются явно неверные... В условиях Кубани все эти процессы протекают в особо обостренной форме, трудности определения качества и размеров этих отношений нередко просто непреодолимы. Приведенные рассуждения лишний раз сигнализируют опасность недооценки степени социальной мощи кулачества в данном районе, когда основные показатели социальных типов отодвигаются на задний план из-за „трудностей".

Мы специально остановились на методологии исследования Конюкова, ибо выяснение основ ее дает нам право констатировать, что точных разработанных статистических материалов, которые бы воспроизвели правильную и четкую картину развития

---

[1] Профессор А. А. Конюков. „О расслоении крестьянских хоз-в Кубани", Кр-дар, 1928 г. Написано по материалам: 1) динам. перец. статотдела по 8-ми ст-ицам за период 1924-25 г.; 2) выборочных весенних переписей статотдела за 1925—27 г.; 3) налоговых переписей окрфо за 1925-26 г. и др. В „Кубан. статистич. сборнике за 1924—1926 г." т. II (К-ар, 1928 г.) в ч. II. „Движение основ. элементов с.-х. производ во время войны и революции", написанной проф. А. Смирнским, посвящены расслоению гл IV, V и VI, стр. 206—349. Но и здесь в основу статист. подсчетов положена посевная группа. Защита этого метода исследования развита Смирнским на стр. 206—210 с ссылками на Ленина.

[2] Хотя мы в материалах комиссии не нашли подтверждения этого „одобрения". Правильность ссылки на „комиссию" приходится отнести на „совесть автора". Вместе с тем необходимо констатировать политическую ошибку комиссии, которая, после появления книги Конюкова, нигде в печати не удосужилась протестовать против ссылки на „одобрение" выводов. А ведь „труд" Конюкова, как увидим, развивал кулацкую идеологию!

классовых отношений в кубанской ст-це за период 1924—27 г.г. нет[1]. В отношении изучения социальной диференциации Кубань отстала от ряда других районов, несмотря на то, что она представляла неизмеримо более интересный и яркий район. Мы вынуждены поэтому оперировать грубыми данными, которые скорее снижают, чем повышают степень расслоения ст-цы. Но здесь на помощь выводам должно притти сравнение с общим ходом процесса по Союзу в целом и в других районах в частности и „практика" классовой борьбы, являющаяся достаточно солидным показателем.

Прежде всего проследим оценку классового расслоения по официальным партийным документам—отчетам окружкома на конференциях и резолюциям. В ноябре 1925 г. на 2-й окрпартконференции в докладе отмечалось: „В результате обследования станиц... мы можем ясно установить процесс расслоения в деревне, процесс обогащения на одном правом фланге и процесс пролетаризации на другом—левом. В течение 1925 г. мы имеем следующую картину этого расслоения: возникло новых крупных хозяйств с посевом в 25 дес.—0,7% по отношению ко всему количеству хозяйств округа, т. е. 1.575 хозяйств, кроме этого, из беспосевных хозяйств насчитывается 0,1%, это—группа хозяйств, которая может быть по своему состоянию отнесена к группе кулацких хозяйств, таких насчитывается 237. Всего же выросло 1.812 хозяйств. Тут произошла передвижка от середняцких в кулацкие хозяйства. Это факт немаловажный—надо это видеть, чувствовать. С другой стороны, 1925 г. дал до 4% вновь возникающих бедняцких хозяйств, перешедших в низшие группы... Нас интересует—справимся ли мы с делом организации бедноты, помощью ей, с завоеванием на свою сторону бедняка при растущем правом кулацком крыле станицы?"

Здесь—констатация усиления процесса расслоения и постановка вопроса об усилении работы с беднотой. Очень интересна полемика по поводу этого вывода, возникшая в прениях. Тов. Пушков выступил против: „По отношению выводов тов. Баранова—по пролетаризации крестьянства—я с ними не согласен. У нас имеются в Краснодарском районе обратные цифры: в 1923-24 г. мы имели 20% безлошадных, в 1925 г.—15%, с засевающими хозяйствами имели в 1923-24 г. $1^1/_2$ тысячи (в круглых цифрах) хозяйств, а в этом году имеем 900 хозяйств... Идет накопление в сельском хозяйстве. Да и кроме того пролетаризация крестьянства не может быть в силу того, что наш земельный кодекс не позволяет: землю продать крестьянин не может... И мне кажется, что тут угроза заключается в обратном: сейчас идет сильное накопление

[1] Очевидно, именно на эту работу указывал секретарь окружкома Барышев на 3-й конференции (конец 1926 г.): „Чт бы установить точные цифры, мы предпринимаем специальную работу с затратой специальных средств; очевидно, к весне эта работа будет готова". Стеногр. отчет.

во всех группах, и эти накопления собственного хозяйства через ряд лет помешают внедрить социалистические элементы... У нас сейчас безлошадная часть имеется, но через несколько лет она превратится в середняцкую часть, ибо к этому есть все условия" [1].

Интересна методология товарища: „Земельный кодекс не позволяет", а поэтому расслоение не идет. Вот к чему приводила статистика только по посевным группам и скоту. А отсюда, как вам нравится прогноз насчет тормозов по внедрению социализма? Недооценка расслоения причудливо сочеталась с неверием в середняка. Баранов в заключительном слове указал, что Пушков, приводя цифры о сокращении беспосевных, путает две вещи: „Расслоение и нивелировку, расслоение, которое покоится на росте производительных сил, на развитии товарно-денежного хозяйства, и нивелировка, которая проводится нами самими. Проводится землеустройство... Я здесь могу тов. Пушкову привести несколько очень характерных цифр. В 1920 г. беспосевные хозяйства составляли 33,2%, а к 1924 г. оказалось 16,1%. Что же вы думаете, тов. Пушков? Беспосевные хозяйства в порядке землеустройства получили землю, но подняли ли они эту землю? Я утверждаю, имея в виду последние данные, что они не поднимают эту землю, а сдают в аренду. Повторяю, нивелировка—один процесс, который проводит государство, а расслоение—совершенно другое. О нем я и говорил... Посмотрите, из какой концепции он исходит? Он говорит, что пролетаризации в деревне нет, что налицо крупные и середняцкие хозяйства. А коль скоро пролетаризации нет, то выходит, что резолюция Центрального комитета об уделении особого внимания бедноте—пустая штука. Забыть же интересы бедноты, о чем я говорил, равносильно тому, что рвать союз рабочих и крестьян, что вырвать из общей цепи одно из основных звеньев" [2]. Мы сознательно сделали длинные выписки, ибо эта полемика очень важна. В ней, по сути дела, поставлены были те самые методологические проблемы изучения, о которых мы говорили выше. Правда, Баранов слишком разграничил нивелировку и расслоение. На деле получалось так, что переплетение этих двух процессов вносило специфические черты в процесс расслоения в целом (в наших условиях) по сравнению с дореволюционным периодом, задерживая рост крайних флангов. Но, с другой стороны, опыт Пушкова показывает, куда может завести непонимание особенностей процесса расслоения в советской деревне и куда оно действительно заводило некоторых кубанских коммунистов. Позже, в 1928 г., кубанской организации было брошено обвинение — невнимание

---

[1] 2-я Кубокрпартконференция ВКП(б) (18—23 ноября 1925 г.) Стенотчет. Бюллетень № 4. Стр. 17.

[2] Там же. Стр. 34.

делу борьбы с широко-развитыми эксплоататорскими отношениями в станице.

Осенью 1925 г. констатировалось усиление расслоения и наличие пролетаризации в деревне. Через год в 1926 г. т. Клейнер в докладе Крайкома на 3-й окрконференции на основе краевых цифр констатировал уменьшение бедноты, устойчивость середняка и „неустойчивое положение кулацких хозяйств". По данным посевной площади число кулацких хозяйств уменьшилось на 3%, по данным комбинированным за эти годы увеличилось на 3%[1]. Поправка „комбинированными" меняла картину и заставляла сделать вывод о неустойчивости кулацкого хозяйства, а не об уменьшении его. В отчете окружкома на этой же конференции в отношении кубанской действительности проблема была поставлена осторожнее. Отмечая несовершенство статистических материалов, т. Барышев так отвечал на вопрос о ходе расслоения:

---

[1] 3-я Кубокрконференция ВКП(б) (26 декабря 1926 г.—1 января 1927 г.). Стенотчет., стр. 9. По комбинир. данным, по краю было указано—бедноты в 1920 г. 26,5%, в 1925 г. 19,4%, середняков в 1920 г. 53,6%, в 1925 г 58,2%, кулаков в 1925 г. 19,4%, в 1926 г. 22,3%.

Интересно привести выводы по вопросу диференциации по всему Северному Кавказу, сделанные Крайфинуправлением в результате специального изучения этого процесса по материалам единого сельхозналога за 1925 и 1926 г.г. и изложенные в особой докладной записке в Крайком ВКП(б) от 1-IV—1927 г. В основу анализа были положены экономические группировки по посеву и скоту „в комбинированном виде". Общие выводы получились такие: „1. 1926 г. ознаменовался хозяйственным под'емом широких групп маломощных хозяйств, наиболее энергично протекавшим в бывших недородных Ставропольском и Терском округах. Одновременно с подвижкой к середнякам известной части нижнего полюса деревни, внутри его имело место и диаметрально-противоположное явление—пролетаризация другой ее части, опускание ее вниз. 2. Одновременно с падением нижнего полюса деревни растет во всех округах противоположный полюс зажиточных хозяйств. 3. Расположенный между двумя крайними полюсами широкий середняцкий пласт в общем стабилизовался на прошлогоднем уровне... при углублении процесса диференциации, общая линия развития всех социальных групп отчетливо направлена вверх, при чем наряду с усилением верхнего полюса деревни происходит интенсивный под'ем ее маломощных слоев, приобретающих роль резерва, доставляющего постоянное подкрепление центральной фигуре деревни—середняку" (л.л. 44, 45). Они предварялись между прочим следующими выводами из анализа посевных группировок: „1. Пролетаризация некоторой части нижнего экономически-слабого полюса деревни по всем без исключения округам. 2. Рост центральной фигуры земледелия—средне-посевного хозяйства в северной части края и равнение по нем известной части крайних экономических полюсов, приобретающее характер достаточно ясно выраженной нивелировочной тенденции (Дон, Таганрог, Шахты). 3. Усиление процесса экономической диференциации в центральной части края и на северо-востоке, сопровождающееся некоторым ослаблением удельного веса средне-посевного слоя деревни (быв. Кубанская область с Адыгеей и Сальский округ). 4. Резкий рост верхнего экономического полюса деревни на фоне сдвига вверх и остальных групп в Ставропольском и Терском округах, при чем этот рост связан с занятием верхушкой доминирующей экономической позиции по отношению к основным отраслям сельского хозяйства" (л. л. 27,28). Архив Кубокружкома ВКП(б). Дело „к вопросу о диференциации сев.-кав. деревни" за 1927 г. № 1201 св. 89, листов 45.

„Нужно иметь в виду две постановки этого вопроса: во-первых, растет или не растет уровень (или мощность) среднего хозяйства внутри определенной социальной группы. Это будет, если можно так сказать, вертикальная постановка. И во-вторых, увеличивается или уменьшается количество хозяйств определенной социальной группы. Передвигаются ли хозяйства из одной группы в другую... Это будет горизонтальная постановка... По вертикальной постановке... мы имеем прекращение пролетаризации бедноты (я даю осторожную формулировку, хотя есть основания сказать, что беднота растет). Это значит, что средний уровень бедняцкого хозяйства не понижается по меньшей мере. По горизонтальной постановке... происходит передвижка бедняков в середняки, что доказывается уменьшением групп беспосевных... увеличением групп малопосевных (с 15,7% в 1924 г. беспосевные сократились до 11,3% в 1926 г.)... Далее по вертикальной постановке вопроса мы имеем некоторый рост среднего (типичного) хозяйства середняцких групп... И по горизонтальной... сохранение количественного преобладания середняцких хозяйств... Наконец, мы имеем рост среднего (типичного) кулацкого хозяйства более быстрым темпом, чем хозяйств других групп. Значит, по вертикальной постановке... кулацкие хозяйства растут. Но в силу внутреннего органического процесса (семейной дележки и проч.), происходит частичная передвижка из высшей кулацкой группы в середину. Вся эта картина в общем и целом вполне доказывает, что и по линии ограничения кулацкого роста, и по линии содействия росту середняка и помощи бедняцким хозяйствам, и по линии обобществления крестьянских хозяйств через кооперацию—до сих пор мы воздействовали на станицу с достаточным нажимом[1]". В прениях т. Кашниковым было указано, что накопление в бедняцких группах нашей станицы по сравнению с верхними слоями в 4 раза меньше, „значит в этом отношении разница в темпе огромная". Это дало повод в заключительном слове сделать следующие дополнительные раз'яснения: „Я в докладе не отрицал того, что кулаки растут. Я не решался дать определенный коэффициент этого роста... Я попрежнему настаиваю на том, что цифры, которые мы имеем, в этом отношении не могут внушать полного доверия; некоторых товарищей интересует вопрос о пролетаризации бедноты и о характере перенаселения деревни"; сославшись на выступление Томского на XV партконференции о характере безработицы, Барышев ответил на этот вопрос: „перенаселение деревни не есть пролетаризация бедноты"[2]. В резолюции пункт о расслоении был сформулирован так:

[1] Там же, стр. 95-96.

[2] Вопрос о безработице в городе и перенаселении в деревне он развил в статьях в „Красном знамени", изданных отдельной брошюркой „По волнующим внутрипартийным вопросам", Кр-дар, 1926-27 г., стр. 16—29. Вывод Барышева:

„Положение характеризуется... г) наличием расслоения внутри крестьянства, основные тенденции которого направлены к прекращению пролетаризации бедноты и передвижению из низшей группы хозяйств в среднюю группу; к сохранению преобладающего удельного веса средних групп и к некоторому относительному усилению кулацкой верхушки, с заметной передвижкой незначительной части хозяйств от этой высшей группы, путем дробления к средним группам“ [1]. По сравнению с оценкой 1925 г. мы имеем здесь в целом более четкую формулировку, опирающуюся на более глубокое изучение процесса—не только „по вертикали“, но и по „горизонтали“, т. е. комбинированным методом. Бросается в глаза разница в освещении пролетаризации ст-цы: там—развертывается, здесь „тенденция к прекращению пролетаризации бедноты и передвижка вверх“. Так же другой свет брошен на рост кулачества—„относительное увеличение“. Наконец, о преобладающем удельном весе середняка сказано. А в 1925 г. характеристика его выпала, по Пушкову же все просто передвигалось вверх.

Последнюю характеристику в самом конце второго этапа дала 4 партконференция в резолюции по докладу о работе в станице. Вопрос получил следующий анализ: „Развитие аренды земли и наемного труда в ст-це одновременно сопровождались постоянным усилением пролетарской государственной помощи маломощным хозяйствам и систематическим ограничением кулацко-капиталистических элементов (налог, кредит и т. д.). В результате расслоение ст-цы происходит следующим образом: беднота в общем хозяйственно растет, начинает постепенно осваивать свои наделы и при неизжитой еще пролетаризации некоторой незначительной ее части, передает все большую часть хозяйств в середняцкую группу; середнячество растет и по числу хозяйств и по экономической мощи отдельного хозяйства и передает относительно незначительную часть хозяйств в кулацкую группу; кулачество, владеющее крупной долей инвентаря, сосредоточивало в своих руках через аренду большую часть неосвоенной земли и применяло на ней рабочую силу, большей

„Безработица получилась вследствие: 1) перенаселения деревни, что неравнозначно расслоению крестьянства, ибо различные социальные группы его выбрасывают в город в равной мере свои излишние силы (преимущественно молодняк)“... Правильно разбивая точку зрения оппозиции, утверждавшей, что расслоение в советской стране происходит так же, как и до революции, что нет разницы в характере расслоения, Барышев, по нашему мнению, в отношении „равной меры“ выбрасывания разными группами из деревни в город перебарщивает. Это потому, что он не совсем верно заявлял:—„перенаселение деревни не есть пролетаризация бедноты“. Правильно было бы сказать, „перенаселение деревни не есть только пролетаризация бедноты“, т. е. пролетаризация определенным образом влияет на перенаселение. Отсюда, конечно, странно утверждать, что и кулаки и беднота в одинаковой степени выбрасывали в города „свои излишние силы“.

[1] Стенотчет, стр. 257.

частью отпускаемую безынвентарными хозяйствами; в то же время часть кулацкого инвентаря капиталистически применяется путем сдачи его в аренду бедняцким хозяйствам... Однако, рост числа кулацких хозяйств, пополняемых из зажиточно-середняцкой верхушки, не сопровождается ростом средней экономической мощности хозяйства. Наоборот, средняя обеспеченность большинства кулацких хозяйств орудиями производств начинает падать. Таким образом, пролетарское государственное регулирование постепенно преодолевает капиталистическое направление в расслоении станицы[1]. „Эта оценка процесса расслоения должна рассматриваться итоговой за весь этап. В ней уже центр тяжести перенесен на роль регулирования и воздействия, в результате чего констатировалась незначительность пролетаризации и „падение" средней экономической мощности кулацких хозяйств, как ответ на политику ограничения. Найму, аренде и сдаче инвентаря отведено много места в анализе. Но бросается в глаза отсутствие цифровых показателей этих процессов и особенно по распространению найма, аренды и сдачи и слишком категорическое утверждение „падения" обеспеченности кулаков. Затем „постепенное преодоление" было вставлено в такой контекст, что напрашивается мысль—вылазка кулака во время хлебозаготовок и затем лозунг XV партс'езда о наступлении на кулачество в резолюции плохо были предусмотрены. Противоречивость процесса борьбы с капиталистическими элементами, неизбежность обострения классовой борьбы с ними на последующем этапе из анализа четко вывести нельзя. Нам кажется, что это есть политический „недочет" раздела резолюции, освещавшего процесс расслоения[1]. Цифры о найме, аренде и сдаче имеются в материалах, изданных к конференции Кубокружкомом. Внимательный просмотр их и работы Конюкова убеждают нас в том, что статистические показатели отсутствовали не случайно; и то и другое, разработанное методом, недостатки которого были освещены выше, не дает, конечно, полных статистических разработок, вскрывавших социально-классовые отношения, как они складывались в станицах. Получалась больше

---

[1] „Резолюции 4-й окрпартконференции, Краснодар, 1927 г. Стр. 17-18. В отчете окружкома на конференции Барышев отмечал: „К сожалению, несмотря на то, что мы проделали уже очень большую работу в смысле изучения хозяйственных процессов округа, мы все же не можем дать такого ответа, мы не можем точно определить соотношения социальных секторов по основным капитальным фондам в целом". „Красное знамя" от 24 ноября 1927 г. № 270. Стр. 3.

[2] По всему Союзу итоги классового расслоения за восстановительный период были подведены в докладе Молотова о работе в деревне на XV партс'езде и в резолюции по нему. Тов. Молотов подверг критике методы ЦСУ; так же важно его критическое замечание в заключительном слове—разд. „Два слова о середняке"—о способе социальных группировок, применяемом в статистических разработках (в связи с речью Крицмана). См. Стенотчет XV партс'езда ВКП(б), стр. 1047—1230, особенно 1043—1057 и 1232—1233.

характеристика „экономической мощности", чем развития классово-эксплоататорских отношений. И в резолюции эта „мощность" заняла очень почетное место в ущерб социальной характеристике. Группировки на основе комбинации признаков, характеризующих размер и социальный тип хозяйства, отсутствовали. Парторганизация не имела данных, разработанных усовершенствованным методом исследования. Не могло ли это грозить („при анализе мощности") недооценкой степени распространенности эксплоататорских отношений и социальной силы и влияния кулачества на бедняцко-середняцкие массы станицы? Посмотрим, какое цифровое выражение в этих материалах получили социальные процессы, протекавшие в ст-це, и какой они давали ответ на вопрос, который нас сейчас интересует. Какая получалась картина эволюции кулачества?

Сначала приведем общий вывод из анализа классового расслоения, сделанный Конюковым по статистическим материалам в главе „Сводная характеристика основных типов хозяйства". Вот он: „Происходит довольно заметное и непрерывное сокращение процентов бедняцких хозяйств, некоторая стабилизация доли середняцких хозяйств, заметный рост зажиточных и особенно богатых: мы имеем общую перегруппировку хозяйств в сторону передвижки вверх... Отмеченный рост богатых хозяйств не сопровождается, однако, разорением бедняцких и середняцких хозяйств и не создает угрожающей концентрации производства в богатых хозяйствах... Мы не наблюдаем укрупнения богатых хозяйств, а наоборот, заметна даже некоторая тенденция к измельчанию. Это происходит за счет притоков в данную группу новых хозяйств из менее мощных экономических групп... Разница в экономическом уровне крайних групп не увеличилась, а даже несколько снизилась"[1]. Эти выводы Конюкова покоятся на следующей таблице, определяющей „долю каждой группы в процентах"[2]:

Типы хозяйств	По данным динамических переписей				По данным налогов. перепис.	
	1920 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.
1. Бедняцкие	45,7	48,1	45,9	41,7	40,0	39,4
2. Середняцкие . . .	37,0	43,6	44,1	44,1	48,5	47,6
3. Зажиточные	11,2	6,0	7,3	9,5	7,7	8,2
4. Богатые	6,1	2,3	2,7	4,7	3,8	4,8
Итого	100	100	100	100	100	100

[1] Проф. Конюков. „О расслоении крестьянских хозяйств Кубани". Стр. 60, 64, 65, 66.

[2] Там же. Стр. 60. По приблизительным данным Обзу, в середине 1927 г. имелось 40% бедноты, 45% середняков и 15% зажиточных хозяйств; из последних свыше 10% крепких зажиточных и около 4% мелко-капиталистических кулацких хозяйств (инф. письмо окружкома, июль 1927 г., стр. 10).

Она является результативной таблицей, высчитанной на основе комбинационных группировок хозяйств по площади посева и количеству скота. Ясно, что игнорирование при выявлении классовых типов хозяйств производственных отношений не могло дать подлинной картины удельного веса и динамики классового расслоения. Это весьма приблизительный подсчет, к которому не был привлечен момент, характеризующий производственные отношения. Нужно иметь в виду громадное место, уже много раз указанное нами, социальных показателей, особенно на Кубани (наем и т. д.), и особенно в период, когда землеустройство экспроприировало землю у капиталистической верхушки и этим еще больше толкало ее на закабаление через инвентарь и проч. „Мы не пытаемся сомневаться в глубоком убеждении автора в правильности его выводов; может быть они подсказаны ему глубокой интуицией, но достаточно научного обоснования эти выводы не имеют. Мы не можем не отметить предубежденности проф. Конюкова в вопросе методологии, а она-то и является решающим фактором в научном обосновании"—совершенно правильно замечал критик работы Конюкова[1]. Не имеющие „научного обоснования" выводы из таблиц Конюкова тем паче не могли помочь правильно ориентировать политическую мысль, ибо они замазывали действительные социальные процессы и не могли вскрыть степени распространения эксплоататорских отношений в станице. Следовательно, они грозили недооценкой кулака, сглаживая „разницу" расстояния между крайними флангами. Между прочим, правильно было указано Конюкову, что он неверно поступил, дав следующие группировки по посеву в соответствующих таблицах[2], которые подготовили почву для результативной: а) беспосевные, малопосевные (до 4-х дес.), среднепосевные (4—10 дес.), переходные к многопосевным (10—16 дес.), многопосевные (16 и свыше дес.). Разве можно имеющих от 4-х до 10 дес. об'единять в одну группу без подразделений? Ведь хозяйство от 4-х до 6 дес. в кубанских условиях—маломощные середняки. Получается „сознательное преувеличение группы среднепосевных хозяйств", что не может не влиять на итоговые подсчеты и выводы. Так же интересно об'яснение о 17%, которые по вычислению Конюкова ежегодно выселяются из станиц. По его мнению, выселение 17% совершенно не является показателем степени пролетаризации крестьянства, ибо „в состав беспосевной группы входит, очевидно, значительное количество элементов, не связанных с сельским хозяйством, которые легко и порывают связь со станицей"[3].

---

[1] „На аграрном фронте", № 4, 1928 г., стр. 155.
[2] Конюков, стр. 21.
[3] Стр. 19.

Бросается в глаза несоответствие двух цифр, подсчитанных Конюковым по 1926 г.:—выше 40% бесскотных хозяйств и 7,7% беспосевных—выводам, которые он сделал. Итак, по всем разделам работы везде сглаживается роль кулацко-зажиточного сектора, что если перевести на наш обычный лексикон, означает сглаживание классовых противоречий. Даже по найму сроковых рабочих „концентрации в определенных группах (наем) и хозяйствах (аренда) не наблюдается“ [1]. Благодаря этой „красной нити“, увенчивающейся соответствующими общими выводами, отдельные таблицы обесцениваются и должны использоваться совершенно „отдельно“ от автора. Например, таблица распространения аренды в разных группах—сдатчики и арендаторы. Словом, тенденции развития были схвачены так, что они никак не предусматривали неизбежности обострения классовой борьбы и последующего поворота в нашей политике по отношению к кулачеству. „Научные изыскания“ Конюкова обслуживали классовые интересы кулачества. [2]

Социально-политическая практика опровергла выводы из анализа, сделанные исследователем классового расслоения за период 1924—26 г.г., опубликовавшим свои результаты в обработанном виде.

Мы должны констатировать, что статистические таблицы о расслоении, приведенные в материалах окружкома к 4-й конференции, дают гораздо больше, хотя и они составлены не по „совокупности“, а характеризуют отдельные стороны процесса. Но эти данные составлены прежде всего под углом зрения—„степень освоения земель после землеустройства и расслоение“.

Здесь бросается в глаза другой подход—рассматривание процесса в связи с социально-экономическим преобразованием в первую очередь. Главное внимание обращено на моменты, харак-

---

[1] Размер аренды, по Конюкову, равняется, приблизительно, 25% посевной площади в 1926 г., стр. 42.

[2] Мы не ставили своей задачей дать подробный анализ всей аргументации Конюкова, обосновывающей его кулацкие выводы. Но приведенных в тексте справок достаточно для заключения, что Конюков идеологически является представителем неонароднической школы Чаянова-Челинцева, защищавшей капиталистические тенденции развития деревни, под прикрытием так наз. организационно-производственной или потребительски-трудовой теории. Выводы Конюкова против развертывания классовой борьбы в станице целиком совпадают с отрицательным отношением неонародников к нашей политике наступления на капиталистические элементы. Ряд других работ Конюкова подтверждает правильность нашего отнесения его к неонародникам, напр., статья „Очерк производ типов крестьянских хозяйств Кубани“, методологически опирающаяся на организ.-производ. теорию (См. „Тр. Куб. С.-Х. Инст.“, т. V, 1927 г.). Анализ всех трудов Конюкова, для полного вскрытия его кулацкой идеологии, является специальной и политически-актуальной задачей, стоящей перед аграрниками-марксистами, работающими на Кубани.

теризующие распространенность эксплоататорских отношений. Инвентаризация и коллективизация вместе с налоговой и кредитной политикой являются теми процессами, развитием которых мы шли наперерез расслоению, сужая его. Задача освоения полученной земли в безынвентарных хозяйствах, с одной стороны, и стремление сохранить свое положение имевшей инвентарь и лошадей кулацко-зажиточной группы, с другой, определяют конкретную линию развития классовых отношений, классовой диференциации. Кулак хотел удержать в своих руках экономическую „командную высоту" в виде инвентаря и через него подчинить себе бедноту и маломощных середняков, и, наоборот, мы направляли усилия к тому, чтобы сбить его с этой высоты. „Безынвентарность маломощных слоев является, пожалуй, основным препятствием на нашем пути (именно им обусловлено—по данным окрзу, до 82% арендных сделок) основной осью, вокруг которой развертываются сейчас капиталистические отношения станицы",—писал окружком в июле 1927 г. [1].

Вот картина изменения в распределении сложного инвентаря (сеялок, жнеек, сенокосилок, молотилок) [2]:

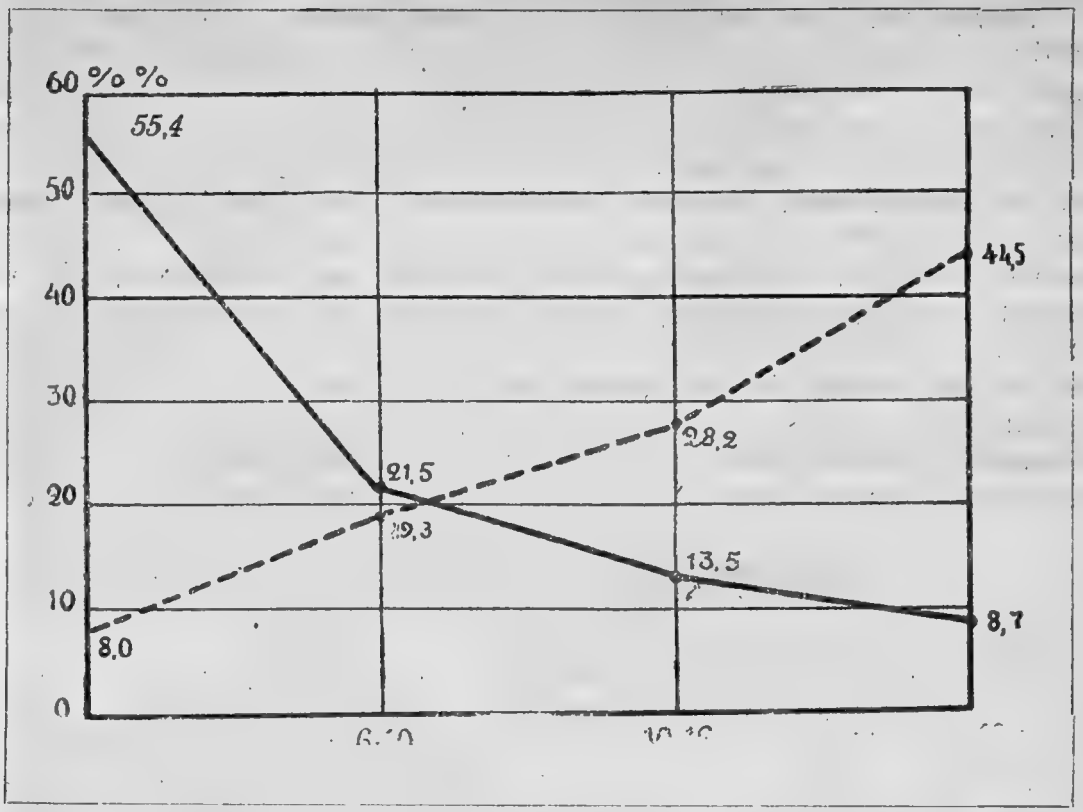
Группы хозяйств	1920 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Без посева и с посевом до 6 дес. .	20,0	15,8	11,0	18,8
С посевом от 6 до 10 дес.	28,4	29,3	25,4	19,3
С посевом от 10,1 до 16 дес. . . .	28,5	30,8	29,3	28,2
С посевом свыше 16 дес, ...	22,4	24,1	34,9	44,5
	100	100	100	100

Эти вычисления по посевным группам достаточно выразительны—хотя они несколько преуменьшают инвентарную мощность кулаков. Со сложными машинами дело обстояло еще выразительнее:

Группы хозяйств	1920 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Без посева и с посевом до 6 дес. .	100	48,0	33,2	27,7
С посевом от 6 до 16 дес.	100	56,3	55,2	56,0
С посевом от 16 до 25 дес.	100	58,7	66,1	104,9
С посевом свыше 25 дес.	100	60,0	150,0	219,0
	100	54,3	58,0	68,2

Вся острота бедняцкой и маломощность середняцкой безынвентарности чрезвычайно наглядно иллюстрируются „ножницами", разработанными по данным деревенской комиссии окружкома [3].

[1] „Информационное письмо парторганизациям". Июль 1927 г. Стр. 12.
[2] „Год работы", стр. 21 и 22.
[3] „На аграрном фронте" № 4, 1928 г., ст. Барышева, стр. 9.



Безынвентарность определила специфическое развитие арендных отношений и сдачу в наем инвентаря. Посмотрим цифры. Вот таблица об аренде, подсчитанная Конюковым по материалам переписи 1926 года:

Группы по севу	Тысячи десятин		В % к итогу		Сдано в аренду (—) или заарендовано (+) в % к площади посева на своей земле
	Недостаток посев. площади	Избыток посев. площади	Недостаток посев. площади	Избыток посев. площади	
Без посева	62,0	—	21,5	—	— 100
С посевом до 2-х дес. .	104,0	—	36,1	—	— 71,5
„ „ 2—4 „ .	90,6	—	31,4	—	— 37,0
„ „ 4—6 „ .	32,3	—	11,1	—	— 12,5
„ „ 6—10 „ .	—	28,8	—	10,0	+ 6,8
„ „ 10—16 „ .	—	108,6	—	37,4	+ 38,4
„ „ 16—25 „ .	—	91,0	—	31,6	+ 85,0
Свыше 25 дес.	—	60,5	—	21,0	+ 176
Итого . . .	288,9	288,9	100	100	—

Минусы в последнем столбце постепенно уменьшаются, и, наоборот, плюсы увеличиваются сверху вниз. Арендный фонд в своей массе находился в руках кулацко-зажиточного сектора. Сдатчики—беднота. „Землеустройство, произведя коренное перераспределение земельного фонда... поменяло местами арендатора и сдатчика. Из без и малоземельного арендатора станичная беднота превращается в без и малоинвентарного и лошадного сдатчика". (Из письма окружкома июль 1927 г.). Но эта замена мест не меняла сущности классовых отношений между флангами станицы. Кулак-арендатор не переставал быть кулаком. Об удельном весе найма инвентаря в развитии эксплоататорских отношений свидетельствуют цифры: „Если исходить из минимальных расходов по найму инвентаря, то общая сумма их складывается из следующих слагаемых на одну десятину"—

1. Стоимость пахоты и сева	. .	7 р. 60 к.
2. „ уборки урожая	. .	9 р. 50 к.
3. Подвозка к молотилке	. . . .	10 р. — к.
4. Стоимость молотьбы	. . . . .	8 р. 20 к.
Итого	. .	35 р. 30 к.[1].

По подсчету Барышева, если взять средний размер посева в маломощном хозяйстве в 5 десятин, получается весь расход на наемный инвентарь в хозяйстве в сумме 176 р. 50 к., в то время, как товарная продукция этого хозяйства составляет 106 р. 30 к. Это означает, что маломощное хозяйство остается на нищенском уровне, что подавляющая часть товарной продукции попадает кулаку. Маломощный хозяин „закредитовывается у кулака и им закабаляется".

Если плохо со статистикой по первым двум признакам, то еще хуже с важнейшим третьим—наймом. В брошюре Конюкова есть таблицы о сроковых, сдельных и поденных рабочих, но они „очень слабо освещают вопрос о наемном труде". Между прочим, есть цифры об изменении процента хозяйств, нанимавших сроковых рабочих за 1924, 1925, 1926 г. [2]. Самый большой процент этой категории рабочих падает на хозяйства от 16 до 25 дес. и особенно на хозяйства свыше 25 дес., в которых в 1926 г. наем сроковых рабочих превысил 1924 г. (22,1% и 21,7%). Отсутствие разработанной статистики по этому вопросу—существенный пробел, который другими показателями трудно заполнить.

[1] „На аграрном фронте" № 4, 1928 г. стр. 16. Подсчитано по данным бюджетных обследований.

[2] Конюков, стр. 35.

С цифрами мы покончили. Еще раз придется вместе с читателем пожалеть, что наиболее интересный этап с точки зрения направления и форм классового расслоения, несмотря на огромное внимание к нему со стороны парторганизаций, изучен был недостаточно. Большое обилие цифр, обработанных отсталыми методологическими приемами, дают только некоторое приближение. Основую тенденцию развития они до известной степени помогали определить. В этом смысле решения партконференции не вызывают особенно скептического отношения. Но в определении удельного веса социальных типов хозяйств в производственных отношениях станицы выводы из статистических сводок условны, а если итти за Конюковым, то — опасны. Они грозят недоучетом кулацкого влияния и соскальзыванием к позиции „мирного врастания" кулака в социализм. Ясно одно—социальные процессы в связи с землеустройством, инвентаризацией бедноты и проч. шли по линии обострения классовых противоречий в станице, обострения классовой борьбы между капиталистическими элементами и растущими социалистическими.

Как стала разрешаться проблема инвентаризации кубанской парторганизацией, какие результаты получились к концу 1927 г.?

Секретарь окружкома характеризовал значение ее: „Инвентаризация сел. хозяйства является базой для производственного кооперирования—в силу этого она является конкретным содержанием, „поддержки сверхобычного" того, что является „строем кооперативным". Вот почему значение инвентаризации нельзя переоценить, его можно только недооценить". Был создан конкретный план, который преследовал две задачи: „а) создать более законченную, более мощную систему машиноснабжения в сравнении с той, которая существовала до сих пор, б) прочно организовать безынвентарное население для приобретения (закупок) инвентаря, начиная с той части населения, которая охвачена новыми формами землепользования, в пределах углубленно-землеустроенной территории"[1]. Осуществление этого плана означало создание благоприятных условий для развертывания процесса обобществления. Нужно сказать, что до 1927 г. завозимый в округ инвентарь в своей большей массе проходил мимо бедноты. За 1926-27 г. лишь 25% из ввезенного в округ инвентаря (на сумму более 2 мил. руб.) попало в руки безынвентарного населения. Исходным пунктом для под'ема инвентаризации послужила весенняя посевкампания 1927 г., но развертывание плана падает на 1928 г. За весь 1926 г. в округе по линии Севкавсельсклада и Кубселькредита было продано с-х. машин и орудий на сумму 1.155.161 р. (не считая мелкого с.-х. инвентаря). За весеннюю кампанию было продвинуто и продано в станицу

[1] „На агр. фронте" № 4, 1928 г., стр. 11.

с.-х., машин и орудий на сумму свыше 550.000 р. Были направлены кредиты Севкавсельбанка на приобретение рабочего скота и инвентаря (из них 2 мил. р. на рабочий скот), при чем по 15 товариществам, по данным последних, эти кредиты распределились так:

беднота	59,20%
середняки	38,25%
зажиточные	0,83%
колхозы	1,66%

По линии сельхозкооперации в эту же кампанию были брошены в станицу специальные средства из фонда кредитования бедноты в размере около 85.000 р. на инвентарь и 30.000 р. на тягловую силу. За эту кампанию окружком констатировал „совершенно неудовлетворительное выполнение плана весеннего трактороснабжения". Из 700 тракторов, имевшихся в округе к середине 1927 г., в 1926 г. было ввезено и распределено до 270. За весеннюю кампанию из 135 завезенных машин было реализовано всего 33. Первый шаг был сделан, но главное выполнение плана инвентаризации ложится на 1928 год. По этому плану беднота должна была получить 65—80% из завозимого в округ инвентаря. Кредитная система должна была явиться одним из звеньев мероприятий по реализации плана. К сожалению, в практике работы на местах имелись нездоровые уклоны. Примером этого являлось Каневское с.-х. т-во. На 1 января 1927 г. оно выдало ссуд на приобретение скота (% выданных ссуд): безлошадные — 11,5, с 1 лошадью — 0,5, 2-мя — 24,0, с 3-мя — 22,0, с 4-мя и более—42,0. Эти цифры говорят об искривлении классовой линии.

Налоговая система играла большую роль в ограничении верхушки и предоставлении благоприятных условий для под'ема бедняцко-маломощного сектора. Следующие цифры показывают изменения в распределении налога:

Хозяйств с доходом на душу	В 1926-27 г. уменьшилось обложение в % % к 1925-26 г.
До 60 р.	Уменьшилось (минус) на . . — 25,2%
До 80 р.	Увеличилось (плюс) на . . + 14,5%
До 100 р.	. . . . + 23,1%
Свыше 100 р.	. . . . + 24,7%
	Сред. увелич. + 15,3%

За 1926-27 г. сумма сельхозналога была исчислена в среднем на одно хозяйство в следующем размере: бедняцкой группе—7 руб. 45 к., середняцкой—45 р. 60 к., зажиточной—105 р., богатой—205 р. Средний налог на хозяйство высшей группы превосходит падавший на бедняцкое хозяйство в 27 раз.[1] В 1926-27 г. удельный вес кулацко-зажиточного сектора в общей сумме налога составлял 44,2% и бедняцкого 7,1%, а в 1925-26 г.—40% и 9,5%. Изменения в распределении показывают усиления экономического пресса, которым государство давило кулачество, ограничивая его рост, хотя снижение доли бедняков было еще невелико.

Начало проведения плана инвентаризации дало яркий эффект в деле кооперирования населения. Заключение договоров с земельными группами на завоз инвентаря сопровождалось кооперированием групп: 27% всех хозяйств, охваченных договорами к 1928 г., было кооперировано. Мы здесь подходим к освещению роста коллективных хозяйств, т. е. обобществленного сектора за 1924—27 г.г.

Вспомним то состояние коллективов на Кубани, в котором мы их оставили на рубеже двух этапов. Очень симптоматично для настроений известной части руководящих партийцев области в то время было выступление одного товарища на 8-й конференции в апреле 1924 г.[2]: „По моему мнению, в области коллективных хозяйств политика не дала положительных результатов, следовательно, не в эту сторону должно быть обращено наше внимание. С другой стороны, в станице растет кулачество, оно опасно для нас и не оно должно явиться об'ектом наших забот. Очевидно, что самым устойчивым, наиболее приемлемым для нас, с точки зрения советских интересов, является середняцкое хозяйство, и эта политика на середняка, на укрепление его хозяйства должна быть, по моему мнению, положена в основу нашей политики в деревне". Правильно ставя в основу курс на середняка, товарищ пропускал бедноту и слишком категорически и безоговорочно произносил приговор коллективам. Как-будто бы только с весны курс на середняка стал проводиться, и это можно было так противопоставить политике коллективизации. Но для кубанской организации, которая развивалась в специфических условиях и первые два года нэпа больше воевала с бандитами, собирала продналог, чем занималась мирным строительством, эта постановка была очень характерна[3]. В какой степени

[1] Проф. Конюков, стр. 75.

[2] Бюллетень № 2, стр. 44. Речь Базарника.

[3] Интересная справка. В резолюции по докладу Нейбаха об экон. пол. на 2-й конференции (декабрь 1925 г.) мы нашли следующий пункт: „2. Основными задачами хозяйственного строительства округа, стоящими перед партией, являются: а) признавая основной задачей партии коллективизацию с. х., принять все меры к

произошел сдвиг в отношении колхозов за 1924-27 г., как росли колхозы и с каким удельным весом обобществленного сектора Кубань подошла к 1928 году?

Сначала о сельхозкооперации, которая имела своей непосредственной задачей подготовку к обобществлению производства. В 1924 г. эта кооперация сильно увлекалась торговыми, т. е. несвойственными ей функциями. До этого года в ней крепко сидело кулацкое засилье. „В настоящий момент мы можем констатировать в состоянии нашей сельхозкооперации некоторый сдвиг или перелом к оздоровлению роста, правда, очень медленному",—писал окружком в июле 1927 г. К этому моменту степень кооперирования населения составляла 21% и не сопровождалась еще „достаточным ростом экономической его активности". Рост собственных средств за 1926-27 г. составлял: от 32,7% до 37,8% к балансу. В 1925-26 операционном году в распределении кредитов отмечался нездоровый уклон в сторону зажиточных элементов: крепкие высшие посевные группы, составлявшие 25% хозяйств, сосредоточили в своих руках свыше 50% общей суммы выданных ссуд, а 25% без и малопосевных—меньше 10%. За 1926-27 г. наметилось изжитие этого уклона: средняя ссуда на одного зажиточного заемщика упала на 64 р. (с 141 р. на многоскотные хозяйства). „Центральной фигурой системы сельхозкредита является в настоящий момент обеспеченный по посеву и недогруженный скотом заемщик",—отмечалось в том же письме. Он же представлял основную массу пайщика. Кооперированной бедноты было 40% из всей кооперированной массы, но активность ее в работе этой организации была недостаточна. Слабо шла организация групп бедноты. Общий вывод—сдвиг наметился. Рост есть, но он носит пока еще „тепличный характер" (письмо окружкома).

Коллективные хозяйства являлись высшей формой сельхозкооперации, последняя — подступ к коллективизации сельхозпроизводства". За 1925-27 г. наметился определенный и очень значительный сдвиг в развитии колхозного движения. Этот рост бросается в глаза при рассмотрении цифр, характеризующих движение по округу за 1924—27 гг. (по материалам окружкома): коммун было в 1924 г. 53, в 1925 г.—58, в 1926 году—45 и в 1927 году — 46, артелей за эти же годы—75, 93, 85, 89, товариществ по совместной обработке земли—38, 113, 340, 425. Процентный рост—в 1924 г.—100% —в 1925 г.—158%, в 1926 г.—282%, в 1927 г.—337%. Быстрее всего рос простейший тип—товарищества. Они-то и дали такой количественный итог

укреплению существующих коллективов и к развитию таковых, всячески стремясь вовлечь и индивидуальные хозяйства к участию в организации коллективных форм ведения сельского хозяйства". Через полтора года после речи Базарника это было записано сильно. (Бюл. № 7, стр. 27).

развития. Колхозы об'единяли следующий процент из всего населения: на 1-I-1924 г.—0,53%, на 1-X-1926 г.—1,9, на 1-X-1927 г.—2,2. С этим процентом (2,2) Кубань вступила в третий этап, характеризовавшийся бурным под'емом коллективизации [1]. Большим стимулом к об'единению в колхозы было снабжение их тракторами. В колхозах Кубселькредсоюза обеспеченность тракторами в середине 1927 г. имелась: на 38 коммун—36 тракторов, на 70 артелей—24 тракт., на 319 т-в—84 тракт. и на 175 машинных т-в—95 тр. Было без тракторов 10 коммун, 49 артелей, 241 т-во по совместной обработке земли и 77 машинных т-в.

Очень интересно вычисление (приведено в ст. Барышева), характеризующее производственный эффект в коллективных хозяйствах по сравнению с единоличниками. Из его видно, что под'ем производительных сил у коллективов был выше. По всем показателям—степень хозяйственного использования земельного надела, степень насыщенности средствами производства, уровень валовой и товарной продукции—колхозы шли впереди индивидуальных хозяйств. Их превосходили по стоимости средств производства и валовой продукции только зажиточные и сельская буржуазия. Жаль только, что в вычислениях не приведена урожайность [2].

Кого же об'единяли эти колхозы, каков их социальный и сословный состава. Сведения имеются по 49 колхозам, обследованным в 1925-26 году. Получилась картина: по 19 комму-

[1] Любопытны цифры перспективного 5 него плана развития коллективных хозяйств, построенного Кубселькредитсоюзом летом 1927 г. Исходя из ежегодного прироста в 120 колхозов (средний годовой фактический прирост за 1925 и 1926 г.г. по данным Союза) был намечен следующий план:

	1-X—1927 г.	1-X—1928 г.	1-X—1929 г.	1-X—1930 г.	1-X—1931 г.	1-X—1932 г.
Коммун	38	35	33	33	33	33
Артелей	70	73	75	78	80	83
Товариществ . .	342	462	582	699	817	934
Итого . .	450	570	690	810	930	1.050

К концу 1932 г. предполагалось „коллективизировать 52.500 чел., т. е. примерно 5,25% к общему количеству населения района деятельности КС КС." Как видим, чрезвычайно скромный план, совершенно не предусматривавший усиления темпов коллективизации вплоть даже до 1933 г! Он был превзойден уже через год, т. е. летом 1928 г Архив Кубокружкома ВКП (б). Дело „Материалы о колхозах" за 1927 г. № 1.209 св. 89 лл. 10,11.

[2] „На аграрном фронте" № 4, 1928 г. Стр. 15.

нам—бедняков 71,7, середняков—25,3 и зажиточных—3,0, по 13 артелям бедняков—52,26%, середняков—34,15% и зажиточных—11,5%, по 11 т-вам бедняков—44,6%, середняков—47,9% и зажиточных—7,5%. Бедноты больше всего в коммунах, середняков—в товариществах и зажиточных—в артелях. Сословный состав в колхозах: казаки в коммунах—8,2%, в артелях—13,4% в товариществах—24,7%; иногородние, в коммунах—73,6%, в артелях—69,3%, в товариществах—73,7% и „прочие"—18,2%, 29,4% и 1,6% [1]. Процент казаков выше всего был в товариществах—1/4 часть. Эти сведения говорят, что социальная чистота колхозов была далеко еще не на высоте. Не даром в середине 1927 года окружком писал: „Состав колхозов еще значительно засорен зажиточными, а порой и прямо капиталистически-кулацкими элементами... Не подлежит сомнению, что в значительной части диких колхозов, предоставленных самим себе, насыщенных капиталами и пестрых по экономической мощности своих членов, существует угроза вызревания капиталистических элементов, только прикрытая внешней защитной формой коллективизма". В Союз в это время было втянуто всего 98 из 354. Следовательно, „кооперативно-экономическая активность населения в большой степени продолжает итти мимо нашего руководства, а подчас и против него". Только летом 1927 г. союзом развертывалась кампания борьбы с лжесемейными колхозами. Цифр, характеризующих результаты ее, мы, к сожалению, не нашли.

Таким образом, колхозное движение, став уже весьма заметным фактором в социально-экономическом развитии Кубани, все же переживало еще свою „предисторию". Развертываясь стихийно, без планомерного руководства, оно все же поднимало уже задачу социалистической реконструкции сельского хозяйства, как боевую центральнейшую проблему. Партруководство округа давало в июле 1927 г. директиву на места „поставить важнейшей политической задачей превращение коллективистической кооперации, по качеству работы, и условиям ее, в головной отряд всей нашей кооперативной системы, как подступа к коллективизации сельско-хозяйственного производства". Этот авангард еще не был головным отрядов, но классовый враг уже понял его истинное значение и стремился использовать для себя. Кулак выдвинул новую форму классовой борьбы с нами, стремясь внутри колхозов установить отношения капиталистической эксплоатации и этим сорвать революционную значимость этого могу-

[1] Архив Кубокружкома ВКП (б.). Дело „Материалы о колхозах" за 1927 г. № 1.209 св. 89 л. 4. В документе имеется ошибка в цифрах — по артелям получается по сословному составу 112,1%, т. е. указано в какой-то цифре лишних 12,1%. Мы привели цифры по документу, т. к. лишены были возможности произвести подсчет по тем материалам, на основе которых составлен документ Кубселькредитсоюзом.

чего фактора по усилению обобществленного сектора в хозяйстве Кубани. Два пути и здесь сталкивались и боролись. Но если кулак шел на этот метод борьбы, то это означало, что он, теснимый и ограничиваемый все больше, упорно избегал предстоящего окружения, отчаянно сопротивляясь и маневрируя. Мирно врастать он не имел желания и, понимая, где собака зарыта, принимал все меры к взрыву социально-экономических мероприятий, суживавших вокруг него кольцо.

2. Оживление советов и борьба за укрепление бедняцко-середняцкого блока.

Кулак еще норовил перейти от обороны в наступление. Попадая под пресс ограничений, он не только изворачивался экономически, боролся за сохранение „своего социального типа" через наем, аренду, сдачу инвентаря и т. д., но неизбежно активизировался в политической борьбе. Стремление „отыграться в политике" и этим повлиять на направление социально-экономического процесса упиралось в середняка и выражалось в попытках превратить в рупор своих требований бедноту. За середняка, как центральную фигуру, разыгрывалась ожесточенная борьба. Чрезвычайно важным барометром, показывавшим степень социально-экономической мощи и удельного веса кулака на Кубани, являлась его активность в политике. Этот показатель освещает ярким светом темные места, остающиеся от статистических выкладок. На Кубани барометр политической борьбы стоял все время на точке, не предвещавшей спокойной погоды при разрешении проблемы социалистической реконструкции сельского хоз-ва. Станица бурлила, ибо в ней боролся за свое классовое существование один из сильнейших отрядов кулачества на территории СССР.

Задача завоевания середняка была сильно заострена перед Кубанской парторганизацией уже весной 1924 г. Обозначившийся под'ем сельского хозяйства окончательно вводил Кубань на путь восстановительного периода. Тогда же было отмечено областным партийным руководством, что „мерилом" настроения казачества „является сейчас та степень помощи и содействия, которое оказывает нам казачество". Но четкую развернутую постановку вопроса о путях завоевания середняка в конкретных кубанских условиях мы имеем только после решений октябрьского пленума ЦК 1924 г., суть которых была схвачена лозунгом „лицом к деревне". Постановления областной апрельской конференции 1924 г., пронизанные курсом на середняка, в течение лета проводились туго. Наследие гражданской войны, противопоставившей с лета 1918 г. большие массы казачьего середняка советам, тяжелой гирей висело над сознанием многих местных работников и слишком долго мешало видеть внутри казачества классовые

группы из-за сословных пережитков, с которыми часто связывалась чуть ли не „прирожденная" контр-революционность казачества.

Взаимное недоверие пронизывало отношения и тормозило реализацию декларированного политического курса. А между тем поднимавшееся хоз-во и политический культурный рост станицы, в обстановке классового расслоения, неизбежно должны были вывести казачье-середняцкие массы из состояния „нейтралитета" по отношению к советской власти. Или через преодоление недоверия казак-середняк должен был сомкнуться со всем средним крестьянством, как союзником пролетариата, или же активность его направилась бы по другому руслу. Так стоял вопрос. „Вспомните, какое положение мы имели осенью прошлого года, примерно, в июне, июле, августе и сентябре,—говорил тов. Баранов на конференции в ноябре 1925 г. Что в это время представляла собою хлеборобская масса? Она была инертной, пассивной ко всем мероприятиям партии в ст-це. И несмотря на то, что масса несомненно выросла в политическом и культурном отношениях—она не принимала участия в экономическом, культурном и административном строительстве ст-цы. Получился как бы разрыв между основной массой крестьянства и советами. Что же случилось? А то, что крестьянство, в особенности же казацкая масса, начало искать приложения выявившейся у него энергии". Курс партии „лицом к деревне" должен был направить эту активность в советское русло, закрепить руководство крестьянством на основе выявления широкой самодеятельности масс.

Своеобразие обстановки, в которой должна была проводиться эта линия на Кубани, заключается в том, что по сути дела реализация ее означала начало советизации области в условиях мирного строительства. Анализ развития Кубани за революционную эпоху достаточно ясно показал, с каким итогом этого развития подошла область к новой политике партии. Политическое „врастание" советской системы в гущу массы только начиналось. В эту полосу казачество входило с невыветрившимся воспоминанием о гражданской войне, за которой шел бандитизм. Ведь только в 1924 г. был пойман последний „из могикан"—бандит Рябоконь. Переход к новым формам и методам работы неизбежно наталкивался в этих условиях на ряд дополнительных трудностей. Но тем паче, этот переход приобретал громадное политическое значение. По сути дела он был первым приступом к крепкому завоеванию середняка-казака на базе активного вовлечения его в советское строительство. Вот как раз'яснялся основной смысл перехода к новым методам работы расширенным пленумом Кубокружкома в феврале 1925 г. „Если в прошлом работа комячеек сводилась к тому, чтобы опираясь на активно-советские слои ст-цы подавить сопротивление белогвардейских слоев в станице и нейтрализовать колеблющихся (политический

бандитизм — Фостиков, Пржевальский, Назаренко и т. д. в 1920-22 г.) затем к тому, чтобы внедрить в сознание населения принципы советской власти и закрепить строительство этой власти в организации административно-хозяйственного аппарата (1922-23 г.), и, наконец, к тому, чтобы на почве, служившей недавно ареной ожесточенной гражданской войны, начать планомерное строительство разрушенного войной хозяйства (1923-24 г.), прибегая очень часто для осуществления этих задач к методам военного режима и административного командования, то теперь, в связи с изменившейся политической и экономической обстановкой в станице, парткомы и ячейки должны изжить прежние приемы и поставить свою работу так, чтобы она покоилась на вовлечении широкой массы крестьянства и казачества в дело развития и улучшения крестьянского хозяйства—с одной стороны, и борьбы с бюрократическими извращениями советского аппарата, с другой. Если тогда хорошей была та ячейка и лучшим был тот коммунист, кто умел во-время найти спрятавшегося дезертира, скрытый хлеб, собрать продразверстку и быть на-чеку, чтобы местный кулак не поднял восстания против советской власти,—то теперь, в данных условиях, хороша та ячейка и тот коммунист, которые уже изжили военные методы, не командуют, не распоряжаются и не приказывают, а научились сотрудничать с беспартийным крестьянством и казачеством через общественные и советские организации, руководя ими на почве защиты близких и понятных им интересов» [1].

Открывалась новая страница в истории отношений власти и крестьянско-казачьих масс на Кубани. Политическая борьба, заполнившая ее, является важнейшим и поучительнейшим моментом из истории кубанской станицы за советский период. В фокусе событий социально-политической жизни были советы. Проведение политики оживления советов и землеустройства являлись основными кампаниями, вокруг которых развертывалась борьба за середняка. Поэтому за 1925—27 г.г. они являлись подлинным барометром политических настроений масс и изменений в соотношении классовых сил. Если вторая (землеустройство) доводила до конца аграрную революцию, то первая ликвидировала элементы разрыва между основной станичной массой и властью, на почве вовлечения ее в советское строительство—первая укрепляла политическую систему диктатуры пролетариата в ст-це. Эти хозяйственная и политическая кампании сплетались воедино и расчищали кубанскую почву к последующему успешному проведению социалистической переделки деревни. Успех их изолировал капиталистические элементы от основных масс, стяги-

[1] Сб. пост. расш. плен. Кубокружкома ВКП(б) от 20—22 февраля 1925 г. Краснодар 1925 г. Стр. 3-4.

вал кольцо „советского окружения" вокруг этих элементов и сигнализировал неизбежность наступления двенадцатого часа существования „кулака, как класса". Но этот успех достался Кубанской парторганизации не легко. Мы здесь можем еще раз повторить: пожалуй, очень мало было районов в СССР, где бы разрешение проблем землеустройства и оживления советов проходило в обстановке такой обостренной и яркой классовой борьбы, как на Кубани. Крепость своих зубов кулак показал еще и еще раз. Он отчаянно боролся, одеваясь в свою старую панацею, которой прикрывалось, для невооруженного глаза, действительное направление классового прицела. Эта панацея—сословная рознь.

Совершенно естественно, что партия не могла пройти мимо сословного момента. Содержимое под панацеей должно было быть вскрыто и вытащено на свет перед лицом широких бедняцко-середняцких масс, выявлено в процессе накопления опыта классовой борьбы самими массами. Ликвидация „отрыва" казачества от власти неизбежно проходила через преодоление сословных пережитков, путем перекрытия их классовыми противоречиями. „Казацкое кулачество в борьбе против советской власти всякую ее меру против себя старается перетолковывать, как меру, направленную против всего казачества, старается прикрывать свою классовую природу под сословной вывеской, старается противопоставить советской власти все казачество, играя на традиционно-сословных предрассудках остальной части казачества. Игра на этих предрассудках—есть козырь в руках кулаков против нас. Этот козырь мы должны у них из рук выбить и разоблачить „казацкие" требования казацкого кулачества, как требования просто кулацкие" [1]. Было бы левым авантюризмом обходить сословный вопрос, игнорировать его, не понимать, что эти сословные предрассудки еще сохранились. Путь выветрирования их проходил не через замалчивание, а через преодоление в процессе классовой борьбы с кулачеством за середняка. Отсюда реализация лозунга „лицом к деревне" в кубанских условиях сталкивалась с так называемым казачьим вопросом и требовала внесения ряда специфических моментов, вытекающих из особенностей исторически складывавшихся на Кубани.

Постановка казачьего вопроса, проблема завоевания казака-середняка связалась с новым курсом. Все политическое значение мобилизации, внимания парторганизации и ее опоры в станице на этом вопросе станут ясными, если вспомнить приведенное выше место из доклада Асаульченко в марте 1922 года, которое было очень характерно для умонастроений местных коммунистов. Становилось ходячим мнением, что большинство казаков—кулачье и стопроцентные контр-революционеры.

[1] Из отчета окружкома на 3-й конференции (декабрь 1926 г.). Стенотчет, стр. 103.

Не даром Крайком ВКП(б) в 1925 г. получал массу писем от низовых партработников, заявлявших, „что поворачиваться „лицом к деревне“ нельзя, ибо казачество на 90%—белое казачество, что нужно их расселить, а вселить на их места крестьян из центральной губернии, которые не будут контр-революционны“. „Это не был подход,—докладывал т. Эйсмонт,—отдельных личностей, а наш низовой партийный аппарат на 75% сначала не понял нового курса“ [1]. На той же конференции тов. Баранов сообщал: „Я слышал от многих членов нашей организации такое ходячее слово, что коммунист, несущий звание революционера и ленинца, считает позором, что родился казаком“. Ясно, что распространение подобных настроений было величайшим тормозом на пути завоевания середняка, было отрыжкой сплошного, „сословного“ подхода, который никогда нам не помогал, всегда только мешал и лил воду на мельницу классового врага. Мы думаем, что с постановкой казачьей проблемы немного запоздали, особенно, если учесть своеобразие кубанской контр-революции, разобранное выше.

Февральский расширенный пленум окружкома 1925 г. вынес специальную резолюцию „о вовлечении казачества в общественную работу“. Этот очень важный документ характеризует тот подход к разрешению проблемы, который был намечен тогда. „Представление, что казачьего вопроса не существует... совершенно неосновательно, как и те опасения, что недовольство, казачества, его активность, как привилегированного сословия в прошлом, усилится... Казачество, бывшее привилегированное сословие, при товарно-капиталистических отношениях не могло сохранить цельности и сплоченности. Оно неизбежно дифференцировалось... Идея казачества, как бывшего господствующего сословия, если жива и поддерживается, то только в некоторых слоях его (зажиточных), стремящихся свои интересы, затронутые революцией, перенести на защиту всего быв. казачества. Не уяснение этого и огульное представление о казачестве, как единой группе, выступавшей сплоченно в борьбе с советской властью, влечет за собой искусственное усугубление казачьего вопроса, сословной розни... Казачество неминуемо должно быть расслоено“. Далее, после характеристики привилегированности казачества в прошлом (земля и права), утверждения, что „положение иногородних приближалось к положению крепостных“, указывалось, что хотя сословный антагонизм и подрывался изнутри расслоением казачества, но борьба сословная все же была весьма острой, ибо право на землю было за казачьим населением—„отношения, покоящиеся на земле, существуют в значи-

[1] Из отчета Крайкома ВКП(б) на 2-й окрпартконференции. Бюллютень № 1, стр. 10.

тельной степени сейчас между казаками и иногородними". Отсюда обращалось особое внимание на землеустройство, которое „становится актуально политическим мероприятием, ибо через него в основном должен разрешиться казачий вопрос со всеми вытекающими отсюда последствиями". Наконец, отмечался сдвиг в казачестве и делались выводы о линии по отношению к нему в кампании оживления советов и землеустройстве: „Положение вещей (последствия гражданской войны. *Н. Л.*) создало у казачества представление о советской власти, как о сословно-иногородней. Кроме того, вся практика нашей предыдущей работы в станице, а особенно по линии советского строительства, закрепляла такое положение... Поэтому не вовлечение — изолирование казачества от работы, ставит казачество в стороне, заставляет его невольно замыкаться и сплачиваться на бывших сословных интересах... Отсюда партия, решительно изживая огульное, недоверчивое отношение, должна казачество (бедняцкие и середняцкие элементы) вовлечь в советы и вообще общественную работу. Низкий процент казачества в советах должен быть повышен и особенно резко в тех районах, где при последних перевыборах этот процент был незначительным... Создавая... беспартийный и крестьянский актив, необходимо... особенно обратить внимание на казачество... Советы должны... на деле явиться органом братского солидарного сотрудничества бывших сословий". В числе конкретных мероприятий указывалась „работа среди него, с учетом всех бытовых и культурных устоев, по изживанию „ура-казачьих" настроений".

Мы привели довольно длинные цитаты из резолюции, ибо последняя содержит развернутую картину постановки проблемы, являвшейся местной особенностью в преломлении курса лицом к деревне. Это был несомненно большой поворот в наших отношениях с казачеством, имевший глубокий политический смысл. Он сыграл огромное значение в успешном выходе из тогдашней политической борьбы с кулачеством. Его изучение очень важно с точки зрения современного положения работы с казачеством и тех ошибок, которые отмечаются в одном из последних постановлений Крайкома. Резолюция правильно ставила вопрос. Но мы хотим обратить внимание на один момент—указание на политику расслоения казачества имеется, но оно как-то расплывается „в сословном разрезе", недостаточно было оттенено. Например, вопрос об особом внимании к казачьей бедноте, что в последующем будет отмечаться почти во всех руководящих документах (все время слаба работа с беднотой из казаков), здесь отсутствует, пожалуй, вообще, был недостаточен акцент на вопросе разложения казачества до революции. Много говорилось о причинах, которые сохранили наличие сословных предрассудков, и это было правильно, ибо ориентировало парторганиза-

цию на необходимость борьбы с недооценкой работы с казачеством, с учетом его бытовых и прочих особенностей, но мало заострялось внимание на проведении четкой классовой линии в вопросе. Это свидетельствует, что ошибки, которые имелись в отношении работы с беднотой во время мартовских перевыборов в 1925 г., были в некоторой степени и следствием недостаточной заостренности этого вопроса в данной директиве.

Тов. Молотов по поводу итогов перевыборов в 1925-26 году отмечал следующее... „Обнаружилась неподготовленность бедноты в новых условиях и не только сказывалось это неумение, но до сих пор еще обнаруживается неправильное отношение, непонимание важнейшей обязанности партийной организации... организовать бедноту". Также мартовский пленум окружкома (1926 г.) констатировал... „В значительной мере, вследствие чрезмерно осторожного, а иногда и боязливого отношения парторганизаций к организационно-политической работе среди станичной бедноты, последняя, несмотря на достигнутую организованность и сплоченность, не представляла все же достаточно активной политической силы на перевыборах" [1].

Итак, проблема завоевания казака-середняка ставилась во весь рост совершенно правильно, но задача особой работы с казачьей беднотой и вообще с беднотой для достижения лучшего разрешения проблемы в феврале 1925-года была оттенена очень неотчетливо. Конечно, если учесть тогдашние сложнейшие условия на Кубани, необходимость особого заострения середняцко-казачьего вопроса (местные парторганизации имели нездоровый подход, грозивший сложиться в традицию), то можно будет найти оправдание этим недочетам в директиве. В будущем данное упущение могло привести к крупным ошибкам, если бы оно не было быстро учтено.

Как показала развернувшаяся дальше классовая борьба вокруг советов и землеустройства, партия курсом о работе с казачеством сделала чрезвычайно важный политический шаг, ибо она этим выбивала у кулачества почву для мобилизации широких казачьих масс под знаменем сословности; что политический расчет был правилен, свидетельствует хотя бы та необычайная гибкость и изворотливость, которые проявило кулачество в использовании всех имевших место отклонений от классовой линии в станице. Особенно опасны были анти-казацкие, т. е. анти-середняцкие тенденции, ибо они были живучи у местных работников, которые вследствие этого страдали неверием в серьезность постановки вопроса о казачестве и расценивали подчас ее, как подыгрывание или, как выразился один делегат на конференции в ноябре 1925 г., „подпевание,—многие сейчас под-

[1] Из резолюции 3-й конференции. Стенотчет, стр. 269.

певают". „Они не говорят о том, что нельзя так делать, что это неправильно и т. д., они подпевают, но расценивают все эти арии, как подделку под массы, подделку под настроения казацких слоев" [1]. Многие расценивали разрешение петь казачьи песни, носить черкески, кинжалы (о чем в то время много говорили), как потакание сословным предрассудкам. Между прочим, обвинителям в чрезмерном угождении казакам на 3-й конференции в отчете было указано: „Для этого (чтобы выбить у кулака козырь сословной розни.—*Н. Л.*) необходимо пойти на некоторые уступки сословным предрассудкам и традициям трудовой классовой массы казачества, что лишь облегчит их изживание. Этим мы разрешаем свою задачу сближения с этой трудовой массой казачества, изоляции от нее кулацкой верхушки".

По сравнению с критическим отношением к правильности „казачьей политики", в меньшей степени, в то время, были распространены „ура-казацкие настроения", игра на особых казачьих чувствах, действительное совершенно беспринципное подыгрывание к казачеству и проч., но и эти факты имели место, и необходимость борьбы с ними отмечалась в резолюции о политических задачах в связи с перевыборами в декабре 1926 г.

Итак, при проведении политики оживления советов и землеустроительных мероприятий, сталкивались две линии классово-враждебных сил—на разжигание сословной розни (буржуазно-кулацкая) и на изживание ее, через вовлечение казацких масс в строительство (пролетарская). Как развернулась борьба на протяжении 1925—1927 г.г. и какая сторона подвела более благоприятные итоги?

Первые перевыборы в новых условиях проводились весной 1925 г. В устах местных работников они получили впоследствии название „знаменитых мартовских перевыборов". Вот цифры об изменении состава стансоветов за 1924—26 г.г., которые не лишне привести в начале освещения хода кампании [2]. Состав по бывшему сословию:

	Перевыб. 1924 г.		Довыборы 1924-25 г.		Перевыб. 1926 г.	
	Советы	Председ.	Советы	Председ.	Советы	Председ.
Крестьян	60,1%	77,8%	41,4%	69,2%	37,7%	50,7%
Казаков	33,2%	15,6%	53,6%	27,8%	58,0%	46,8%
Пр. сословий . .	6,7%	6,6%	5,0%	3,0%	4,3%	2,5%

[1] 3-я окрпартконференция. Бюллетень, № 4, стр. 31.

[2] Цифры взяты из материалов к отчетному докладу окружкома на 3-й конференции. Стр. 12-13. Сведения по соцположению классифицированы своеобразно и путанно, но кое-что они дают. В частности, характерно, что за 1924-25 г. процент середняков и зажиточных не указан.

По социальному положению:

	Перевыб. 1924 г.		Довыборы 1924-25 г.		Перевыб. 1926 г.	
	Советы	Председ.	Советы	Председ.	Советы	Председ.
Всего хлеборобов	56,5%	34,4%	75,3%	43,9%	80,8%	хл. 60,6
бедн.	—	—	24%	—	36,2%	—
В том числе бедн. освобожд. от с.-х. налога	—	4,6%	—	11,5%	56,2% середн.	ос. от с. х. н. 4,1%
Рабочих, батр.	20,9%	22,2%	9%	9,1%	52,8% заж. 4,0% раб. и бат.	р. и б. 7,4
Служ.	18,0%	42,9%	11,1%	47%	3,3% служ.	сл. 31% инт. тр.
Интел. труда	4,6%	0,5%	3,7%	—	10,4% —4,2%	1%

Если просмотреть движение казачества, то можно легко увидеть резкое увеличение процента их в 1925 г. с 33,2 до 53,6% К сожалению, движение по социальному признаку плохо отражено в цифрах. Характерно, что как раз за 1924-25 г.г. отсутствуют сведения о бедноте, середняках и зажиточных. Но зато бросается в глаза резкое снижение процента батраков. Картину дополняют и конкретизируют данные по отдельным станицам и документы характеризующие итоги мартовских перевыборов. Из них становится ясным, что местные работники назвали их „знаменитыми" не напрасно.

Перевыборы показали большую организованность кулачества. По очень многим станицам оно получило победу, при чем последняя была достигнута под знаменем восстановления „казачьей власти". Документом, обобщающим политический итог „марта" являются тезисы о перевыборах, принятые широким совещанием заворгов райкомов от 14—17 декабря 1925 г. Вот они: „1) Результаты весенней перевыборной кампании выявили несомненный рост активности хлеборобов вообще и особенно высокую политическую активность казачьей верхушки. Эта верхушка в целом ряде станиц... фактически руководила перевыборами, ведя за собой большинство казачьей массы и об'единяя последних по сословному принципу, часто под лозунгом „Кубань для кубанцев", что привело к особенному обострению сословной розни между казаками и иногородними в момент перевыборной кампании и затушевало социальную рознь и противоположность между беднотой и середняками, с одной

стороны и зажиточной частью,—с другой"; 2) особенно важный тезис—„Переизбранные советы имея в своем составе преобладание казачества, часто находились под безусловным влиянием зажиточной части казачества, во многих случаях советы непосредственно и руководились последними (в числе предстансоветов имеется 55% беспартийных казаков, среди которых есть атаманы и очень зажиточные казаки). При этих условиях станичные советы по своей сословной (!), а иногда и социальной природе, не могли взять и провести правильного курса в основной области работы, именно в области установления здоровых земельных отношений в ст-це, в результате чего мы имеем на этой почве случаи чрезвычайно обостренной сословной борьбы (ст. Полтавская, Тимошевская), доходившей до того, что выносились постановления о поголовном выселении из станиц всех иногородних"; 3) „...Окрыленные успехом прошлых перевыборов и значительно окрепшие организационно,—эти группы казачества (кулаки—*Л. Л.*) в предстоящую кампанию используют сословную рознь в целях установления социального „мира" и поставят перед собой задачу овладения не только стансоветами, но и захвата руководящей роли в райисполкомах" [1]. Как видим, положение создалось очень серьезное. Кулачество быстро организовалось и ловко использовало наши „грехи молодости"—неверный тон по отношению к казачеству в 1922-24 г.г.

Конечно, большую роль сыграла неподготовленность станичных ячеек. Кампания застала их врасплох и „проводилась без определенного плана. Многие члены партии не отдавали себе ясного отчета в том, что требовал от них политический момент (из тезисов)". Уяснения сущности нового курса не было. Наоборот, появлялась растерянность и скептическое отношение. Но... все же, какие зубы показал кубанский кулак! Он был наиболее политически активной группой в перевыборах, быстро выдвинул старый лозунг „Кубань для кубанцев", и пытался его проводить в жизнь (ст. Полтавская), как бы подчеркивая этим, что „еще есть порох, в старых пороховницах". Традиции самостийности верхушка сохраняла.

Своей победой кулак произвел настолько сильное впечатление, что даже совещание заворгов допустило, по нашему мнению, не совсем политическую верную оценку—„Станичные советы по своей сословной (!), а иногда социальной природе не могли взять и провести правильного курса"—об'ективно раздувавшую сословную опасность, противоречившую курсу на вовлечение казачества в советы. Эта „сословная природа" вообще—очень яркий штрих. Принято ведь через 7 м-цев после перевы-

[1] Мат. 2-го широк. совещ. заворгов райкомов Кубокруга ВКП(б) 14—17 октября 1925 г., стр. 61—69.

боров, когда первые впечатления должны были смениться трезвым учетом действительного положения вещей. Очевидно, кулацкий элемент настолько активизировался в стансоветах, что поддерживал первые впечатления вплоть до следующих перевыборов.

На этом же совещании заслушивались доклады с мест. Это—яркие иллюстрации к принятым тезисам. Возьмем знакомую уже нам ст. Платнировскую. Она теперь оказалась в авангарде кулацкого наступления. Тов. Любимцев от Кореновского райкома докладывал: „Здесь земельный вопрос стоит тоже чрезвычайно остро... Интересно то, что член президиума стансовета и 2 члена совета возглавляют борьбу. Кулаки привлекают на свою сторону середняков и даже бедняков следующими аргументами: „Если удастся разделить землю между коренным населением, то и беднота получит больше земли"... Заведующий налоговым столом в ст. Платнировской: имелись два недоимщика, один—кузнец, бедняк, иногородний, другой—казак, имеет мельницу и две молотилки. Оба подают заявление о том, чтобы им продлили срок уплаты недоимок. Зав. налог. столом постановляет: кузнец бедняк недоимку должен внести сейчас же, а казаку, имеющему мельницу и молотилку, недоимку отсрочивает". Когда мы читали этот доклад с мест, вспомнился „фельдмаршальский жезл" тов. Клейнера. Кулак действительно претендовал на „фельдмаршальство" в политике и сразу показал, кого он желает бить этим жезлом. Только дай ему в руки. „Политическая обстановка в ст-це чрезвычайно сложна,—продолжал сообщение тов. Любимцев, гвоздем, на котором сосредоточивается все внимание ст-цы, является земельный вопрос. Борющиеся группы и сейчас еще не понимают политики партии. Так в ст. Бейсугской старые красноармейцы говорят, что партия повернулась лицом к казакам, ибо к ним возвращаются старые привилегии. Они не хотят понимать, что все привилегии казакам заключаются в том, что им разрешили носить старые чекмени и старые поржавленные кинжалы... В той же ст-це казаки курс партии понимают по-своему. На общегражданском собрании... казаки заявили о том, что землю нужно вообще отобрать у всех иногородних, поскольку земля не помещичья и поскольку она принадлежит коренному населению, т. е. казакам. Сословная рознь наблюдается даже в реорганизации коллективных хозяйств, которые создаются вокруг фордзонов. В ст-це Дьяковской из всех организованных колхозов 14 являются сословными и только четыре—смешанные, где имеются казаки и иногородние. Нужно сказать, что активность зажиточного казачьего населения за свое влияние в станице возрастает".

Очень колоритен следующий факт, характеризующий состояние выбитых из колеи „старого командования" станичных ком-

мунистов: „имеется 11 коммунистов (ст. Бейсугская), которые безусловно тормозят работу. Первый—зав. земотдела, не понимает вопроса о крестьянстве и берет линию дискредитирования совета и считает, что председатель исполкома и секретарь ячейки работают для кулаков. Сколько он ни говорил на заседаниях ячейки по этому вопросу—его всегда крыли, тогда он напился пьяным, ушел в совет и стал требовать печать исполкома, видимо охота покомандовать". Как-раз в этой ст-це красноармейцы заявили о повороте партии от них лицом к казакам. Тов. Баранов передавал свое впечатление о перевыборных собраниях очень кратко и выразительно: „У меня, как непосредственного участника, перед глазами и сейчас стоит живая картина предвыборных и выборных собраний... беднота была ущемлена и оттиснута в сторонку. Выборное собрание раскололось на две половины—правую и левую: здесь казаки плотной стеной стоят, а бедняки в уголок попрятались, женщинам совсем не было места. Вот какая картина тогда была"[1].

Словом „кавалерийский рейд" кубанского кулачества был настолько стремителен, что уже в следующей перевыборной кампании обращается громадное внимание на организационную подготовку ячеек и бедняцко-середняцких масс к бою. „Кампания по перевыборам советов на Кубани приобретает исключительное политическое значение... От степени нашей подготовки и организованности... будет зависеть исход предстоящей перевыборной кампании: или наши станичные ячейки сплотят и поведут за собой бедняцко-середняцкие массы, или этими массами будет руководить зажиточная часть ст-цы"—так крепко формулировало положение совещание заворгов. Настолько крепко, что фигурировало уже „или-или". В. Черный, специально изучивший в 1927 г. итоги кампании перевыборов на Кубани, дает в своей статье следующую оценку обстановки, которая сложилась в 1925 г. „Перевыборы 1925 г., когда советы оказались в руках зажиточных элементов казачества, бесспорно сигнализировали опасность перерождения советов в сторону кулацкой демократии и приспособления их к мелко-буржуазной и казацкой политике, вследствие проникновения в них большого процента антисоветских или не совсем советских элементов. Тогда проявились бесспорно не совсем замаскированные тенденции захвата советского аппарата классово-враждебными элементами, которые выросли с 2,66%

[1] Отчет 1-го окр. сов. выдвиженцев-хлеборобов Кубокруга 5—7 декабря 1925 г. Кр-дар 1925 г., стр. 42. Между прочим на совещании заворгов сообщался интересный факт: „Зам. пред. каз к Петин, раньше состоявший в партии, вообще энергичный товарищ, при перевыборах выдвигался зажиточной частью населения, но, как бедняк, был поддержан и беднотой. Петин заявляет, что он будет работать, если зажиточная часть населения будет оказывать ему поддержку. А бедноте он говорит, что она без зажиточных, как без головы".

до 15% в советах..Самый характер мартовских выборов был результатом как затягивания старой политики в деревне, замирания советов, так и особенностей кубанской обстановки"[1].

На совещании выдвиженцев хлеборобов секретарь окружкома в докладе заостряет вопрос о классовой сущности сословной розни и уделяет особое внимание вопросу о работе с беднотой, которая „оказалась оттиснутой в прошлых перевыборах". Выдвиженцы много останавливались в прениях на этом вопросе. Большинство возражало против особых собраний бедноты и середняков. „Я с тов. Барановым немного несогласен в вопросе, чтобы перед перевыборами бедноту собирать отдельно, середняков отдельно и вообще собирать отдельные прослойки населения... Лучше всего всю работу проводить поквартально, обсудив совместно все кандидатуры, при участии бедноты и женщин... В противном случае у нас будет то же расслоение, что и при мартовских перевыборах и большинство казачества будет выбрано в совет"[2]. Очень характерно, что о казачестве продолжают говорить вообще. В заключительном слове снова подчеркивалась целесообразность созыва отдельных собраний для мобилизации бедноты и усиления связи ее с середнячеством. Между прочим, в тезисах совещания заворгов этот вопрос не получил четкой постановки, но в резолюции 2 й окрпартконференции (ноябрь 1925 г.) работа с беднотой выдвигалась на очень видное место[3], наравне с созданием беспартийного крестьянско-казачьего актива.

В результате тщательной подготовки и мобилизации всех сил к январским перевыборам 1926 г., кулаку не удалось развить свои мартовские успехи. Он был потеснен назад, но „полного политического поражения" не имел. Серьезным подведением итогов перевыборов занималась 3-я партконференция, на которой данный вопрос освещался в специальном докладе. В длинной резолюции развертывалась подробная характеристика политического положения станицы. Позиция кулачества получила следующую оценку: „Прошедшие перевыборы советов не привели, да и не могли привести, к полному политическому поражению кулачества на перевыборах. Кулак, хотя и потерпел поражение в сравнении с мартовскими выборами, но отступил в порядке, сохранив свои кадры. Желание во что бы то ни стало вернуть утерянные политические позиции и утвердиться в советах будет иметь место в будущем"... „Мы несколько переоценили вопрос об организации бедноты и батрачества, вопрос об их влиянии на середняка, а отсюда—несколько переоценили отрыв середняка от кулака и изоляцию последнего",— констатировал

[1] „На аграрном фронте" № 1, 1928 г. Ст. „Перевыборы советов и сословно классовые отношения на Кубани", стр. 89.

[2] Отчет, стр. 55.

[3] См. Бюл. № 7, стр. 5.

т. Базарник в докладе. Словом, активность бедноты несомненно повысилась в январе 1926 г. по сравнению с мартом 1925 г., но она еще сильно отставала от политической активности кулачества.

Все материалы о работе советов за 1925-26 г. г. свидетельствуют об очень хитрой и умной тактике, которую стал проводить кулак, борясь за бедноту. Успешность ее в ряде мест помогла ему отступить в порядке в январе и удержать за собой определенные слои середняка. В отчете окружкома на 3-й партконференции был даже специальный раздел „влияние кулачества на бедноту". Там приводилось много фактов, вскрывавших эту тактику: кулак подчинял своему влиянию даже партизан, отдельные представители которых становились орудием в его руках. Опираясь на экономическое закабаление бедноты, он стремился превратить ее в свой политический рупор. Бедняки часто выступали на собраниях с лозунгами „налог тяжел для всего крестьянства"... „с нас пьют кровь и душат нас налогами". Между тем беднота была от налогов освобождена, но ее „загипнотизировали". „Стратегия кулака чрезвычайно тонка... Подготовка проходит у него на всякого рода полулегальных собраниях (свадьбах, гулянках, выпивках и т. д.). Нужно сказать, что кулаки широко практикуют метод индивидуальной обработки и как „индивидуалы"... они гораздо лучше ведут работу, чем многие наши коммунистические индивидуалы... На собраниях при столкновениях с представителями партии... вступают в бой, но сами остаются в резерве, играют роль командного штаба, а на первую линию огня выдвигают свое „пушечное мясо" в виде бедняков и отдельных середняков... Мы должны потребовать от каждого большевика научиться разоблачать эту хитрую стратегию кулака"[1].

Отражением этой кампании кулацкой верхушки было появление, среди коммунистов округа оригинальной „теории о двух оппозициях в ст-це": „Мы имеем в кубанской ст-це две оппозиции—бедняцкую и кулацкую, разница между ними заключается лишь в характере требований и степени политической активности: вторая кулацкая активнее первой".[2]. Действительно, додумались сравнивать недовольство бедноты и классовую борьбу кулаков, как две самостоятельные и равнозначные оппозиции. Эта теория свидетельствовала об утере классового курса ее носителями и в то же время о недооценке кулака—„оппозиция". Но появление ее симптоматично. „Мы имеем сейчас обострение классовой борьбы в наших кубанских ст-цах—это и есть то главное основное, что характеризует положение в-

[1] 3-я Кубокрпартконференция, стр. 105.
[2] Стр. 275. „Резолюция о политическом положении ст-цы".

ст-цах в данное время. По сравнению с прошлыми перевыборами не имеется сглаживания этой классовой борьбы"[1]. Все же отмечали, что в основном беднота к 1927 г. высвободилась из-под кулацкого влияния, хотя темп повышения ее активности еще отставал от кулачества. Середняк в массе своей отходил от кулака и стал занимать позицию устойчивых взаимоотношений с властью. Это еще больше обостряло напор врага, который не желал попасть в положение изолированной группы.

Вопросы организации бедноты и батрачества ставились центральной задачей перед парторганизацией в подготовке перевыборов 1927 г. В резолюции совершенно правильно указывалось, что эта организация должна вести к ликвидации тенденции разрыва между беднотой и середняком—„организация для того, чтобы возможно больше влиять на основную середняцкую массу в целях отрыва ее от кулачества". Вопрос об опоре и союзнике, о взаимной связи этих двух моментов, о необходимости обязательного сочетания их в одну общую задачу был поставлен совершенно правильно. Между прочим, тогда же обращалось внимание на необходимость борьбы с настроениями красных партизан подчас замыкавшихся, и противопоставлявших себя даже бедноте; давалась директива—участие красных партизан, демобилизованных красноармейцев „слить в избирательной борьбе с общим участием бедноты и батрачества".

1926 г. был годом усиленного политического расслоения станичной интеллигенции. Процессы, происходившие внутри ее, являются одним из подтверждений политической активизации кулачества и обострения классовой борьбы. Приходится констатировать, что поведение кубанской интеллигенции в этот период тоже заставляет вспомнить ее историю и протянуть нити ко временам Рады, когда лозунг „Кубань для кубанцев" идеологически обслуживался местной интеллигенцией. Размежевание внутри ее находило свое выражение в растущем сплочении определенной части вокруг советов и профсоюзов, и более решительном повороте другой части к кулачеству. Знаменитые Кореновские учительские вечеринки были „законченной формой кулацкого агитпропа в ст-це". Этот процесс расслоения был очень ярко вскрыт на окружной конференции рабпроса, где имелась определенная группа учительства, поставившая своей целью вывести конференцию из-под руководящего влияния партии. Она была разоблачена. Но активное поведение группы показывало путь, по которому шли антисоветски настроенные элементы среди служащих — отрыв от партии профорганизаций, захват их в свои руки. На Тимашевской районной конференции рабпроса имелся случай открытого провала списка комфракции. Там эта демон-

[1] Доклад Базарника, стр. 234.

страция была завершена „банкетом с тостами за организованное учительство, за победу над врагом". На одном низовом профсобрании в том же районе имелось выступление учительницы с заявлением: „Не говорите нам ячейка—это нам неприятно—говорите просто союз" (письмо окружкома, июль 1927 г.). Борьба внутри интеллигенции развертывалась между правым и левым крылом за влияние на болото, которое всегда представлено достаточно солидно среди этого мелкобуржуазного слоя.

Завершающим звеном избирательных кампаний были перевыборы весной 1927 г. Они подвели черту под итог всей трехлетней полосы обостренной классовой борьбы периода политики оживления советов. Итог кратко может быть сформулирован так—ставка кулачества на захват низовой системы была бита, его стремительная мартовская атака дала временную победу. 1926-27 г. принесли неуклонное систематическое выбивание кулаков из занятых позиций, оттеснение их назад с авансцены советской политической арены. Прекрасную иллюстрацию эволюции избирательной борьбы за 3 г. дает таблица изменения состава совета по ст. Троицкой [1]:

Избират. кампании	Социальный состав советов						Партийных		Явилось на выборы			Лишено изб. прав
	Бедняков	Рабочих	Батраков	Середняков	Зажиточн.	Служащих	ВКП(б)	ВЛКСМ	Иногородн.	Казаков	Прочих	
Ноябрь 1924 г. . .	57	8	14	25	—	6	14	8	учета не было			77
Март 1925 г. . .	11	2	1	45	15	1	—	—				51
Январь 1925-26 г. .	16	—	—	52	21	8	4	1	721	681	уч. не было	65
Январь 1927 г. . .	24	5	5	48	7	11	12	4	867	824	289	179

Так же по станице Пластуновской:

Год	Явилось на выборы			Лишено изб. прав	Состав советов									
					По сосл. призн.		По социальн. призн.					Партийному		
	Избират.	Казаков	Иногород.		Казаков	Иногород.	Зажиточн.	Середняков	Бедняков	Служащ. и куст.	Батраков	Чл. ВКП(б)	Чл. ВЛКСМ	Беспартийн.
1925 г. .	6271	945	405	—	83	17	19	66	9	6	—	5	1	94
1926 г. .	6321	1338	993	67	63	41	10	56	32	2	—	12	1	91
1927 г. .	6375	1626	850	312	60	40	—	45	34	16	5	18	3	79

[1] Взяты из ст. В. Черного в ж. „На аграрном фронте." № 1, 1928 г., стр. 87.

Последняя таблица показывает устойчивость казачьей части совета и нормальное соотношение ее с иногородней за 1926-27 г., подчеркивая одновременно кулацко-казацкую мартовскую победу. Мы также видим сочетание „сословного равновесия" (1926-27 г.) с выживанием из совета кулацко-зажиточного элемента и повышением в нем процента бедноты. Оголение классовой сути борьбы подчеркивается повышением процента лишенцев и их сословным составом, что не понизило, а повысило активность в выборах бедняцко-середняцкой массы, в частности, казацкой. Так, из 312 лишенцев 1927 г.—137 было казаков и 175 иногородних. Таблица по Троицкой ценна тем, что дает эволюцию, начиная с 1924 г. Из нее видно, что „зажиточные" потерпели сильное поражение только в январе 1927 г. и тоже в обстановке повышенной активности избирателей (казаков явилось даже больше, чем иногородних) и увеличения лишенцев. В источнике, откуда взята эта таблица, указывается, что в цифре 45 середняков на март 1925 г. была солидная группа зажиточных, скрывших себя, так как „сами себя записывали, как середняки". Штришок, характеризующий степень подготовленности к перевыборам местной ячейки. Общее повышение процента лишенцев по округу выражается: 1926 г.—1,5%, 1927 г.—5,8%. Позже указывалось, что кое-где с лишением переусердствовали, но этот момент не отразился на активности масс и не усилил недоверчивости к политике. Это очень важно подчеркнуть. Между прочим, наблюдавшееся в 1927 г. в ряде мест понижение процента казаков в советах не отразилось на активности последних, что лишний раз подтверждает „ослабление сословно-казачьего напора на советы" и перекрытие его классовыми противоречиями. Хотя следует отметить, что кое-где это понижение могло грозить ослаблением размаха работы с казачеством, применением знаменитого „кампанейства" в работе, которое так характерно для деятельности станичных ячеек. Дальше увидим, что симптом (понижение процента казаков в советах) действительно сигнализировал опасность и перерос затем в „угрозу". Работа с казачеством ослабла, особенно плохо обстояло с беднотой. Вообще работа с беднотой наравне с казачьим вопросом наиболее ярко носит на себе следы „кампанейства", как метода, заменявшего систематическую планомерную работу. Это один из крупнейших недостатков кубанской парторганизации, сохранившийся вплоть до последних дней.

Одной из характерных черт выборов начала 1927 г. было преобладание активности именно бедноты. Рост ее в советах по округу выразился в повышении процента—от 37,7 до 47,8, при одновременном усилении коммунистического ядра с 9,7% до 16,1%. Но темп, размах политической работы с беднотой „спал после перевыборов". Группы бедноты, как формы повседневной ра-

боты, отставали от развертывания бедняцких собраний, связанных, главным образом с избирательными кампаниями. Это отмечал окружком в своем письме от июля 1927 г.: „Работа с беднотой носит у нас... ударный характер... Все еще сосредоточено в первую голову вокруг перевыборов... И в несравненно—непропорционально в меньшей степени—вокруг таких, скажем, мероприятий, как проведение, либо углубление внутриселенного землеустройства, налоговые вопросы да и вопросы местного характера вообще". Выдвижение бедняцкого актива шло позади выдвижения остальных слоев населения. По данным обследования пяти крупных станиц, бедняцкий актив, по сравнению с середняцким, меньше нагружался заданиями, оставался в вынужденном „резерве", пребывание в котором, конечно, ослабляло действенность его и втягивание в работу. Интересны в этом отношении цифры по этим 5-ти станицам, из которых видна доля в беспартийном советском активе разных социальных групп по отношению к общей массе избирателей той же группы: бедняки 0,7%, середняки 2,4%, зажиточные 3,2%, служащие 4,6%; та же картина с кооперативным активом: бедняки 3,7%, середняки 12,3%, зажиточные 15,3% и служащие 22,7%. Обследование происходило до последних перевыборов. Социальный состав всей массы беспартийного актива по тем же станицам, плюс две новые, был таков: а) советский—батраков—1,7%, бедноты—18,7%, середняков—57,8%, зажиточных—9,6%, служащих 10,9%, б) кооперативный—батраков 3,6%, бедноты—17,4%, середняков—48,4%, зажиточных 8,9%, служащих 18,9%. Цифры доказывают, что организационно-политический охват бедноты отставал от активности масс в перевыборах и что работа с нею была недостаточно увязана с работой, проводимой с середнячеством и батрачеством. С последним дело обстояло хуже всего—это был слабый участок: движение по линии работы с батрачеством отставало от повысившегося значения рабочего вопроса в станице. „Численность батрачества в летние м-цы достигала в округе—30—40 тыс. человек". В отношениях бедноты с середнячеством еще были „неувязки": „Беднота стушевывается перед середняком, теряет лицо, политически растворяется в середняцкой массе, что приводит к утере беднотой руководящей роли внутри блока. С другой стороны, беднота противопоставляет себя середняку, изолируется от него, при чем организационно-политическая работа с нею из работы за середняка превращается в работу против него, что приводит к ослаблению блока" [1]. Все эти недостатки иногда в большей, иногда в меньшей степени сопро-

[1] Письмо окружкома. Июль 1927 г. Цифры о беспартийном активе и батрачестве взяты оттуда же (стр. 41—42) по станицам: Н.-Стеблиевская, Северская, Афипская, Каневская и Березанская и дополнительно две—Кореновская и Челбасская.

вождали работу вплоть до последних месяцев. Стоит указать следующий поучительный и для современности факт: в начале 1927 г. появились разговоры о создании „политического союза" красных партизан и демобилизованных красноармейцев времени гражданской войны. Весь политический вред подобных сектантских устремлений совершенно ясен: последние росли на настроениях воинственного авантюризма, который только помогал кулачеству, ибо раздроблял и противопоставлял друг другу отдельные части бедняцко-середняцкого блока. Несомненно, что эти настроения отражали отрыв и существовавшую деклассированность некоторых представителей партизан, не нашедших еще себе места в производственном процессе станицы и поэтому „анархиствовавших".

Если перейти от бедняка к итоговой характеристике поведения середняка на протяжении трех избирательных кампаний, то можно будет абсолютно точно констатировать, что середняк шел на союз, отталкиваясь от кулацко-сословных лозунгов чем дальше, тем все больше. К лету 1927 г. основные массы середнячества были сплочены вокруг советов и, несмотря на отмеченные выше недостатки в работе с беднотой, политически они сблизились с ней настолько крепко, что определили и решительное поражение кулаков в январе 1927 г. „На исходе кампании политическое расслоение середняцкой массы приняло более отчетливый характер, выразившийся в более решительном сплочении большей ее части—вместе с беднотой—вокруг пролетарского руководства станицы, более решительном отходе меньшей части—зажиточной—на сторону кулачества" [1]. Середняк своим поведением заставил кулаков свертывать лозунги сословной борьбы, ибо они не достигали цели, разбиваясь о четкую классовую линию пролетарского руководства кампанией, учитывавшего бытовые пережитки казачества и всемерно вовлекавшего его в советы, как союзника пролетариата.

Черный попытался в следующем обобщении схватить основную линию развертывания социальной борьбы на Кубани за 1924—27 г. „Если принять состояние сословных отношений между казаками и иногородними в 1922-23-24 г.г., т. е. до новой политики партии в деревне, состояние, характеризовавшееся господством иногородних, главным образом, бедноты, и полным отстранением всего казачества от всей общественной работы и от советского строительства, если принять это за тезис (положение), то политический поворот в станице в 1925 г., характеризовавшийся мартовскими выборами, приведшими казачество, как „целое", к власти, оттеснившими иногородних на вторые позиции в общественной жизни станицы и культивировавшими атмосферу каза-

[1] Там же. Стр. 43.

чьего реванша над иногородними, этот поворот является противоположностью к предыдущей полосе, своеобразным антитезисом. В свете такого сопоставления перевыборы 1926 г. и особенно 1927 г. приобретают характер постепенного нащупывания и установления синтеза на классовой основе. Выборы 1926 г. сделали первый шаг в эту сторону. Последние перевыборы, закрепив это, расширили переход с сословных позиций на классовые рельсы на основе участия в общественной работе, во власти советских элементов казачества (бедноты, середняков) и некулацких слоев крестьянства" [1]. Мы сделали длинную выписку, ибо это обобщение не лишено определенной стройности („с триадой") и очень характерно, если принять во внимание отмеченную во второй главе постановку этим же автором проблемы о внутренних силах революции на Кубани. Он считает, что этих сил было недостаточно для победы „советской революции" на Кубани в 1918 г. над местной контр-революцией. Несомненно, что эта точка зрения в конечном счете покоится на распространенной концепции о соотношении классовых и сословных противоречий на Кубани. Наиболее законченную, так сказать „крайнюю" формулировку она получила у Гольдентула, который главу „Казаки и иногородние" в своей работе заключил выводом: „Таким образом кроме наличия двух главных классов (!) казаков и иногородних —самого крупного расслоения, между которым проходит резкая грань, есть еще расслоение территориальное: жители богатых станиц и жители обездоленных" [2]. Менее аляповатые, но по содержанию близкие к Гольдентулу, имеются формулировки в известной работе Ладохи о гражданской борьбе на Кубани [3]. У Гольдентула вопрос чрезвычайно ясен—казаки и иногородние главные „классы", и борьба между ними определила весь ход гражданской войны. Такая отчетливая постановка совершенно сбрасывает с весов классовой борьбы разложение казачества и классовые противоречия внутри его, историческую роль кулачества, как главного борца за сословные привилегии в гражданской войне. Просто и ясно—никакого „сложного переплета". С этой точки зрения поместную контр-революцию необходимо рассматривать не как кулацко-сословную, а как просто сословно-казачью контр-революцию. По сути дела схема является теоретическим обоснованием (может быть не по воле автора) точки зрения тех коммунистов, которые писали в Крайком в 1925 г. о том, что нужно выделить казачество из области, как 90% ную белую массу. Кстати очень поучительная параллель: а) рьяные вожди кулацкой Рады доходили до предложения выселить всех иногородних с Кубани, б) „рьяные" представители большевиков,

[1] „На агр. фронте", № 1, 1928 г. Ст. В. Черного. Стр. 88.
[2] Гольдентул „Зем. отношения на Кубани". Стр. 31.
[3] Ладоха. „Очер. гражд. борьбы на Кубани". Стр. 15-16-28 и др.

работавших в казачьих областях", повторяли эти предложения только по обратному адресу—выселить казаков. И те и другие доводили до конца свою „решительность" в борьбе с той только разницей, что „рьяные большевики" своим предложением об'ективно помогали кулачеству, играли на том инструменте, который для последнего наиболее выгодно было бы дать в руки большевикам. Не знали они, что во времена Рады иногороднее кулачество предложение вождей о выселении всех иногородних выслушивало спокойно и продолжало сотрудничать с самостийниками против большевиков, ибо классовые интересы были путеводной нитью, которая вела его в об'ятия своих собратьев по классу. В докладе Черного, на который мы ссылались, проблема классового расслоения казачества до революции не обойдена, он о ней упоминает, но для него основное—это все же сословные противоречия между казаками и иногородними в целом. Благодаря им то и не смогли советы победить в 1918 г. на Кубани, ибо все казачество было против передела земли и решительно боролось за сохранение „своих казачьих прав".

Эта постановка упрощает действительную сложность перелета и, затушевывая глубину классового рассолоения казачества, смазывает классовую роль мощного кулачества, как главного борца за „казачьи вольности", эксплоатировавшего сохранившиеся сословные предрассудки, традиции всего казачества, путавшего бедноту и середняков жупелом передела земли с иногородними. Последние, благодаря классовой несознательности, вопреки своим основным интересам, часто шли за кулачеством.

Отсюда у Черного и „сословный разрез" итогов перевыборов, которые он подводил в статье „Перевыборы советов и сословно-классовые отношения на Кубани", а не классово-сословные. Акцент взят не в ту сторону. Акцент затушевывает классовую суть „мартовской победы" и смазывает удельный вес тех ошибок, которые были допущены ячейками на Кубани, совершенно растерявшимися в тот момент и поэтому выпустившими руководство избирательной борьбой из своих рук. Нужно учитывать то неверие в правильность „казачьей политики" со стороны достаточно большого кадра местных коммунистов, которое имело место в 1925 г., и трезво учесть всю совокупность причин, которые помогли кулачеству повести за собой тогда массы казаков. Необходимо отдавать себе отчет, что и после 1927 г., несмотря на проведение землеустройства, если бы партия наделала ошибки в „казачьем вопросе", кулаки снова смогли бы повести за собой в определенный момент массы середняков под сословными лозунгами. Черный последовательно изображает эволюцию „сословно-классовых отношений" так: 1) господство иногородних, главным образом, бедноты над всем казачеством до 1925 г., 2) „захват власти казачеством, как „целым"—мартовские перевыборы,

это — реванш, 3) постепенное „нащупывание и установление синтеза на классовой основе" двух сословий; 1926 г.—„первый шаг", перевыборы 1927 г.—дальше „расширили переход с сословных позиций на классовые рельсы". Мы далеки от мысли отрицать обострение сословной розни, „реванш" под сословными лозунгами и ослабление элементов сословной розни в ходе перевыборов. Ибо это есть факты, обходить которые, значит рисовать отвлеченную картину оживления советов на Кубани, не соответствующему реальному процессу. Но это внешняя форма (форма, как известно, вполне реальная вещь и, если спросить у наших философов—вовсе не пустая величина, не нуль) того социально-политического процесса, который развернулся на Кубани. Суть же его заключалась в дальнейшей эволюции классово-сословных отношений в кубанской станице, основным стержнем которых была классовая борьба между кулачеством и пролетарской властью за установление союза с середняком. Первый—кулак, начал борьбу под знаменем сословной розни, ибо это ему классово выгодно, второй—пролетариат, под знаком классовых противоречий между кулачеством казачье-иногородним и бедняцко-середняцкими массами, с учетом наличия сословных пережитков, как тормоза, мешающего добиться „чистоты" классовых отношений. Так как игнорирование его только бы затрудняло укрепление союза, то взят был курс на некоторые „уступки" предрассудкам. Но не в этом было основное, а в четкой классовой линии. Следовательно, борьба разворачивалась не с позиций сословных противоречий, а с позиций классовых противоречий, затушевывавшихся на первых порах новой вспышкой сословной розни, как формы классового наступления со стороны кулачества. Успех последнего в марте вовсе не был предопределен соотношением сил, а зависел и от организованности и качества руководства беднотой и середняками со стороны ячеек. Организованность и качество руководства были низки,—и противник—кулак взял реванш, использовав растерянность врага и сословные пережитки. Последние, повторяю, сбрасывать нельзя, но неверно будет сословную борьбу—ее под'ем и падение—делать основным содержанием социально-политической борьбы за 1924—27 г. г. Конечно, можно рассматривать явления в разных аспектах. Допустим и тот, который избрал тов. Черный. Но только нужно сказать, что его аспект—сословно-классовый, не вскрывает основной пружины, главной линии хода событий, а, наоборот, может эту линию затушевать.

Оживление советов на Кубани, курс на активнейшее вовлечение казачества в строительство, совпавший с разгаром землеустроительной кампании, были величайшим опытом борьбы за середняка—казака, равного которому мы не имеем за предыдущие годы нэпа. Именно этот опыт окончательно и бесповоротно

показал, что внутренних сил революции было достаточно для обеспечения победы советской власти, как пролетарской власти, при правильной политике и без непосредственной помощи кулаку от российской контр-революции. Этот опыт демонстрировал превалирование классовых отношений над сословными и этим осудил анализ тех, кто считал сословные противоречия основными в развитии революции на Кубани. Местное своеобразие, заключавшееся в том, что сословные пережитки были дополнительным орудием в арсенале средств классовой борьбы с пролетариатом одного из сильнейших отрядов российского кулачества, еще раз выплыло на поверхность, и чрезвычайно ярко демонстрировало, что было мнимым своеобразием и что действительным. Недооценкой социальной силы и экономической мощи кубанского кулачества—этого подлинно своеобразного явления именно местной действительности, пахнет там, где сословный вопрос ставят основным стержнем революционного развития Кубани. Непонимание удельного веса и роли наших ошибок в отношении к казачеству чувствуется у тех, кто становился на колени перед сословными противоречиями и не умел их правильно переводить на язык классовой борьбы.

Звучит парадоксально, но это так—именно преувеличение глубины сословных противоречий вело к вредному недоверию, огульной подозрительности в отношении к бедняцко-середняцкому казачеству, что тормозило высвобождение последнего из-под кулацкого влияния. Левые антиказацкие настроения вырастали на этой почве. Весь вред и политическую несостоятельность их еще раз показала борьба полосы 1925—27 г. г. Она целиком и полностью подтвердила правильность курса партии в казачьем вопросе (только не извращение его справа, с подыгрыванием к ура-казачеству) и, пожалуй, доказала только то, что мы запоздали с проведением его „загипнотизированные казачьими лампасами, черкесками и кинжалами", как внешним выражением казачьей внутренней, якобы антисоветской сути. Правильный учет этих бытовых особенностей, конечно, связанных с сословным прошлым казачества, и трезвая оценка значения их помогли выбивать сословный козырь из рук кулачества, как раз в проведении той кампании, которая казалась бы, наиболее больно хватает за живое казачью „сословную" душу. Землеустройство, разгораживавшее землю, окончательно ликвидировавшее межи между войсковой и не войсковой землей,—яркое этому доказательство. Разве оно прошло тихо, спокойно, без обостренных столкновений между казаками и иногородними? Конечно, нет, но формы проявления сословной розни, моменты нарастания и спадения ее в процессе кампании—сильнейший аргумент против преувеличителей глубины сословных противоречий и недооценщиков кулацко-классового ядра содержания противоречий в пе-

риод революции. Ход землеустройства сопровождался не нарастанием сословной розни, а наоборот, постепенным спадением ее, не сплошным полотном сословной борьбы, а рядом вспышек и как-раз в те моменты, когда кулачество стремилось нанести нам удары. „Развертывание землеустройства продолжает итти рука об руку со свертыванием сословной розни, при чем каждый раз в самый момент его проведения, либо непосредственно перед ним—она вспыхивает временно с новой силой, после чего вновь и решительно идет на убыль“ (из письма окружкома). Это—правильное изображение картины эволюции сословной розни в эти годы. Разумеется „левым загибом“ будет игнорирование сословных пережитков. Что это именно так—свидетельствует позиция товарищей, которые предлагали Крайкому в своих письмах выслать казаков. Эти товарищи не понимали истинного места сословных пережитков в классовой борьбе, капитулировали перед ними и на деле отказывались от борьбы за казака-середняка, имеющего свои особенности по сравнению с великорусским крестьянином.

Сословная рознь сгорала в классовой борьбе, а не просто постепенно выветривалась сама собой, ибо только в борьбе вскрывалась глубина классовых противоречий между кулачеством и бедняцко-середняцким блоком, ибо только через борьбу мы можем отвоевать колеблющуюся фигуру середняка и укрепить классовое самосознание бедноты. Правильно указывается некоторыми, что одной из причин все нараставших поражений кулачества после мартовских перевыборов было саморазоблачение его в советах своей классовой политикой. Не даром в 1927 г. кулачество уже выбрасывало в ст. Пластуновской лозунг „никакой бедноты нет, землей наделены все“, „Советская власть поступает неправильно, лишая прав хороших хозяйственных людей, приносящих больше, чем другие, доходы государству и идущих впереди в улучшении сельского хозяйства и его машинизации“. Здесь уже сословные лозунги заменяются попыткой затушевать классовые противоречия. Сословная панацея отбрасывается и в результате обострения классовой борьбы и растущей сплоченности бедноты и середняков, вместо нее стремятся сгладить классовые грани. На сцену выдвигается требование политической демократии для кулака. В ст. Ладожской эти требования облеклись в форму призыва к прекращению сословной розни: „Зачем разжигать сословную рознь в то время, когда мы все трудящиеся. Зачем лишать богатых голоса, когда они приносят государству двойную пользу—дают хлеб государству и батраков держат в своем хозяйстве, давая им возможность материально существовать“.

Было бы не совсем верно утверждать, что сословная рознь в итоге кампании оживления советов и землеустройства сошла

на-нет и совершенно рассеялась. И это совсем не противоречит нашему анализу соотношения и взаимной связи классовых и сословных противоречий в процессе революции и социалистического строительства, не противоречит, ибо кулачество после этих кампаний продолжало существовать, как эксплоататорская группа, имевшая свои исторические особенности на Кубани. Экономическая зависимость от него определенных слоев бедноты сохранялась; землеустройство само по себе еще не давало в руки бедноты всего, что было необходимо для полной эмансипации от экономической кабалы. Только инвентаризация и коллективизация могли совершенно высвободить ее и сделать независимой. Само собой разумеется, что кулачество и эти мероприятия не могло встречать мирно, ибо понимало, что они ведут дело к его концу. Оно сопротивлялось, продолжало бороться и чем дальше, тем ожесточеннее и в этой борьбе сословный козырь совсем не собиралось выпускать из своих рук. Он еще будет появляться на сцене в моменты решительных классовых боев. Прошлого размаха сословная рознь, конечно, уже не будет иметь. 1925-26 г. были высшей точкой под'ема этой волны за весь советский период на Кубани.

Уже к лету 1927 г.—через несколько месяцев после январского решительного поражения—кулак снова начинает показывать свою политическую активность. Вернее даже будет сказать, что он ее и не свертывал, а только несколько изменил свою стратегию и тактику. Не следует забывать, что во время избирательной борьбы в ряде станиц были ссзданы группировки, которые вели организованную работу на протяжении всех трех перевыборных кампаний. В Тихорецком районе эти группировки создали фактически два центра, руководившие массовой работой. Кулацкий центр вел линию на захват советов казачеством, на провал коммунистов и иногородних. Это уже перерастало в антисоветскую подпольную работу, смыкавшуюся с эмигрантской контр-революцией. В том же районе выдвигалось требование о выделении Кубани в автономную область. Основным условием, определявшим не прекращавшуюся политическую активность кулака, были те моменты в нашей хозяйственной политике, которые освещены выше.

Ограничительные тиски, сжимавшие экономический рост кулака—носителя капиталистического пути развития не могли давать ему „спокойно жить". Борьба за свое классовое существование должна была неизбежно продолжаться. Нужно взорвать конец землеустройства, план инвентаризации, налоговую кампанию и на этом месте бороться за отвоевание середняка.

К лету наметилось обострение международной обстановки. Последнее всегда живительно действует на капиталистические элементы внутри Союза. А на Кубани, в связи с этим, начинаются

разговоры „о наших за границей". Эмиграция старается не порывать связь с родными. Версии о близкой интервенции пускаются гулять по станицам,—авось колебнут середняка. Происходит консолидация всех враждебных социалистическому строительству элементов. События в Китае послужили на этот раз поводом к пусканию этих слухов. „Китайская революция окончена, а скоро и нашей конец—тогда заживем",—заявлял быв. вахмистр в одной станице. От Китая взоры обращались, конечно, на запад. Польша как ближайшая соседка, выступала на сцену—„Польские войска наступают через границу", „Ростов полон ранеными". Огненная лава „заграницы" подходит все ближе к Кубани—„в Черном море плавает английский флот и на нем 400.000 иностранных солдат". Наконец-то добрались и до Кубани, Анапа и Геленджик заняты белыми... скоро прибудут наши" и будет „конец бедняцкому царству". Конечно, и сами кулаки не верили в силу этого. Но все же слухи будоражили массу, снижали ее строительный порыв, внося расстройство в мысли середняка. А может быть верно, — начнешь строить, и т. д. и вдруг порвется. Стоит обождать. А кулаку это и нужно.

Особенно он стремился сорвать окончание землеустройства. Лето 1927 г. было полно разговоров о приходе наших, которые „покажут вам, как землю делить". Под влиянием подобной агитации были случаи отказа от переселения на поселки, на что раньше давалось согласие. От этой же печки танцовали и в работе по срыву остальных хозяйственных мероприятий. Налоговая кампания не могла, конечно, обойтись без обстрела. „В прошлом году мы налог платили в четыре срока, теперь будем платить в два срока, чтобы скорее взять деньги с хлеборобов для войны".

Очень интересный пример агитации, направленной на подрыв кооперации, имел место в ст. Ладожской. Некий хлебороб, якобы ездивший в Курскую губ. закупать картофель, развертывал целую программу борьбы[1]: „Я посмотрел, как там страдает народ от кооперации; там просто заглушили народ кооперацией. Когда я там подыскал картофель, то мне сказали, что цена на него 35 к за пуд, но только мы, мол, должны продать через кооперацию. Я тогда собрал народ и сказал: „Везите мне по 50 коп. за пуд", но мне заявили, что этого они сделать не могут, так как кооперация их может оштрафовать. Вот смотрите. А все это делают коммунисты с целью своей наживы; они хотят уничтожить частную собственность, но этого никогда не будет. Почему коммунисты не разрешают крестьянские союзы? А вот почему: они тогда подохнуть с голоду. Крестьянин будет тогда продавать свой хлеб почем схочет, если будут давать за хлеб низкие це

[1] „Письмо окружкома." Июль 1927 г., стр. 40.

ны, то союз заберет его и продаст за границу, закупив там промтовары. Коммунисты говорят, что кооперация есть путь к социализму, а на самом деле она есть путь в глубокий карман коммунистов".

Лозунг крестьянского союза не сходит со сцены. Но он уже связывается с борьбой за хлеб. Кулак заблаговременно вел подготовку к будущим боям, открывающим новую полосу борьбы с ним пролетарского государства. Состоявшаяся в ноябре 4-я партконференция подвела следующий итог политической работы в станице [1]: „Парторганизации, при растущей их опоре на бедноту, глубоко втянули середнячество в систему советов, в кооперацию и, успешно преодолевая сословную рознь в станице, сумели тем самым политически противопоставить середняцкие массы кулаку и вместе с тем кулачество, в основном разбитое и изолированное в открытой политической борьбе, перешло к „маневренной" тактике на фронте нашей повседневной хозяйственной работы с установкой на срыв этой работы. Тактика эта, опирающаяся на военную опасность, хозяйственные затруднения в округе, а отчасти и на внутрипартийную борьбу, вызывает известные колебания в середняцко-казачьих массах. Колебания эти, однако, постепенно преодолеваются нашей партийной организацией. Важнейшие проверки политического настроения середняка показывают растущий отход середнячества от кулака и сплочение его вокруг советов вместе с беднотой и под руководством партии".

Итог вполне благоприятный. Следует только помнить, что уже в ноябре 1927 г. выявились хлебные затруднения.

---

[1] „Рез. 4-я Кубокрпартконференции." (15—20 ноября 1927 г.), стр. 20.

ГЛАВА V.

РЕКОНСТРУКТИВНЫЙ ПЕРИОД, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА КУЛАЧЕСТВО И МАССОВОЕ КОЛЛЕКТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

(конец 1927 г. — конец 1929 г.)

Итак, социально-экономическое развитие подвело Кубань вплотную к реализации проблемы решительной реконструкции хозяйства на основе развертывания коллективного движения и организации социалистического наступления на капиталистические элементы. Своеобразной чертой кубанских условий являлось наличие отставания в темпе развития производительных сил округа от краевого и республиканского темпа. Эта черта несомненно должна быть связана с теми особенностями в ходе борьбы социальных сил, являвшихся носителями противоположных путей развития, характеристику которых мы дали выше. Из них следует, что переход в решительное социалистическое наступление должен был встретить здесь особенно ожесточенное сопротивление „злейших врагов социализма". Все показатели итоговых результатов предыдущего развития предвещали новую полосу обостреннейшей классовой борьбы. Минуя ее, боясь ее, нельзя было успешно осуществлять наступление.

Тот, кто пытался бы взять ставку на обход неизбежного обострения, испугался бы его, рисковал превратиться в помощника антипролетарских классовых сил. Правые эту ставку сделали и социально-политическая практика опрозергла их линию. Может быть нигде так ярко не выявилась капитулянтская сущность защитников „мирного врастания", как на практике классовой борьбы на Кубани. Нигде так резко не бросается в глаза ловкое использование правых (а также и „левых") ошибок кулачеством, как на Кубани. Это для нас станет совершенно ясно из рассмотрения основных фактов борьбы на третьем этапе.

Его история начинается под знаком решений XV с'езда партии о переходе в решительное наступление на капиталисти-

ческие элементы и о всемерном развитии коллективных форм сельского хозяйства. Ленинский лозунг--„В максимально короткий срок догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны" — стал актуальным лозунгом дня. Его реализация означала взятие быстрого темпа индустриализации страны и переход на основе ее и в сочетании с нею к социалистической реконструкции сельского хозяйства. „Деревня, вперед к коллективному земледелию" — вот лозунг, непосредственно вытекающий из линии на социалистическое наступление.

Как Кубань начала и развила это наступление и подошла к грандиозному под'ему коллективного движения, выдвинувшему великую историческую задачу сплошной коллективизации и ликвидации кулачества, как класса? Вот основной угол зрения, под которым важно проследить развитие ее в 1928 29 г. Мы видели, что это начало отправлялось от такого итога предыдущего развития, который не предвещал тихого и спокойного движения вперед,—наоборот, все говорило за то, что движение будет развертываться в обстановке ожесточенной классовой борьбы. Действительно, 1928-29 г.г. на Кубани были периодом обостреннейших классовых боев, в которых пролетариат тем успешнее побеждал, чем решительнее и крепче руководительница его ленинская партия в лице отряда ее — кубанской организации, била по классовому врагу, мобилизуя свою опору в станицы — бедноту и об'единяя вокруг себя союзника-середняка. Где эта мобилизация и об'единение (бедняцко-середняцкий блок) недостаточно учитывались, как необходимейшее и обязательное условие, обеспечивающее победу, где и когда не понимали, что мобилизация и об'единение могут быть достигнуты только в процессе обостренной классовой борьбы и „старались уйти" от нее, ослабляя удар по классовому врагу, недооценивая силы его и примиряясь с ним, или же бросались влево, скатываясь к троцкизму и отрываясь от масс, там и тогда на Кубани имелись прорывы и вскрывались „гнойники". На лечение этих язв и ликвидацию прорывов ушло много сил и энергии парторганизации и это лишний раз доказывает о большом социальном весе кулачества на Кубани, о гораздо большей поэтому сопротивляемости его здесь, по сравнению с рядом других районов края и республики. Свою способность маневрировать он проявил настолько ярко, что моментами создавалась напряженная политическая обстановка. Разряжаясь, она снова создавалась и опять разряжалась в результате еще большего оттачивания четкой классдвой линии в борьбе. Конюковские выводы из анализа классового расслоения были посрамлены последующим ходом классовой борьбы.

Дадим сначала характеристику основных итогов экономического процесса, социальным выражением которых было развитие

классовых отношений и классовой борьбы. Это значит, что нельзя механически отрезать, оторвать одно от другого. Противоречивость процесса, определявшаяся борьбой двух путей развития выражалась в явлениях социальной борьбы. Так, например, без учета „вылазки" кулачества в начале этапа, во время хлебозаготовок, нельзя дать правильную характеристику хода экономического процесса. Точно так же без уяснения огромной роли активного воздействия, „вмешательства" государства в напразление экономического развития, особенно ярко проявившегося именно в период решительной перестройки хозяйства, ничего нельзя понять в том, как и почему сложился тот или другой итог развития. Учтя это, постараемся увязать в анализе разные стороны единого процесса и воздействующую роль хозяйственной политики партии и власти.

После 1925 рекордного года по урожаю на Кубани, идет беспрерывное понижение, сопровождаемое засухами и недородами. 1928 год принес „особенно сильный удар по сельскому хозяйству". Около половины всего озимого клина (49%) погибло от вымерзания и выдувания и летняя (июльская) засуха снизила урожай подсолнуха, кукурузы и табака. Поражаемая, в течение 1926—28 г.г., неурожаями, кубанская станица уперлась в проблему технико-экономической реконструкции, о чем упоминалось выше. В 1928 г. вся актуальность ее вырисовалась во весь рост. Замедление темпа восстановления с. х. и обнаружение признаков упадка зернового хозяйства и связанного с ним животноводства потребовали решительного вмешательства государства в ход этого процесса. „Мы сейчас во всем своем хозяйственном развитии, во всем своем наступательном движении в области индустриализации страны, уперлись в чрезвычайную отсталость нашего с. *х*. Несмотря на наличие восстановительного темпа нашего с. х., он все же чрезвычайно недостаточен для нас. Особенно остро мы почувствовали это в истекшем году (в 1928 г.—*Н. Л.*) и будем чувствовать в наступающем году",— характеризовал огромное значение необходимости под'ема сельского хозяйства секретарь Крайкома ВКП(б) тов. Андреев[1].

Крайком в 1928 г. решительно поставил перед ЦК и всей краевой организацией вопросы под'ема с. х. и разрешения зерновой проблемы на Сев. Кавказе. „Не смоленская губерния, не Калужская губерния, не Центральная полоса будут решать зерновую проблему, ее будут решать — Северный Кавказ, степная полоса Украины, Поволжье, Сибирь. Эти районы будут решать зерновую проблему",— докладывал т. Андреев на пленуме ЦК

[1] Доклад Сев.-Кав. Крайкома ВКП(б) на 4-й Кубокрпартконференции „Красное знамя" 1929 г. 5-1 № 3.

ВКП(б) 22-XI-28 г.[1]—а внутри Сев.-Кав. края, как один из самых основных районов, ее должна была решать Кубань. Между тем, если отставание темпа под'ема наблюдалось по всему краю, то на Кубани оно особенно резко бросалось в глаза. Посевная площадь, достигнув в 1927 г. 97,5% по отношению к 1913 г., в 1928 г. снизилась до 90,5%. Если посевная площадь зерновых хлебов имела 83,2% к 1913 г. в 1927 г., то в 1928 г. дала 70,5%. Соотношение зерновых и пропашных культур изменилось не в пользу зерновых слишком резко: в 1927 г.—зерн.—75,1%, проп.—21,62%, в 1928 г.—зерн.—56,0, проп.—39,62%. Этому сопутствовало падение урожайности и снижение товарности по зерновым. Товарные излишки в процентах к 1913 г. показывают: 1927 г. прод. зерн.—57,3%, корм. зерн.—4,7%, 1928 г. прод.—5,3%, корм.—18,6%. Параллельно наблюдалось явление упадка и в животноводческом хозяйстве: лошади, в 1927 г.—88,6% (к 1916 г.), 1928 г.—88,9%, крупный рогатый скот 1927 г.—90,7%, в 1928г.—83,0%, свиньи в 1927 г.,—58,7%, в 1928 г.—43,0%, овцы—1927 г.—82,0%, в 1928 г.—72,7%. Тенденция роста проявилась только по лошадям и имелся прирост по птице. Даже наблюдавшееся в 1926-27 г. рассасывание голода на тягловую силу прекратилось в 1927 г.: раб. лош. в 1927 г.—83% (к 1916 г.), в 1928 г.—82%, раб. волы—в 1927 г.—21,97%, в 1928 г.—15,2%. Получилось снижение об'ема общей массы тягловой силы, при чем здесь сыграл роль возросший падеж скота. Единственной областью, в которой имелся дальнейший быстрый рост, являлись промышленно-технические культуры. Диспропорция между ними и зерновыми все увеличивалась и ликвидация ее могла итти только по линии подтягивания зерновых, а не замедления роста технических.

Все эти показатели отставания и задержки в развитии с. х. привлекли пристальнейшее внимание всей сев.-кав. парторганизации. 1928 год был временем специального и очень глубокого изучения причин, которые вызвали такие осложнения. На изучение были мобилизованы Крайкомом специальные кадры партийцев, земработников и „люди науки". Материалы изучения изложены в докладной записке в ЦК и положены в основу доклада т. Андреева на пленуме ЦК в ноябре 1928 г. Они представляют важнейший документ, содержащий в себе всесторонний материал, тщательно проверенный. Прежде всего о причинах задержки в под'еме с. х. Никак нельзя отрицать, что ре-

[1] „Пути под'ема и соц. строительства с. х. на Сев. Кав." 1929 г., стр. 24 В докладной записке Крайкома пленуму отмечалось: „...исключительное значение с. х. Сев. Кав. в системе с. х. Союза и благоприятные предпосылки для превращения края в основной хлебо-экспортный район Союза делают задачу быстрого под'ема и массовой реконструкции с. х. края ударной и первоочередной с точки зрения всего Союза". Там же, стр. 122-123.

альная угроза падения производительных сил с. х. в крае висела еще в довоенный период, когда уже имелся ряд факторов определявших тенденцию падения урожайности. Сев. Кавказ, бурно втягиваясь в орбиту развития аграрного капитализма, имел очень благоприятные внешние условия для роста полеводства, стимулировавшегося крепкими ценами на зерно. Скотоводство быстро вытеснялось земледелием. „Обусловленный широкими земельными просторами и низкими арендными ценами экстенсивный характер полеводства повлек за собой сокращение срока залежей с ростом запашки и привел на смену залежной системы полеводства пестрополье — бессистемное хищническое использование земли“[1]. Крупные и средние предприниматели-хищники делали ставку „на количество посева и на урожайный год за счет качества“, в результате чего господствовала самая примитивная обработка земли, отсутствовали севообороты, и плодородие богатой почвы неизбежно понижалось. Развиваясь, довоенное полеводство несло таким образом в себе противоречие, которое должно было привести к падению производительных сил. „Противоречия эти определялись форсированным экстенсивным характером производства, односторонним зерновым направлением хозяйства и пестропольно-хищнической системой эксплоатации земель. В этих условиях край шел к растущей неустойчивости хозяйства и к падению плодородия почв“. Таким образом, и в данном явлении мы находим выражение колониального положения этой окраины и особенно Кубани, как наиболее близкой к морским портам, в силу которого она подвергалась особенно хищнической эксплоатации растущей с. х. буржуазии, использовавшей полуфеодальные пережитки в социальном строе в виде казачьего сословного землевладения для наиболее быстрого обогащения.

Период войны и революции с его неизбежным разрушением хозяйства форсировал резкое понижение производительности с. х. и особенно в той отрасли, которая так росла до войны — зерновом хозяйстве. Таким образом, „от наследства“ в этой области мы никак отказываться не можем.

Восстановительный период нэпа, в результате проведения землеустройства, раздробления на мелкие и мельчайшие хозяйства, снижения обеспеченности инвентарем и тяглом тоже неизбежно вели к понижению производительности без мероприятий по реконструкции хозяйства. Социально-экономическое расслоение крестьянства и резкий контраст в распределении инвентаря между кулацко-зажиточными и бедняцко-маломощными слоями обусловливали скверную обработку полей. Последний момент может иллюстрироваться следующими цифрами по Кубани: в группе со

[1] Там же. Докладная записка, стр. 51.

стоимостью средств производства до 400 р. имелась урожайность 7,2% цент. пшеницы с гект., а в группе со стоимостью до 1000 р.—до 12 цент.[1].

Разрешение проблемы повышения производительности с. х. упиралось в решительную технико-экономическую и социальную реконструкции. Укрупнение хозяйства могло итти только по линии энергичного развития обобществленного сектора, что неминуемо обостряло борьбу с кулацким сектором, боровшимся за укрупнение на основе капиталистических принципов ведения хозяйства. Ленинское „кто кого" выступает перед нами и в разрешении проблемы поднятия урожайности. И с этого конца развитие вплотную подводило к необходимости решительного социалистического наступления на капиталистические элементы, которое бы развертывало единый план под'ема с. х. в социальных формах, соответствующих интересам пролетариата. Даже проведение ряда технико-экономических мероприятий, как агроминимум и проч. означало решительное вмешательство государства в организацию производственного процесса. Сев.-кав. парторганизация в целом и кубанская в частности быстро перестраиваются на новые методы работы в деревне, означавшие усиление организаторско-хозяйственно-планирующей роли ее.

Массовая кампания по поднятию урожайности (на Кубани I с'езд по поднятию урожайности проведен был в сентябре 1928 г.), создание института агро-уполномоченных из крестьян и казаков, усиление агрономической сети, агроминимум и т. д.— отдельные звенья этой новой цепи мероприятий, которые должны были обеспечить условия для повышения производительности и в растущем обобществленном секторе и в индивидуальных хозяйствах. „Для того, чтобы добиться решительного перелома в области с.х., нам необходимо не пересматривать генеральный план на индустриализацию нашей страны, а нам необходимо коренное изменение в отношении к вопросам сельского хозяйства. Если мы не добьемся этого, если мы застрянем на старом пути— регулирование только деньгами, регулирование только путем налогов—то мы, товарищи, своей задачи не разрешим. Только тогда, когда наши советы, когда наши ячейки, когда кооперативные организации действительно поймут, что они являются организаторами с. х и за это дело практически возьмутся, только тогда будут обеспечены те решительные успехи, которых мы хотим добиться в области сельского хозяйства[4]. Вот ориентировка в новом подходе к разрешению проблемы, которую давал тов. Андреев в январе 1929 года[2].

---

[1] Там же, стр. 71.

[2] „Красное Знамя"—1929 г. № 3 от 5-1.

Одним из основных рычагов, которые должны были дать партии возможность организовывать хозяйства по социалистическому пути развития, являлся план инвентаризации, построенный на основе классовой линии. То неравномерное распределение инвентаря, которое имелось на Кубани, очень характерно для всего края и оно в настоящем его положении (к 1928 г.) было одним из самых основных препятствий. „Такое распределение с. х. инвентаря по сути дела определяет собою те корни эксплоатации бедняцких и даже середняцких групп крестьян со стороны высших групп... Если раньше основа эксплоатации в с.-х. заключалась в сдаче земли в аренду со стороны кулацких слоев населения, эксплоатирующих бедняцкие массы сдачей своих больших земельных угодий, то теперь эта эксплоатация от земли перенесена на средства производства"—отмечал т. Андреев на пленуме ЦК. Реализация плана инвентаризации должна была ударить по главным корням эксплоатации.

Одновременно с дальнейшим проведением углубленного землеустройства округ с 1928 г. приступил к осуществлению плана инвентаризации, рассчитанного на 5 лет[1]. Он охватывал в 1928 г. 918 земельных об'единений с 18293 х. (17,1% к общему числу безынвентарных хозяйств). Результаты проведения плана видны из таблицы[2]:

Наименование инвентаря	Намечено по плану (в т. р.)	Заключено договоров с земельными об'единениями и пр. организациями (в тыс. руб.)	% выполнения
С.-х. машины и орудия	2.380	1.816	78,6
Рабочий скот	930	651,9	70
Трактора	250	250	100

Снабжение инвентарем земельных групп дало расширение ими посевной площади в 1928 г. в среднем на 26,0% (безлошадных хоз. на 400%, однолошадных—250%, двухлошадных—160%). 80% кредитов направлены были по коллективному руслу, наметилось сокращение сдачи земли в аренду и отдачи в наем рабо-

[1] Было-бы совершенно неверно противопоставлять план инвентаризации развитию коллективного движения, выдвигать теорию „стадий"—сначала реализация плана, а затем коллективизация. Инвентаризация сплеталась с коллективизацией и кто ставил реализацию плана как предварительное условие для последующего роста коллект. движения, тот скатывался к открытому оппортунизму.

[2] Отчет Куб. окружкома 5-й конфер., стр. 14. В статье Барышева („На аграрном фронте" № 4 1928 г.) приводятся след. цифры о составе хоз-в, охваченных планом в 1928 г.: 1) по посеву: а) до 2-х дес.—35%, б) от 2 до 4 дес.—30%, от 4 до 10 дес.—35%; 2) по раб. скоту: а) без раб. ск.—54%, с 1 гол. ск.—26%, с 2 гол. ск.—17%.

чих рук со стороны бедняцко-середняцких групп. Тракторо-снабжение в 1928 г. выразилось в распределении 69 тракторов (а в 1927 г.—89 тракторов). Всего в округе было 856 тракторов, из которых около половины требовали капитального ремонта. С тракторами дело обстояло еще плохо. Весь завоз 1928 года был направлен в колхозы.

С весны 1928 г. одним из важнейших факторов организации с.-х. производства явилась контрактация посевов. Она способствовала расширению посевплощади, внедрению агротехнических приемов и пр. За весну и осень 1928 г. была законтрактована площадь с.-х. культур в 621.418 га. (весной—318.624 га и осенью 303.624 га—40% озимого клина). Социальное направление контрактации осенью видно из след. распределения законтрактованной площади между социальными группами[1]: беднота—40,3% всей законтрактованной площади, середняки—36,1%, кулаки—1,7%, колхозы—21,9%. Оказание семенной помощи стало также одним из рычагов воздействия по линии повышения производительности сел. х-ва. Если сравнить 1927 и 1928 годы, то получится большое увеличение этой помощи и, что важно, большее распространение улучшенного посевного материала: в 1927 г. было отпущено 222.000 пуд. зерна, из которых 214 т. п. сортового, весной 1928 г.—726 т. п., из которых сортового 454 т. п. Округ поставил перед собой задачу провести за 3 года замену всего рядового семзерна улучшенным. На весеннюю посевкампанию 1929 г. планом контрактации был намечен охват 34,2% всей площади яровых культур с отпуском 246,2 т. п. сортового зерна и денежных авансов на 7,679 т. р.[2].

С.-х. кооперация в округе отставала от края. Наблюдавшееся некоторое улучшение соц. состава кооперации, улучшение соц. направленности кредитов не изменяло общего слабого состояния системы с.-х. кооперации и несоответствия ее задачам, которые она должна была выполнить в общем процессе организации с.-х. производства. Кооперация все еще продолжала увлекаться коммерческим уклоном в ущерб производственному и имела медленный рост капиталонакопления. В начале 1929 года 5-я конференция констатировала, что округ слабо выполнил директиву ЦК об укреплении и развитии системы с.-х. кооперации и в особенности по специальным видам ее.

В решительном повороте к осуществлению организаторских функций по под'ему сел. х-ва огромную роль стали играть посевные кампании, как метод организационного воздействия.

[1] Там же, ст. 19.

[2] Отчет Куб. окрисполкома за 1927-28 г., стр. 25-26. В отчете окрисполком писал: „Основным направлением работы (по поднятию урожайности Н. Л.) является контрактация посевов, представляющая наиболее действительное средство для проведения агрикультурных мероприятий".

Они являлись массовой поверкой результатов мероприятий и степени мобилизации самодеятельности широких масс. Эти кампании заняли одно из центральных мест в работе всей парторганизации, по ним стали подводиться итоги по под'ему сел. х-ва за более или менее законченный отрезок времени и степень усиления в нем обобществленного сектора. Все недочеты и ошибки в работе стали рельефно вскрываться именно во время этих кампаний, являвшихся как бы фокусом, в котором находили отражение своей работы все организации, обслуживавшие станицу. Этапы по развертыванию коллективного движения также стали определяться посевкампаниями. Отложим подробное рассмотрение хода и итогов этого движения—основной красной нити, главного решающего звена соц.-экономического развития станицы в 1928-29 г. г. Сейчас укажем только, что если в 1927 г. было 666 коллективов, то к концу 1928 г. их стало 1.871, т. е. увеличение в 3 раза. Наиболее быстро росли простейшие виды—товарищества по совместной обработке земли и машинные т-ва[1]. Отметив еще здесь хлебозаготовки, как хозяйственную кампанию, имевшую тоже огромный удельный вес в системе факторов, влиявших на направление и линию развития сел. хозяйства (на ней мы специально остановимся дальше в связи с анализом классовой борьбы), перейдем к краткому освещению эволюции классовых отношений.

Как указывалось, этот вопрос (расслоения) стоял в центре внимания на протяжении всего предыдущего этапа. Движение классовых группировок вскрывает степень влияния пролетарского государства на направление социального развития. 1928 г. дал под'ем бедняцко-середняцких хозяйств, уплотнившихся посевом и инвентарем, и принес снижение экономической мощи и удельного веса кулацких хозяйств. Другими словами, произошло ослабление диференциации станицы. Яснее всего эта тенденция видна из движения посевных групп:

Годы	Группы по размеру посева								
		С посевом							
	Без посева	До 2 дес.	От 2 до 4	4,1 —6	6,1 —10	10,1 —16	16,1 —25	Свыше 25 дес.	Всего хоз-в
1927 г. . . .	12,7	12,4	18,9	17,1	22,3	11,8	3,6	1,2	100
1928 г.	12,0	12,8	20,5	19,9	22,8	10,2	2,3	0,4	100

[1] Отчет окрисполкома, стр. 16.

75% бедняцко-середняцких хоз-в с посевом до 10 десятин показывают рост своего удельного веса. Наоборот, все группы, имеющие свыше 10 и особенно свыше 16 дес., снижаются. Важно констатировать, что беспосевная группа также уменьшилась—с 12,7% до 12,0%.

В отношении обеспеченности рабочим скотом картина в основном та же. Из каждых 100 хозяйств, обеспеченных разным количеством раб. скота, было[1]:

Годы	Без раб. скота	С 1-й головой	С 2-мя головами	С 3-мя головами	С 4-мя голов. и более	Всего
1927 г.	39,7	16,4	29,2	7,8	6,9	100
1928 г.	39,5	19,8	29,5	6,8	4,4	100

Наметился рост односкотных и бесскотных хозяйств, имелось небольшое снижение бесскотных и, наоборот, падение у трехскотных и особенно имевших 4 и выше головы.

Наконец, подсчет данных, указывающих сколько приходится на каждую посевгруппу из 100 дес. всего посева, из 100 гол. раб. скота, из 100 шт. жаток и сколько в каждой группе хозяйств, арендующих землю, показал, что группы, имеющие до 10 дес. посева, увеличили по отношению 1927 г. свою площадь на 9,3%, рабочий скот—на 12,2%, сложных машин (жаток)—на 7,9%; эти группы сосредоточили у себя выше 38% всего арендного фонда 1928 г. И, наоборот, все высшие группы (от 10 дес.) показали обратную закономерность—снижение увеличивается, чем выше группа.

Эти основные тенденции в движении посевных групп окружком обусловливал в отчете следующими причинами: „а) сжатием доли зажиточных в общей массе скота за счет расширения доли маломощных, главным образом, благодаря политики инвентаризации; б) форсированной выброской зажиточными скота на рынок, под давлением таких фактов, как самообложение, заем УКХ, а также стремление придержать хлебные запасы, обернувшись за счет скота в первом полугодии 1928 года". Статистические подсчеты, характеризующие классовые отношения в станице и их эволюцию, попрежнему исходят из посевной группы. Это обстоятельство заставляет нас снова напомнить, что приведенные данные, конечно, не рисуют точной картины распространения в станице эксплоататорских отношений и их развития

[1] Таблицы взяты из отчета окрисполкома, стр. 14—15. В отчете окружкома 5-й конференции приведены более детально разраб. таблицы, характеризующие процесс расслоения, исходя тоже из комбинац. показат. по посев. груп., стр. 55.

за 1928 г. Отношения аренды и найма рабочей силы и инвентаря этими цифрами не могут быть вскрыты полно. Некоторое сжатие капиталистических отношений (аренды и найма), конечно, имелось в связи со всеми теми мероприятиями, которые проводила партия и власть. Таблица, приведенная в отчете окружкома, составленная по данным 15% весеннего опроса 1927-28 г. г., вскрывает намечение перелома в развитии этих отношений. Также эта тенденция вырисовывается из цифр о числе регистрации договоров первых полугодий 1927-28 г. г. по 11 станицам:

	1927 г.	1928 г.
1. Зарегистрировано арендных договоров . .	2251	— 1459
2. „ договоров по найму . .	5670	— 4362
3. Всего действовало договоров	7791	— 5916

Обязательно нужно иметь в виду, что цифры регистрации арендных сделок и труд. договоров „абсолютно низки" и не охватывают всех сделок, имевшихся фактически. На самом деле эти отношения имели гораздо большее распространение. „Кроме того, нельзя не признать, что существующая система договоров и регистрации сделок была лишь в самой минимальной степени использована нами для регулирования самих условий аренды—найма в пользу бедноты и против кулачества" (отчет окружкома). Поэтому, если тенденция к сжатию эксплоататорских отношений имелась и это цифры в общем иллюстрируют правильно, то в отношении определения степени их распространения и точной картины уменьшения цифры скорее преуменьшают, чем преувеличивают. Хлебозаготовки начала 1928 г. „маленько потрепав" кулачество, основные его социалные связи еще не уничтожили. „Думать о том, что мы раскулачили кулака у нас на Сев. Кавказе—это сущий пустяк. Кулак на Сев. Кавказе представляет из себя еще довольно большую силу. Недооценивать этого не надо. Он представляет собой еще большую силу, особенно, если вы вспомните корни этого влияния кулака, корни экономической зависимости бедноты и середняка от кулака на почве орудий производства и т. д. Все это делает кулацкую прослойку на Сев. Кавказе довольно сильной". Данная характеристика удельного веса кулачества в крае, принадлежащая т. Андрееву (осень 1928 г.), должна быть в отношении кубанской обстановки еще усилена, ибо здесь кулак был мощнее даже сравнительно с другими округами края и в 1928 году сумел, хитро и умно маневрируя, оказать более сильное сопротивление. Настолько умно, что „гипнотизировал" отдельные звенья парторгнизации и делал их рупором своих настроений. Известно, что хлебозаготовки осени 1927 года лежат у начала перехода в наступление на кулачество. В определенном смысле можно даже считать, что мы в процессе хлебозаготовок перешли в контр-

наступление на кулака, ибо последний использовал сентябрь—декабрь 1927 г. для срыва хлебозаготовок. Он сделал вылазку против нас, решив дать бой на хлебе. Вплоть до декабря, пока партия не мобилизовала силы и не перевела хлебозаготовки на ударные методы работы, последние срывались. К концу 1927 г. обозначился серьезный прорыв, грозивший большими осложнениями в общей хозяйственной и политической обстановке страны. И вот с января работа на селе переводится на боевую ногу и все вращается вокруг хлебозаготовок, с которыми связывается кампания по самообложению и займу укрепления крестьянского хозяйства. В „Станице" Ставского имеется живая картина необычайного упорства кулачества. Мы отсылаем читателя, желающего получить представление о всех проделках, ухищрениях и маневрах кубанского кулака во время хлебозаготовок начала 1928 года, к очеркам Ставского.

Кулак, отдавая себе отчет, что хлебозаготовки являются исходным пунктом решительного наступления на него, отчаянно боролся, цепляясь за середняка и стремясь направить удар, занесенный над ним, против середняка. Нельзя сказать, чтобы он в этом отношении не достигал цели. Кубанская парторганизация наделала во время кампании хлебозаготовок много ошибок, в связи с применением чрезвычайных мер. При чем основной смысл этих ошибок заключается в перегибах по отношению к середняку. „Когда мы заглянули к нему (середняку.—*Н. Л.*) в закрома, то много наголовотяпили в округе. У нас к июню. . . получилось очень тяжелое политическое положение, благодаря перегибам. . . . Еще в мае. . . . Краевой комитет постановил о том, что положение на Кубани усугубилось. Мы помним, что результатом этого усугубленного положения явились „бабьи бунты", „голодное выступление". Кто их повел?—Повел их кулак. Мы в наступлении на кулака задевали сплошь и рядом середняка". Эта оценка принадлежит секретарю окружкома т. Ляпину[1].

Нужно констатировать, что 1928 г. вообще был годом значительных политических осложнений на Кубани. Первые страницы нового этапа—перехода в наступление на капиталистические элементы—обнаружили наличие неладных отношений с кулачеством в ряде местных парторганизаций и сопровождались политическими ошибками со стороны окружного руководства. По нашему мнению выявилось, что все это может быть поставлено в известную связь, во-первых, с большой социальной силой местного кулачества и влиянием его на совпартаппарат и, во-вторых, с некоторыми „неверными нотами" предыдущей политики на Кубани. Не даром отчет Кубокружкома на 5-й конференции в январе 1929 г. начинался с фразы: „Каковы основные моменты

[1] „Красное знамя", 1929 г., 9/1 — № 6. Доклад Кубокружкома на 5-й окрпартконференции.

прошлогодней работы? Это вопросы заготовок, вопросы под'ема нашего сельского хозяйства и в связи с этим, некоторое напряжение, угрожавшее превратиться в политическое осложнение в наших станицах. Под углом этой работы, под углом этого настроения проходила работа всей Кубанской организации".

В основе главных ошибок лежало игнорирование и недооценка интересов середняка, как центральной фигуры станицы, и, в частности, середняка-казака. Нужно вообще констатировать, что казачий вопрос в 1928 году снова остался в тени— о нем как будто бы забыли. Это проявилось в такой важнейшей кампании, как инвентаризация. „Если в 1926 г. при распределении инвентаря и кредитов большая часть их попала в группы зажиточно-кулацкой части хозяйств, то в последующей работе и особенно в 1928 году имел место перегиб в обратную сторону: все кредиты и инвентарь мы направили по руслу обеспечения только бедняцких хозяйств. Таким образом, и в первый раз и во второй раз середняк был обойден. Как в первом, так и во втором случае мы ударились в крайность. Центральный комитет партии указал нам, что линия скачков от одной крайности к другой является неправильной, является линией прыжков и шатаний" [1]. Эта недооценка середняка, особенно опасная в условиях кубанской станицы, сочеталась с недостаточно решительной борьбой против кулачества, с недооценкой мощи его на Кубани. Скверное проведение наступления на кулака можно наблюдать не только в хлебозаготовках, но и в налоговых кампаниях. Кулака не умели или не хотели стричь налоговыми обложениями. Получился очень низкий процент индивидуального обложения хозяйств — 1,4, поднятый потом до 1,7%. „Товарищи, если мы на 1,4% сумели уловить кулака, при наличии его на Кубани в 7%, то мы недостаточно вели это наступление, а в индивидуальное обложение попала даже часть середняков, далеко не зажиточная часть". Здесь мы видим, как слабый нажим на кулачество ведет, с другой стороны, к перегибам по отношению к середняку. Кубанская организация в 1928 году преуменьшила степень распространенности эксплоататорских отношений в станице—этим она как бы расплачивалась и за отсутствие в пред'идущем периоде данных о классовом расслоении, основанных на изучении не по посевной площади и скоту, а по „размерам и социальному типу хозяйства". Конечно, дело не только в данных, как в таковых,— очевидно, если бы были и они, то все же „кулацкие" ошибки проявились бы. Но тогда их может быть было бы меньше.

„Мы своего классового врага—кулака недостаточно хорошо знаем, а мы его должны знать в лицо и не только по посевной

[1] Там же, доклад Кубокружкома.

площади, но и по всем видам его хозяйства... кулак очень скользкий человек, может быстро сколотить себе хозяйство, быстро переделать его в деньги, быстро извернуться, сделаться шабаем, сделаться ростовщиком. Все эти виды кулацкой хитрости должны быть нами изучены". (Из доклада окружкома). Они были плохо изучены, в результате чего окружком имел ряд документов с мест, свидетельствовавших о том, что коммунисты „теряли" кулака, не находили его. Это-то на Кубани. Лишнее доказательство его силы здесь. „У нас нет кулаков, у нас есть середняки",—заявляли партийцы, а когда он пролезал в колхозы, кооперацию, сокращая свой посев, инвентарь и находя им другое применение,— этого часто не замечали.

Кубпарторганизация мало внимания уделяла изучению существующих форм кабальных отношений. Особенно это ощущалось в повседневной работе станячеек. Маневрирование и маскировку кулака, смену им внешних форм экономического закабаления ячейки часто уловить не могли, и поэтому разговоры о том, что кулак раскулачен, можно было слышать на протяжении всего периода 1928-29 года. Неодообложение кулака явилось результатом именно такой утери классовой бдительности или же просто капитуляции перед кулаком. Кабальное ростовщичество стало внедряться в практику эксплоататорских отношений. Кулак переводит инвентарь и скот в деньги и раздает их под высокие проценты бедноте. Создавая таким образом внешнюю видимость своего обеднения, ничуть не изменяющую его капиталистической сути, кулак ведет на этом политическую игру со середняком, вокруг „разорения" и обеднения он старается создать себе политический капитал.

Вот конкретный пример, иллюстрирующий такую смену внешних форм эксплоатации кулачеством бедноты[1]: „Кулагин Павел Николаевич, кулак ст. Восточной, Усть-Лабинского р-на, быв. врангелевец, вначале имел 5 лошадей, 30 десятин посева, 4 коровы, полный сельхозинвентарь, применял постоянный наемный труд. На 1-е сентября 1928 года у того же хозяйства не оказалось: ни одной лошади, осталась одна корова, 5 десятин посева. Куда остальное делось? Оказалось, одну пару лошадей с полной упряжкой он „продал" бедняку С., со сроком выплаты в течение 2-х лет. В виде процентов бедняк С. обязан обрабатывать кулаку 5 десятин ежегодно с доставкой всего урожая на дом в течение времени до окончательной выплаты за лошадей. Остальной инвентарь кулак также „распределил" неимущим. Деньги сдал под ростовщические проценты. Окончив свой маневр, кулак к настоящему времени успел отобрать свой „подарок" от бедняка С.".

---

1 Ж. „Коммунист" 1929 г. № 1, июль. Орган. Кубокружкома, стр. 20.

В весеннюю посевную кампанию 1929 г. кулак особенно хорошо поставил свои метаморфозы. Произошло значительное сокращение регистрации договоров о найме батраков, что вовсе не свидетельствовало об упадке найма вообще. На деле же, вместо сроковых рабочих, он нанимал поденных, нигде их не регистрируя, чем и освобождал себя от контроля соответствующих организаций и создавал еще более кабальные условия эксплоатации.

Всех этих ухищрений кулака часто не замечали, систематическое изучение эволюции форм кабальной зависимости было поставлено очень плохо и в результате кулака недооблагали, теряли и не замечали. Но лишь только начиналась какая-нибудь хозяйственно-политическая кампания, как это все сказывалось. Кулак начинал организовывать середняка против нас, прекрасно использовывать наши ошибки, и хотя тогда его чувствовали, но все дело кончалось часто антисередняцкими перегибами. А уж тогда-то кулак двигал дело дальше.

Мы видели, что хлебозаготовки 1928 г. заканчивались кое-где бабьими бунтами. Кстати здесь следует отметить, что „бабы" в станице играли весьма заметную роль, хотя, вопреки этому, работа среди крестьянок и казачек всегда стояла почти на последнем месте. Если просмотреть все основные политические директивы куб. партийного руководства с начала проведения лозунга „лицом к деревне" и вплоть до 1929 года, то во всех них можно увидеть указание на слабость женработы и требования усилить ее во что бы то ни стало. И все-таки... эта работа стояла на последнем месте. Кулак нас явно обгонял на этом поприще своей деятельности: он прекрасно умел обрабатывать казачек и организовывать их, когда это было нужно, „в колонны", выходившие с шумом на улицу. Есть свои причины такой активности женщин в станицах, при одновременной большой отсталости их. Казачка всегда была хозяйственно более самостоятельна, чем крестьянка в мужицком дворе центральной губернии. Муж ее раньше долго служил, и она привыкала сама себе быть „хозяином". После гражданской войны процентное соотношение между мужским и женским населением на Кубани особенно резко изменилось в пользу последнего, и экономическая роль женщины еще больше увеличилась [1]. В то же время все больше увеличивались ножницы между хозяйственной активностью казачки и степенью ее вовлечения в общественную работу. Мы из рук вон плохо работали с казачками, зато кулацкие „агитпропы" формы и методы индивидуальной работы — вечеринки и проч. — использовывали во всю. В результате кулак мог легко организовывать, когда это было нужно, „бабьи бунты", использовывая те или иные наши хозяйственные затруднения. Мы убе-

[1] См. бюллетень 8-й Обл. Кубпартконференции. Резол. о раб. в деревне.

дились в больших его способностях по этой части не только во время хлебозаготовок, но и в последнюю весеннюю посевную кампанию при организации большевистского коллективного сева. Волна антиколхозного женского движения прокатилась по станицам как раз в момент начала выездов в поле и была несомненно одной из самых основных форм мобилизации против нас кулачеством массы для срыва сплошной коллективизации. Работа с казачками—очень большая проблема, еще далеко не разрешенная.

1928-29 годы—период борьбы с правым уклоном, как главной опасностью в партии. Если оппозиционный блок 1927 г., исключенный из партии на XV с'езде, переоценивал кулака, впадал перед ним в панику и в обстановке еще незаконченного восстановительного периода скатывался к политике раскулачивания—левому авантюризму, то правые недооценивали кулацкой опасности, боялись классовой борьбы с ним, не могли осуществлять решительного наступления на него в новых условиях реконструктивного периода. Можно было бы составить большую книжку по кубанскому материалу под названием „правый оппортунизм на практике—потеряли кулака", в которой было бы очень много фактов из деятельности местных ячеек и заявлений партийцев, ярко вскрывающих правый уклон, как он вырос на тучном кубанском кулацком корне. Один секретарь ячейки заявлял: „Я целиком разделяю решения партии и подчиняюсь им. Но считаю, что мы немного ошиблись в том, что слишком нажали на зажиточный элемент деревни, слишком много внимания уделили колхозам и совхозам. Не нужно было так травить кулака, пока не окрепнут колхозы". Другой, Чебанец, секретарь ячейки ст. Динской, Краснодарского района, пришел к следующему выводу: „Не разделяю и не согласен с политикой партии и проводимыми мероприятиями в деревне, не согласен с проводимой работой по хлебозаготовкам, слишком большой нажим не следует делать на кулака, не согласен с ЕСХН, нельзя кулаку предлагать вносить сразу налог, не признаю всех директив по коллективизации, нужно применить лозунг Ленина: „Лучше меньше, да лучше[1]". Подобные люди обычно во время кампании, вместо кулака, ущемляли середняка и этим как бы лишний раз демонстрировали все конкретные линии того пути, по которым правые и левые уклоны сходятся и пересекаются в одной точке. Приведем еще два факта, из которых видно открытое смыкание коммуниста с кулаком. „Секретарь ячейки х. Болговой (Усть-Лаб. р-на) при проведении хлебозаготовок побоялся ссориться с кулаками. Товарищам, приехавшим из окружного центра, он говорит: „Вам-то ничего, вы здесь наделаете да и уедете, а я здесь останусь"... Что же оказалось?

[1] „Самокритика и борьба с правым уклоном и примиренч. в куб. организации". 1929 г. Краснодар, стр. 24.

Когда у одного из кулаков, у которого стоял на квартире секретарь ячейки, описывали имущество за невыполнение решения общегражданского собрания о продаже государству товарных излишков хлеба, то у этого, с позволения сказать, „секретаря ячейки" под его кроватью обнаружили 20 пуд. спрятанной кулацкой муки"... „При обсуждении решений апрельского пленума ЦК... председатель колхозного куста ст. Воронежской... указывал в ячейке, что в партии существует зажим, что рабочие не знают условий труда в сельском хозяйстве и проч. И что же? Оказалось, что этот коммунист укрыл в своем хозяйстве 70 пуд. кулацкого хлеба" [1].

Дело доходило даже до выступлений целых ячеек, если неофициально, то в скрытых формах, против курса наступления на кулака. В ст. Ново-Джерелиевской (Брюх. р-на) ячейка под руководством секретаря организованно отказалась от выполнения плана хлебозаготовок (уже в 1929 году). В ряде ячеек, имевших 60—70 членов, работали по хлебозаготовкам 25—30 чел., а остальные действовали тихой сапой—увиливали под разными предлогами от участия в кампании. В ст. Анастасиевской местное ЕПО кредитовалось у кулака на 1250 р. и за это отпустило ему 50 п. сахара, о чем знали секретарь ячейки и председатель совета. В ст. Переяславской кулак-спекулянт был арестован. Один коммунист счел необходимым написать записку в ГПУ с рекомендацией кулака, как человека, у которого не было враждебных настроений, а поэтому он заслуживает смягчения наказания и т. д. и т. д. Ярким проявлением правого оппортунизма было дело Краснодарского райкома, по докладу которого резолюция окружкома констатировала: „Несмотря на то, что Краснодарский р-н является одним из наиболее мощных в Кубанском округе, с наличием значительной прослойки кулачества, количество выявленных явно-кулацких хозяйств совершенно недостаточно и особенно недостаточно привлечено из них к индивидуальному обложению (по р-ну лишь 2,4%), а по отдельным станицам это граничит с почти полной утерей кулака (Динская—1,1%, Марьянская—1,1%, Ново-Величковская—1,3%, Старо-Корсунская—1,7%, Стефановская—1,5%). Налицо массовые случаи извращения классовой линии в станице и в отдельных звеньях советского аппарата: исключение из числа индивидуально-облагаемых явно-кулацких хозяйств, предоставление льгот по самообложению кулаку, кредитование кулаков, выдача авансов по контрактации по шкале бедноты, предоставление кулакам права на внеочередной и сверхнормированный помол [2].

---

[1] „Коммунист" № 1, июль 1929 г. Кр-ар, стр. 10.

[2] Факты взяты из брошюры „Самокритика и борьба с правым уклоном", стр. 24-25-30-39.

Вереница фактов и дел, характеризующих влияние кулака на отдельных коммунистов и целые ячейки, провожает нас через весь период вплоть до конца 1929 г. И чем больше развертывалось наступление и кулак сильнее сжимался, тем больше увеличивалось количество этих дел. Цитата из решения ОК по Краснодарскому р-ну относится к осени 1929 года. Один товарищ в январе 1929 года на окрконференции заявил, что правый уклон это—„питерская болезнь". Плохо он понимал социальные корни правого уклона и поэтому не отдавал себе отчета, что они особенно сильны на Кубани. Как раз 5-я конференция приняла оценку сущности политических ошибок, имевшихся на Кубани в 1927-28 году, в связи с которыми в середине 1928 года было снято окрпартруководство. ЦК партии отмечал по докладу ОК в декабре 1928 г. „недостаточную со стороны окружкома борьбу с кулаками в станице и недооценку в ряде случаев интересов середняка". В резолюции по отчету окружкома этот момент был указан, как главная политическая ошибка руководства старого состава окружкома. В ней констатировалось: „Невнимание делу борьбы с широко развитыми эксплоататорскими отношениями в станице... неудовлетворительность политической работы в станице и т. д." и признавалось совершенно правильным снятие старого окружного партруководства „за неправильную политическую линию"[1]. В прениях по отчету ОК местные работники довольно четко отмечали сущность ошибок Кубанской парторганизации (напр., т. Миронов), в основе которых лежали: недооценка кулака и перегибы по отношению к середняку.

Как оборотная сторона явлений, связанных с недооценкой кулацкой опасности, была слабая работа с беднотой и батрачеством и непонимание в ряде мест роли ее, как опоры в станице, без систематической работы с которой нельзя укрепить тесный союз с середняком.

В декабре 1928 г. проводился смотр групп бедноты в округе. Эта кампания дала много материала, вскрывающего недостатки работы с беднотой и политически неверный подход к ней. На 1-е октября 1928 г. имелось 288 групп бедноты. Смотр обнаружил, что много групп существовало только на бумаге—фактически они никак не чувствовались в жизни станичной советской общественности. Снова выявилась старая болезнь: работа от одной кампании к другой. Как факты, характеризующие политически вредные настроения, укажем следующее: „Ячейка ст. Ново-Ивановской (Ново-Покр. р-н) вынесла решение: „группы бедноты сейчас не организовывать, организацию групп бедноты повести после перевыборов советов"; в ст. Эриванской (Аб. р.) секретарь

[1] „Резолюции 5-й Куб. окрпартконференции ВКП(б) (январь 1929 г.) Кр-ар, 1929 г. стр. 24.

ячейки заявил инструктору окружкома, что боялся начинать смотр групп бедноты, в связи с резкой переменой отношения к бедноте, как бы не испортить отношения со середняком. Будем, мол, няньчиться с беднотой, а середняка обидим. И эта боязнь была проявлена не в одной станице"[1]. Ясно, что при подобном политически близоруком подходе этим ячейкам трудно было организовывать массы и противопоставлять их кулачеству. Последнее на смотр реагировало заявлениями о „каких то группах лодырей, которых выдумали и носятся с ними, как с писаной торбой". По окончании смотра оно выдвинуло политически более умный ход. „Почему при советах создаются группы только из бедноты? Надо создать группы и из середняков, чтобы и они принимали участие в разрешении разных хозяйственных вопросов". Это противопоставление и обособление бедняка от середняка было главным, к чему стремился кулак.Он добивался вбить клин между ними. Но этот смотр несомненно подтянул ячейки и заставил их серьезнее подготовиться к организации бедноты в процессе кампании перевыборов советов весны 1929года.

Как всегда, перевыборы были показателем соотношения классовых сил и политического состояния в округе. Уничтожение чрезвычайных мер и линия на их недопущение разрядили к осени сгущавшуюся на Кубани политическую атмосферу. Решительный курс на ликвидацию политических ошибок, допущенных старым составом ОК (до июля 1928 г.), тоже сделал свое дело. В директиве Крайкома о перевыборах весной 1929 года была дана четкая классовая линия: „в результате перевыборов на селе мы должны получить бедняцко-середняцкие советы как по своему составу, так и по четкой выдержанной классовой линии во всей своей работе"[2]. Кулак страшно изворачивался, чтобы попасть в советы, но теперь уже ему это труднее было проделать. На какие штуки он шел, можно видеть хотя бы из одного фиктивного раздела и укрытия в город: „В ст. Бакинской проживают кулаки, владеющие крупной промышленной мельницей, Иван и Игнат Поповы. Папаша их, проживающий в г. Краснодаре . . . выдает себя за советского батрака, пользуется избирательным правом состоит членом ЦРК „основа" и т. д. Его внуки, дети Игната, проживают тоже в Краснодаре . . . и заявляют себя непричастными к папаше . . . для того, чтобы не лишиться голоса, они разделились . . . Сейчас Василий и Андрей Поповы (дети станичного кулака.—*Н. Л.*) организовали промыслово-кооперативную артель „Тара-снабжение" в г. Краснодаре"[3]. Данный пример показывает, как хитро старалось обходить конституцию кулачество. Устремление

[1] „Кр. зн." 1929 г. от 30-III № 72 ст. „Итоги смотра групп бедноты".
[2] „Кр. зн." 1929 г. от 25-I № 19.
[3] „Кр. зн." —1929 г. от 9-1 № 5.

в город доказывало, что кулаку все труднее становилось пролезть в советы на месте. Он стремился там проводить свою линию через бедноту и через середняков.

На этот раз кулак политически был бит, оставшись в результате поражения на выборах изолированным и отброшенным в сторону[1]. Развернулась большая активность избирателей, по сравнению с 1928 г.—63,7% вместо 42% явки на собрания. Женщин явилось 50%. Социальный состав вновь выбранных советов был: 33,2% бедноты, 9,5% батраков, 41% середняков. Казаков прошло 41,6%. Сведения даны по 225 сельсоветам (нехватает 5). Сведения о посещаемости по отдельным станицам Славянского р-на таковы: в ст. Славянской—иног. 76,2%, казаков 62,4%, в Гривенской—иног. 73%, казаков 66,5%, в Стеблиевской—иногород. 44,2%, казаков 55,7. Хуже всех посещали собрания батраки. По Северскому р-ну средняя явка была 72% против 44% в 1927 г. Казаков было выбрано 38,8%. По соцсоставу — бед. 30%, серед. 33%, батр. 14%[2].

Тов. Иванов в докладе о деятельности окрисполкома на IV с'езде советов свидетельствовал, что политическое положение на Кубани улучшилось, показателем чего являлись перевыборы советов. Также секретарь окружкома тов. Булатов в речи на 5-й Краевой партконференции отмечал благоприятные политические условия перевыборов советов[3].

Этот благоприятный итог являлся результатом укрепления бедняцко-середняцкого блока, благодаря проведению выдержанной классовой линии в кампании. Но, очевидно, все же в новых условиях кулак перенес центр тяжести своей работы на другие организации. Теснимый все больше политически и экономически он гибче изворачивался и главный свой удар сосредоточил теперь на колхозном движении. Пожалуй, именно вокруг колхозов уже с конца 1928 г. мы имеем основную арену классовой борьбы. Новый генеральный бой давался здесь. Кулак с каждым днем делает колхозы все большим и большим об'ектом своего внимания. Он наступает на них не только с фронта, но совершает обходные движения в тыл, „заезжает в черту расположения противника", чтобы подтачивать колхозы изнутри или же сделать их орудием эксплоатации бедняцких масс.

Вслед за демонстрацией укрепления политического положения в станице во время перевыборов развернулась весенняя посевная кампания, закончившаяся успешно и по выполнению плана посева площадей и по соблюдению требований агрикультурных мероприятий. Эта кампания разделяет весь период

---

[1] См. ст. Бровцина в „Кр. зн." от 28-III № 70—1929 г.
[2] „Кр. зн." 1929 г. от 17-II № 39.
[3] „Кр. зн."—1929 г. от 3-IV № 75 и от 3-III № 51.

1928-29 г. на две части в отношении развития колхозного движения. Бурный рост колхозов во время первой весенней посевной кампании (1928 г.) являлся результатом в значительной степени стихийного движения бедняцко-середняцких масс. Организационно-руководящая роль станичных ячеек, советов и кооп. организаций несомненно отставала от размаха массового движения. Так продолжалось в течение всего 1928 года, когда в развитии сети и повышении удельного веса колхозов мы имели скачок вверх: с 344 в 1926 г. до 607—в 1927 г. и, наконец, до 1366 на октябрь 1928 г.[1] По данным окрисполкома на 1-е октября 1928 г. имелось до 1861 кол. против 666 в 1927 г., т. е. увеличение почти в 3 раза. Весенняя посевная кампания 1929 г. принесла срыв намеченного плана коллективизации—выполнено было только на 25%. Это об'ясняется, во-первых, усилением внимания кулака к делу борьбы против колхозов, и, во-вторых, ошибками руководства, продолжавшего надеяться на самотек и стихийный под'ем масс. Одним из политических минусов колхозной кампании за 1928 г. было недостаточное вовлечение в нее середняцких масс, падение доли которых особенно обозначилось после осенней посевной кампании 1928 г. В этом отношении, интересно изменение социального состава колхозов за 1927-28 г.г.[2]

	На 1-X—1927 г.			Организован. в 1928 г.			
	Бедн.	Середн.	Зажит.	Бедн.	Середн.	Зажит.	Кулаков
Коммуны	71,7	25,5	3,0	—	—	—	—
Артели	54,3	34,2	11,5	69,7	23,0	7,3	—
Т-во по сов.	44,6	47,9	7,5	80,5	18,0	1,5	—
Машин. т-ва	—	—	—	72,2	24,8	3,0	—
По всем	60,84	33,3	61,3	77,9	20,0	2,1	—

В то время, как во всех колхозах на 1-X—27 г., было середняков 33,03%, в 1928 г. вновь организованные колхозы имели 20,0%. Явное снижение. Оно шло по линии основной политической ошибки—забвение середняка при одновременной недооценке

[1] Из доклада окружкома на 5-й партконференции.
[2] Отчет Кубокружкома ВКП(б) на 5-й конф., стр. 20.

кулака. Мы видим, как неверный курс отражается по всем линиям работы, на всех участках классовой борьбы. Правда, беднота в 1928 году повысила свой процент с 66,84 до 77,9%, при одновременном большом снижении зажиточных. Но не получилось ли и в этой области того же явления, как и с кредитами и инвентаризацией? Сначала одна крайность, затем другая.

Несмотря на эту ошибку, колхозное движение, несомненно, шло вверх по здоровой линии развития. К кубанским итогам, в основном приложима характеристика тов. Андреева, данная на ноябрьском пленуме ЦК 1928 года. „Мы интересовались вопросом, в связи с таким быстрым ростом колхозов (уд. вес колхозов по посевн. площ. в крае был в 1927 г.—3,7%, в 1928 г.—7,1%, товарность колхозов в общем балансе составляла около 10% всей товарности в крае—*Н. Л.*), а не есть ли это обманчивая все-таки штука, не лопаются ли колхозы, как мыльные пузыри? После посевных кампаний получили машины, а потом рассыпались. Мы взяли под проверку целый ряд округов и установили, что процент распада колхозов в нынешнем году неизмеримо ниже, чем это было в прошлых годах, что мы имеем в лице создавшихся новых колхозов уже более устойчивые единицы... Мы имеем в этом году, более низкую цифру распада, чем это было в прошлых годах". Здоровый под'ем обусловливался, несомненно, всем итогом предыдущего социально-экономического развития. Землеустройство, инвентаризация вплотную подвели бедняка и середняка к необходимости освоения земли, что нельзя было проделать вне крупного хозяйства. Поэтому коллективы, как укрупнение на основе социалистических принципов хозяйства, представлялись уже значительным слоям бедняцко-маломощных масс единственным путем под'ема. Середняк в массе своей еще колебался. Он должен был на практике убедиться в неизбежности для него этого пути развития. Поэтому-то всякая ошибка и невнимание к середняку со стороны власти и партии только усугубляли эти колебания. Все это использовывал кулак. И не без его помощи весна 1929 г. принесла задержку в росте коллективизации округа.

Весенняя посевная кампания 1929 г. подвела черту под охарактеризованную полосу колхозстроительства. Секретарь окружкома тов. Булатов пришел к следующему выводу о причинах неудачи: „Чем об'яснить подобный провал (выполнение 25% плана—*Н. Л.*) с коллективизацией? Можно было бы в оправдание привести ряд мелких и крупных причин, которые тормозили нашу работу... Отсутствие тракторов (в 1928 г. в округе было—856 тракторов, за год новых прибыло 69—*Н. Л.*), сложных с.-х. машин и т. п., но нам думается, что основной причиной слабости коллективизации нужно признать то, что в весеннюю посевную кампанию вопрос коллективизации мы не поставили в цен-

тре внимания наших работ, в то время как второстепенным вопросам посевной кампании—очистке, протравке семян и проч., мы уделили большее внимание, упустив основной вопрос—коллективизацию. Эту ошибку мы должны признать, чтобы ее больше не повторять"[1].

3-й пленум ОК ВКП(б) от 5—9 июля 1929 года констатировал в своем постановлении: „...в условиях развернутого парторганизацией социалистического переустройства в станице и обострения на этой почве классовой борьбы состояние и темп колхозного строительства в округе в данный момент не обеспечивают достаточно успешного осуществления решений партии в области коллективизации". 16-я Всесоюзная партконференция, состоявшаяся весной 1929 г., утвердила пятилетний план великой социалистической стройки и этим подняла борьбу за победу социализма на новую ступень: „Этот путь развития (коллективизация—*Н. Л.*), будучи единственным путем избавления миллионных масс крестьянства от нищеты и разорения, означает не только ограничение роста капиталистических элементов в деревне, но и их вытеснение крупным общественным хозяйством, государственным и коллективным" (из реш. конф.). Округ получил от края контрольную цифру по колхозстроительству—не менее 20% хозяйств в колхозах и не менее 25% посев. площади в общественной обработке к 1-му января 1930 г.[2].

Таким образом с начала лета 1929 г. коллективизация была поставлена центральнейшей задачей перед кубпарторганизацией. Впервые, выдвижение коллективизации на первый план мы нашли в докладе секретаря Куб. окружкома на собрании краснодарского актива от 14-VII—1929 г.[3]. В нем давались комментарии решениям июльского пленума ОК и было заострено внимание на коллективизации, как решающем звене, вокруг которого будет проходить главная линия классовой борьбы. Весна и лето были моментом отчаянной борьбы кулачества за дискредитацию коллективных форм хозяйства. Это был период обострения советско-китайских отношений на Дальнем Востоке, когда была сделана попытка захвата Восточно-Китайской ж. д. милитаристами с ведения и поощрения западно-европейского империализма. На Кубани снова на сцене появляются слухи о „наших", которые скоро придут. Только теперь слухи связываются непосредственно с антиколхозной агитацией: „Коммунисты загоняют крестьян в колхозы только потому, что скоро придут белые: они хотят отделаться на колхозниках, а сами сбежать",—вот один образчик ловкого противопоставления колхозников партии. Другой при-

[1] „Коммунист" № 1, июль 1929 г., стр. 6.

[2] В январе 1929 г. 5-я конфер. приняла решение охватить коллективами в течение ближ. 3 лет половину хозяйств округа.

[3] См. стен. доклада в „Красном знамени" № 188 от 18/VIII—1929 г.

мер, свидетельствуя о большей фантазии, уже непосредственно угрожал тем, кто еще не верит в белых: „Прилетели на аэроплане белые вместе с Керенским, опустились в поле и спрашивали у крестьян, как живете? Говорили, что мы уже заняли Восточно-Китайскую ж. д. и целый ряд губерний, скоро придем к вам спасать вас от коммунистов, ждите". Оказывается дело было и не без прозорливости: можно сказать, что будущая роль Керенского, как ходатая за кулаков во Франции, была предусмотрена. Дальше Парижа он спасать кубанских кулаков не поехал. Но надежды на Керенского свидетельствуют о наличии связи местной антисоветской и кулацкой верхушки с эмигрантщиной. На Кубани были широко распространены, как и во всем Союзе, разговоры о колхозах, как о новой форме помещичьей эксплоатации хлеборобов. Летом 1929 г. снова начали подогреваться элементы сословной розни, но это уже не принимало того размаха, который имелся раньше, ибо социально-экономическое переустройство зашло так далеко, и опыт классовой борьбы был настолько велик, что влияние этих предрассудков на бедняцко-середняцкую массу очень сильно ослабло. Но характерный момент—сословный вопрос выступает на сцену и начинает муссироваться вместе с информацией о приближении белых. Это оружие контр-революции настолько срослось с нею, что им всегда начинали бряцать раз идут „наши", т. е. офицерско-кулацкая и генеральско-чиновная эмигрантщина. Насколько кулачество сильно использовывало метод борьбы с колхозами путем взрыва их изнутри, свидетельствуют цифры о проценте лишенцев, пролезших в колхозы, по материалам специального обследования семи районов. По товариществам совместной обработки земли имелся процент лишенцев от 2,84 до 6,4[1]. Лже-колхозы существовали, являясь формой прикрытия эксплоатации. Это же обследование дает следующие факты: „Т-во „Прогресс" Крас. района раскололось на две организации, и из одной половины создалось бедняцко-середняцкое т-во „Полярная звезда", а из второй—чисто кулацкое, которое начало пополняться за счет зажиточных и к ним же присоединился поп, выдвинутый членом правления"[2]. Здесь налицо иллюстрация двух форм классовой борьбы вокруг колхозов: 1) пролезание кулаков в колхоз, где имеется бедняцко-середняцкий элемент и попытка эксплоатировать его внутри колхоза или же вытеснить оттуда, 2) создание „своих" социально-однородных лже-колхозов, скрывающих под уставом товарищества или артели имущество кулака от обложения.

Официальная статистика, несомненно, преуменьшала удельный вес по округу в колхозах эксплоататорско-социальной

[1] Статья „Извращения классовой линии в колхозстроительстве". „Красное знамя" № 63 от 26-III—1929 г.

[2] Там же.

группы. В отчете окрисполкома на 1-е октября 1928 г. давалось следующее соотношение:

социальный состав колхозов по округу:

1. Бедняки 68,5%
2. Середняки . . . 28,4%
3. Кулаки 3,1%

Если сравнить эти цифры с процентом обложения, то станет ясно, что недооценка силы кулака была фактом, несомненно соответствующим действительности. Она выглядывает перед нами и из процента кулаков в колхозах. Интересные данные за 1928 г. о „расслоении" колхозов и социальной структуре их хозяйств подсчитал проф. Смирнский в работе о кубанских колхозах. Возьмем из нее две таблицы. Хозяйства членов колхозов, ведущих одновременно и индивидуальное хозяйство, по стоимости их необобществленных средств производства распределяются по социальным группам и типам колхозов следующим образом:

Группы хозяйств	Стоимость средств производ. от—до	В %%				
		Коммуны	Артели	Т-ва по совмест. обработ. земли	Итого	Единоличн. крестьянск. хозяйств
Мельчайшие хозяйства . . .	до 200 р.	99,0	84,6	58,7	62,6	39,2
Мелкие „	от 201—400	0,7	9,8	21,9	20,0	18,5
Средние „	от 401—800	0,3	4,9	15,2	13,7	23,4
Вышесредние „	от 801—1600	—	0,7	3,7	3,3	17,7
Крупные хозяйства	от 1601 и выше	—	—	0,5	0,4	4,2
Итого . . .	—	100	100	100	100	100

Предпринимательские хозяйства, имеющие стоимость средств производства до 1.600 р. и выше, были в артелях и особенно в товариществах по обработке земли. Таким образом, низшие типы колхозов давали возможность представителям кулацко-зажиточного сектора, обобществляя только необходимый минимум средств производства, в основном продолжать вести свое индивидуальное хозяйство и совершенно не утрачивать предпринимательских черт. Наблюдались также случаи, что хозяйства, внесшие в колхоз

больше средств производства, использовывали это для внесения эксплоататорских моментов в отношения внутри колхозов.

Другая таблица является итоговым подсчетом на основе комбинации социальных признаков с имущественными. Она дает следующий социальный состав об'единенных колхозами хозяйств[1]:

Показатели	Виды коллективных хозяйств	Число об'единенных в коллективы хозяйств							
		Пролетар.	Полупролетар.	Простых товаропроизвод.				Мелких капиталистических	Всего
				Мельчайш.	Мелких	Средних	Зажиточн.		
В абсолютн. величинах	Коммуны	58	488	98	5	2	—	—	651
	Артели	38	286	367	91	41	7	—	830
	Т-ва по совместной обработке земли .	790	1691	4550	2491	1747	482	14	11765
	Итого . . .	886	2465	5015	2587	1790	489	14	13246
В % % к числу всех хоз. членов кол.	Коммуны	0,4	3,7	0,8	0,0	0,0	—	—	4,9
	Артели	0,3	2,1	2,8	0,7	0,3	0,1	—	6,3
	Т-ва по совместной обработке земли	6,0	12,8	34,3	18,8	13,2	3,6	0,1	88,8
	Итого . . .	6,7	18,6	37,9	19,5	13,5	3,7	0,1	100

Эти цифры подтверждают ту же закономерность: товарищества по совместной обработке земли, наиболее распространенная форма, включали в себя представителей мелкокапиталистического сектора. Нам кажется, что и эти сведения преуменьшали количество данных элементов в колхозах в 1928 году. Но факт пролезания „врагов социализма" налицо.

Таким образом, классовая борьба развертывалась не только вокруг, но и внутри колхозов, особенно в простейших об'единениях. К сожалению, за 1929 г. обработанных статистических материалов нет. Но ясно, если процент кулаков в колхозах

[1] Проф. В. Смирнский „Динамика коллективного земледелия и соц. структура кубанских колхозов" печ. в трудах Куб. пед. ин-та т. I (IV). В последней таблице выпущены средние два раздела, в которых подсчитано в процентах к итогу по каждому виду колхозов и в процентах к итогу по всем видам колхозов.

стал меньше, то упорство борьбы его за развал колхозов и сопротивление по всему фронту социалистического строительства еще больше увеличилось.

Доказательством этого был ход хлебозаготовок в 1929 г. Выдвигается новый лозунг, вокруг которого кулаку удалось об'единить часть середняков: „сельхозналог убивает культурное хозяйство, хлебозаготовки—середняка". Майско-июньские хлебозаготовки шли туго. Пленум ОК констатировал: „при проявлении правых тенденций и открытых правых дел со стороны отдельных членов партии, затруднительного развертывания работы местных организаций по выполнению хлебозаготовительного плана, сопротивление, оказанное кулацкими элементами в станицах в выполнении майско-июньского плана хлебозаготовок, сломлено не было". 8-го сентября в газете „Красное знамя" появляется статья секретаря Крайкома ВКП (б) т. Иванова под названием— „Почему Кубань очутилась в хвосте". Основные выводы статьи: а) „нет мобилизационной готовности", б) „боятся и не желают нажимать на кулака". Вся осень прошла в напряженнейшей борьбе за хлеб. Кулак, как бы предчувствуя непосредственное приближение „последнего часа", стремился на хлебозаготовках задержать темп роста колхозного движения и сохранить у себя резервы, чтобы в будущем легче маневрировать против мероприятий пролетарского государства, опираясь на спрятанный хлеб. В станичную работу были вовлечены большие рабочие кадры города. Годовой план был выполнен вместе с гарнцевым сбором на 90% только к 1-II—1930 г., а по продовольственным культурам на 91%. Позднее и нестопроцентное завершение хлебозаготовок дало в итоге только 73% выполнения плана хлебозаготовок, падавших на кулаков, в то время как бедняцко-середняцкий сектор выполнил план на 108%. Снова имели место перегибы по отношению к середняку и недостаточный в общем нажим на кулака. Это отмечалось бюро окружкома в отношении Тихорецкого района. В резолюции по докладу райкома указано: „Наряду с этим (некоторыми достижениями— *Н. Л.*) состояние массовой работы с беднотой неудовлетворительно; налицо массовые факты искривления классовой линии— массовые описи и продажа хозяйства бедняков и середняков, при явно недостаточном нажиме на кулака, с которого получено только 50% причитающегося с него хлеба" [1].

На 10 декабря годовой план по округу был выполнен только на 69%. Остальное взяли в результате огромного напряжения в обстановке уже мощно нараставшей лавины сплошной коллективизации округа.

---

[1] „Коммунист", № 3, 1929 г. Рез. бюро ОК от 16-XI—1929 г., стр. 38.

Другая важнейшая кампания — осенний сев—прошла более удачно и имела значение прелюдии к переходу округа в новый этап сплошной о коллективизации. К 5 декабря по сводкам окрзу было выполнено 751.072, или 86,4% плана посева озимого клина. Эта плщ адь делилась на 32% обобществленного сектора и 68% индивидуального. Как распределялся удельный вес разных социальных групп в индивидуальном секторе? У бедноты—26%, у середняков—63,3%, у кулаков—10,7%. К обще-окружной озимой площади размер посева кулака равен 7%. Внутри обобществленного сектора соотношение выражалось в 85,1% на колхозы, в 3,8% на совхозы и в 11,4% на обобществленные посевы. По сравнению с 1927-28 г.г. посевная площадь колхозов и совхозов возросла в 3 раза. План по коллективизации за кампанию был превышен больше чем в 2 раза. Организовано в новые колхозы было 56.538 хозяйств вместо 27.291 хозяйства по плану. Недовыполненные 13,6 плана озимого сева не снижали посев в отношении к предыдущему году, наоборот, имелось превышение на 3,3% .Вот цифры: в 1928 г. посев озимого клина в тысячах—573,0, в 1929 г.—726,5, на 1930 г.—751,07[1]. В обстановке обостреннейшей борьбы за хлеб, колоссального сопротивления кулачества, наличия перегибов по отношению к бедноте и середнякам и недостаточности нажима на кулака, осенняя посевная кампания подводила все же благоприятный для нас политико-экономический итог 1929 года. Она подняла коллективизацию на новую ступень. Получился резкий скачок—превышение больше чем вдвое намеченного плана.

Более общие показатели под'ема с. х. за 1929 г. рисуют тоже благоприятную картину: посевная площадь за 1928-29 хозяйственный год достигла 100,7% по отношению к уровню 1913 г., укрепилась машино-техническая база развития с. х.—в округе был организован ряд машино-тракторных станций, против 1928 г. количество тракторов возросло на 537 и составляет 1.378 шт. (включая и начало 1930 г.), общий рост вложений в с. х. со стороны государства составил в 1929-30 г. 42.625 р. (кроме особых ассигнований правительства на укрупнение колхозов) против 4.165 руб. за 1928-29 год.

Словом, социалистическая переделка с. х. на Кубани вступила в решающий этап своего развития. Всколыхнулись широчайшие слои бедняцко-середняцких масс. В ноябре-декабре 1929 г. мы были свидетелями начала несомненно величайшего под'ема в колхозном движении. Коллективизация получила широкую основу, охватив к декабрю до 30% хозяйств кубанской станицы.

Ноябрьский пленум ЦК по докладу об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства вынес резолюцию, которая

[1] Ст. Старченко—„Итоги осенней посевной кампании", „Коммунист", № 3, 1929 г., ст. 13—17.

давала оценку исторического значения этого под'ема: „Достигнутый размах колхозстроительства превзошел все плановые предположения, все отчетливее выявляя то гигантское ускорение темпов развития соцстроительства, которое предвидел Ленин... Начинается новый исторический этап социалистического преобразования сельского хозяйства на путях укрепления производственной смычки пролетарского государства с основными бедняцко середняцкими массами деревни... Подводя итоги колхозстроительства необходимо отметить:... осуществление новых организационных форм и методов коллективизации, в частности на основе опыта машино-тракторных станций, строительство крупных колхозов и усиление их роли, охват колхозами целых селений, переход к сплошной коллективизации районов и округов. Колхозное движение ставит уже задачу сплошной коллективизации перед отдельными областями".

Линия на создание крупных колхозов была взята на Кубани с лета 1929 года, подтверждение чего мы находим во всех основных директивах ОК, дававшихся за этот период на места. За четыре последние месяца было коллективизировано в 3½ раза больше, чем за все предыдущее время. Середняцкая прослойка возросла с 27% до 40% в числе вновь вступивших в колхозы. Образовано было осенью 14 крупных колхозов, которые об'единили все бедняцко-середняцкое население станицы.

27 ноября бюро Сев.-Кав. Крайкома ВКП(б) вынесло историческое решение о сплошной коллективизации Северного Кавказа. Констатируя огромные успехи колхоздвижения, принявшего за последний год массовый характер, отмечая наличие середняцкого большинства во вновь организуемых (осенью 1929 г.) колхозах, исходя из 25% коллективизации на Северном Кавказе, Крайком счел „правильным и своевременным поставить вопрос о сплошной коллективизации сельского хозяйства Северного Кавказа. Крайком считает, что вся работа всех краевых и местных партийных, советских и других организаций по осуществлению сплошной коллективизации должна быть построена с таким расчетом, чтобы закончить коллективизацию не позже чем к лету 1931 г.[1]".

В развитие этой директивы Кубокружком вынес решение: „Поставить перед всеми окружными и районными учреждениями и организациями з дачу и приступить немедленно к подготовительной работе до 100% коллективизации полеводства округа в предстоящую весеннюю посевкампанию (1930 г.)"[1].

Край становился в авангард движения по сплошной коллективизации. Величайшая историческая задача в декабре всколыхнула массы. Проходили собрания по станицам, на которых

---

[1] „Материалы по сплошной коллективизации", изд. ОК ВКП(б). Краснодар, 1930 г., стр. 24.

принимались решения хлеборобскими массами, при всеобщем повышенном настроении. Это развертывался уже решающий этап социалистической реконструкции, окончательно переделывался старый соц.-экон. уклад деревни. Он проходил в обстановке обостренной классовой борьбы с кулачеством, судорожно стремившимся повернуть колесо истории назад. Кулак стоял на страже своих интересов и искал наши ошибки, чтобы их использовать для „качания" середняка, для отрыва его от коллективного движения, противопоставления единоличника колхознику.

„Северный Кавказ... берет первый на себя почин по сплошной коллективизации края, наметив для этого полуторагодичный срок... Какое место и какую задачу должен поставить для себя в этой области Кубанский округ?". С этого вопроса начал свою статью т. Крупин, имея целью раз'яснить, почему Кубань должна провести 100%-ную коллективизацию весной и летом 1930 г. Отмечая, что на Кубани к декабрю процент колхозов выше чем средний по краю (25% и 30%), товарищ поясняет: „В колхозы пошли целые станицы и хутора. Если к этому добавить, что в области крупного колхозстроительства Кубань дает примеры наиболее крупных „гигантов колхозов" (Уманский, Павловский и др.), то станет ясно, что Кубань в системе Северного Кавказа должна взять на себя первой задачу по осуществлению плана сплошной коллективизации... Вот почему решено сплошную коллективизацию округа осуществить в течение наступившего хозяйственного года, т. е. к осенней посевкампании 1930 г. "[1].

Кубань должна была стать в авангарде авангарда. Постановка задачи действительно грандиозна. Открылась новая полоса, с новым изменением в соотношении и расстановке классовых сил в станице. Борьба с кулачеством вступала в новую фазу. Организация крупного колхозного производства создавала материальную базу, которая вышибала кулацкое производство. Сплошная коллективизация требовала иного подхода к вопросу об отношениях к кулачеству. Политика ограничения должна была смениться новой политикой. „Колхозное движение, принявшее характер мощной нарастающей антикулацкой лавины, сметает на своем пути сопротивление кулачества, ломает кулачество и прокладывает дорогу для широкого социалистического строительства в деревне" (Сталин).

Раскулачивание этой лавиной ставится в порядок дня. „Теперь раскулачивание представляет там (в районах сплошной коллективизации—*Н. Л.*) составную часть образования и развития колхозов" (Сталин).

---

[1] „Коммунист", № 3, 1929 г., стр. 9—11, ст. Крупина.

Был выброшен лозунг ликвидации кулачества, как класса, в районах сплошной коллективизации. Пробил двенадцатый час кулацкой собственности. Раскулачивание означало экспроприацию основных средств производства, находившихся в руках капиталистических элементов в деревне и передачу их в руки крупных колхозов. На Кубани экспроприировалась самая мощная социальная сила самостийной контр-революции. Это придает ликвидации местного кулачества особенно большое историческое значение. Одна из баз российской контр-революции в прошлом становится окончательно и бесповоротно действительной и прочной опорой социалистической революции в деревне. Последнее звено в истории перехода от „одной базы к другой" выходит за рамки настоящей работы и должно подвергнуться специальному дополнительному изучению. Мы еще не доехали до конечной станции этого перехода. Но гигантски быстро приближаемся к ней. Нужно бороться еще, чтобы окончательно добить и уничтожить экономически и политически кулачество и основу, на которой оно может рождаться, чтобы довести до конца сплошную коллективизацию бедняцко-середняцких масс станицы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Если учесть основные моменты истории—

1) бурного революционного под'ема, который смел первую волну местной контр-революции и привел к первому советскому образованию на Кубани в 1918 году;

2) тяжелых лет гражданской войны, когда середняцкие массы казачества умелой кулацко-офицерской, сословной и национально-шовинистической политикой были противопоставлены большевизму и за это испытали все прелести деникинского, помещичье-генеральского господства;

3) советского периода, заполненного ожесточенной классовой борьбой кулачества с соввластью, борьбой, в которой власть шаг за шагом отвоевывала у него середняка, все прочнее опираясь на бедноту,—

то ясно вырисуется ряд особенностей этой истории, учет которых многое об'яснит в своеобразии обстановки, в которой партия борется за сплошную коллективизацию, ликвидируя кулачество, как класс, и окончательно выкорчевывая корни капитализма в станице.

Первая особенность — необычайно сильное сопротивление кулачества всем мероприятиям по социалистическому переустройству Кубани. Если вспомнить:

1) что раскулачивание здесь в 1918 г. не проводилось;

2) что местный кулак вступил в период нэпа экономически, так сказать „девственным", с сохранением у себя основных ресурсов, которыми он владел при белых, ибо за 1920 год продразверстка меньше его потрепала, чем „собратьев" в центральных губерниях за 1918-19-20 г.г.;

3) что самостийная поместная контр-революция, пришедшая к разрыву с Деникиным, дала возможность ему в конечном счете большие возможности, по сравнению с другими вандейскими районами, сохранить социально-политические связи и просто кадры живой силы;

4) что наличие сословных пережитков и предрассудков, являвшихся наследием дореволюционного времени и вспрыснутых участием казачьих масс в контр-революционном лагере, давало в

руки кулака дополнительное орудие в классовой борьбе против пролетариата;

5) что ошибки в казачьем вопросе местных парторганизаций, вытекавшие из неверного подхода к казачеству, как к монолитной сословной массе, и приводившие к соскальзыванию с четкой классовой линии, только помогали кулаку разжигать сословную рознь,—

— то тогда станет ясна об'ективная основа чрезвычайно резкого обострения классовой борьбы на Кубани при проведении сплошной коллективизации.

Именно сильное и цепкое сопротивление и особая активизация кулачества, попытки его сомкнуть здесь свою борьбу с работой контр-революционных антисоветских элементов из эмиграции, находят себе об'яснение в итогах прошлого развития.

Наивно думать, что кулацкие корни, имея в виду прошлое кубанской почвы, уже выкорчеваны. Они еще имеются. Оставшиеся кадры кулаков и подкулачников в станице—реальный факт, с которым нужно считаться, который сделать „нереальным", можно только через окончательное выкорчевывание оставшихся корешков. Кубанскому кулаку нанесен решительный удар, он разбит, но еще недобит. Мы его должны добить и уничтожить окончательно и бесповоротно, и экономически и политически, успешным доведением до конца сплошной коллективизации. Бешеное сопротивление проведению коллективного массового сева на протяжении всей кампании (март, апрель, май) является подтверждением этой оценки. Моментом, ясно вскрывающим глубину кулацкого сопротивления, является некоторое оживление сословной розни, бесспорно замечавшееся весною в станицах. В этом необходимо видеть проявление все той же, отмечавшейся во всех главах книги, закономерности. На решающих поворотах рознь раздувается и сознательно используется кулачеством в своей политической тактике или для наступления или для обороны и сохранения своего классового бытия, как это имеет место в данном случае.

Именно сейчас, как никогда, очень четко выпирает наружу классовая основа борьбы за коллективизацию и поэтому наиболее легко может и должна быть разоблачена попытка кулачества еще раз нажить себе политический капитал на разжигании сословной розни. Воистину, могилой сословной розни будет очевидно могила кулака. Мы ее окончательно „закопаем" вместе с ним.

Если является грубой политической ошибкой, несомненным проявлением правого оппортунизма, недооценка степени кулацкого сопротивления на Кубани в полосу сплошной коллективизации, то опасна и переоценка этого сопротивления и недоучет мощности социальной базы, на которую мы имеем все

возможности опереться. Этот подход был бы продолжением, в сегодняшних условиях, взгляда на историческую роль Кубани в революции, по которому она рассматривалась только, как Русская Вандея. На самом же деле в кубанской станице имелись очень мощные силы и резервы революции, на их основе в 1918 г. выросла советская власть и этих сил в период решительной социалистической реконструкции сельского хозяйства имеется неизмеримо больше.

Генеральная линия партии по социалистической переделке деревни, четко сформулированная и развитая т. Сталиным в речи на конференции аграрников-марксистов и в „ответе колхозникам", борьба на два фронта, как необходимое условие для ее реализации требуют, при конкретном преломлении в условиях кубанской станицы, решительного преодоления этих двух антиленинских подходов к оценке соотношения классовых сил в станице.

Необходимо понять, что все прошлое Кубани неизбежно ведет к особенно обостренной классовой борьбе в период сплошной коллективизации, что без этой борьбы провести ее нельзя и что поэтому мы должны научиться правильно учитывать все козыри наших врагов, чтобы им противопоставить нашу большевистскую политику по сплочению вокруг лозунгов партии прочного и преобладающего большинства станиц.

Именно в свете этой задачи становится особенно ясным вред „левых" перегибов в проведении коллективизации, которые имели место и на Кубани. Между прочим, этот же смысл имела основная политическая ошибка, допущенная Кубанским окружкомом в кампании—курс на 100%-ную коллективизацию в одну весну 1930 года.

Путь к успешному окончанию борьбы за сплошную коллективизацию лежит через исправление политических ошибок. В основе их—недооценка значения союза с середняком, неумение закреплять этот союз путем крепкой организации бедноты, как опоры партии в станице. И в бедняцком и в середняцком вопросах особенно бросается в глаза повторение старых ошибок кубанской организации в отношении к казачеству.

В период наибольшего внимания к казачьему вопросу — 1925-26 г.г. — эти ошибки тоже давали себя знать. В 1928 и 1929 г.г. работа с казачеством являлась одним из самых слабых звеньев работы на Кубани. Наконец, в феврале 1930 г., в разгар кампании по организации весеннего коллективного сева окружком должен был признать, что о казачьем вопросе забыли.

Бюро Крайкома ВКП(б) в особом апрельском постановлении о работе среди казачьего населения отмечало „не только чрезвычайное ослабление работы... но даже в ряде мест прямое искажение линии партии в отношении казачества, в основе своей представляющего хлебороба-середняка". Роль казака в социали-

стическом переустройстве станицы недооценивалась. Пора, наконец, понять всем, что успешно завершить социалистическую переделку станицы можно только „при условии активного участия в этом деле бедняцко-середняцких слоев казачества" (из резолюции Крайкома).

Кто не понимает этого, продолжает повторять старые ошибки и искажает линию партии, „тот является прямым пособником кулака". Кто не понял „казачьего вопроса", как местной исторической особенности, которая должна быть обязательно учтена при преломлении генеральной линии партии в кубанских условиях и особенно на этапе ликвидации кулачества, как класса, на базе сплошной коллективизации, тот не способен быть проводником политики партии в станице.

Никогда не было признаком большевистской политики игнорирование исторических корней тех или иных местных особенностей. Анализ этих корней, в связи с казачьим вопросом, уяснение особенностей социально-политического развития кубанской станицы за 1917—29 г.г. могут привести только к одному выводу:

—когда и где проявлялись антиказацкие настроения вообще, рассматривалось казачество, как сплошная антисоветская масса, тогда и там переходили с почвы большевистской, пролетарской политики на почву мелкобуржуазного левого авантюризма и партизанщины в скверном смысле этого слова, или же на почву правого оппортунизма.

Игнорирование работы с казачеством, неумение подойти к ней с классовым критерием, почти всегда было следствием переоценки сословности вообще. Это всегда приносило услуги только нашему классовому врагу. Кулак всегда наживал политический капитал на „водобоязни" наших товарищей по отношению к сословным особенностям казачества, на их неумении видеть в казачестве классовые группы, как основное социальное содержание „казачьего" крестьянства. Где мы соскальзывали с классовой линии в казачьем вопросе, там мы не умели сомкнуть казаков с советски настроенными массами из иногородних, там кулак пролазил со своей „сословностью" и старался вбить клин между казачеством и советами.

Работа с казачеством есть часть работы с беднотой и середняком в деревне. Мы должны научиться справляться с работой и среди „этой части", широко втягивать казачество вместе с остальным крестьянством во все звенья наших организаций и в колхозное движение, чтобы завершить успешно начавшуюся борьбу за сплошную коллективизацию, за превращение середняка из союзника в колхозную опору пролетариата в станице.

К маю 1930 г. имеются все основания утверждать, что на Кубани уже завершился коренной поворот основных бедняцко-середняцких масс на сторону колхозов. Успешное закрепление

этого поворота и доведение сплошной коллективизации до конца будет проведено кубанской парторганизацией на основе осуществления дальнейшего наступления социализма по всему фронту, полнейшего уничтожения всех капиталистических элементов в станице и выкорчевывания того, что их рождает, самой решительной борьбы с правыми оппортунистами, как главной опасностью, и с левыми остатками контр-революционного троцкизма и скатывающимися к ним „левыми загибщиками".

Кубанские большевики заканчивают первый массовый колхозный сев, добившись вместе со всей партией величайших невиданных побед по социалистической переделке старого соц.-экономического уклада деревни, вопреки предсказаниям нытиков и маловеров из оппортунистов.

Они должны будут вместе с краевой парторганизацией, как составная часть ее, добиться сохранения за собой положения авангарда вплоть до стопроцентного завершения сплошной коллективизации деревни всего Советского Союза.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛ... ИСТОРИЧЕСКАЯ ...КА

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

От автора 3

Глава I. Классовые и сословные противоречия до революции 5

Глава II. Революция и контр-революция (1917—1920 г.г.) 22

1. Поражение местной контр-революции и власть советов 1-й половины 1918 г. 22

2. Господство деникинщины и кубанская самостийная контр-революция 47

Глава III. Классовая борьба в первые годы советской власти (1920 год — осень 1924 год) 66

1. Соотношение классовых сил в итоге гражданской войны и основные этапы борьбы с кулачеством 66

2. Первые годы нэпа (1921 г.—осень 1924 г.) 71

Глава IV. Классовая борьба в восстановительный период и „советизация казачества" (осень 1924 г.—конец 1927 г.) 97

1. Восстановление хозяйства, классовое расслоение и социально-экономические преобразования 97

2. Оживление советов и борьба за укрепление бедняцко-середняцкого блока 129

Глава V. Реконструктивный период, социалистическое наступление на кулачество и массовое коллективное движение (конец 1927 г.—конец 1929 г.) 156

VI. Заключение 187

2,090